

И.А.КУРАТОВ

III

ТОМ

КОМИ ГОСИЗДАТ

1939

Ш.А.БУРАТОВ

*Лингвистические
работы*

второй том

*Коми Государственное Издательство
Сыктывкар
1939*

В своих статьях Куратов употребляет ряд специальных знаков, из которых два особых знака по техническим причинам в данном издании не могут быть применены. Знак вставления (— надстрочный), указывающий на вставочную букву заменяется выделением буквы светлым курсивом, знак сокращения (\wedge над строчкой), показывающий, что слово сокращено, заменяется выделением буквы, над которой стоял знак, полужирным курсивом.

И. А. КУРАТОВ—ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КОМИ ЯЗЫКА

Прошло 100 лет со дня рождения первого замечательного коми поэта, основоположника коми литературного языка Ивана Алексеевича Куратова.

И. А. Куратов родился 6 (19) июля 1839 г. в селе Кибре Сысольского района б. Устьсысольского уезда, в семье бедного дьячка.

Он рано лишается своего отца, и ему приходится переносить большие невзгоды как в детстве, так и в годы юности.

Учится он сначала в яренском духовном училище (1850—1854 г. г.). Ко времени пребывания в училище относятся его первые поэтические опыты, подписываемые им псевдонимом „А. И. Гугов“. Пишет он в это время на алфавите, составленном еще Стефаном Пермским, но вновь опубликованном в 1849 г. профессором Вологодской духовной семинарии Н. И. Савваитовым в его „Грамматике зырянского языка“.

В 1854 г. И. А. Куратов поступает в Вологодскую духовную семинарию, по окончании которой, чувствуя отвращение к поповскому ремеслу и решив посвятить свою жизнь служению народу, учителем в г. Сыктывкаре.

Здесь он пишет свою первую лингвистическую работу „Зырянский язык“, печатающуюся в „Вологодских губернских ведомостях“ за 1865—1866 г. г.

„Высочайшим приказом“ за № 27 от 11/VII—1865 г. он направляется в Казань для обучения на аудитора при штабе Казанского военного округа. В 1865 г. Куратов выезжает из Сыктывкара, чтобы не возвращаться больше на родную землю. После долгих скитаний с воинскими частями по Туркестану И. А. Куратов скончался в ноябре 1875 г. в возрасте 36 лет. Выручка от продажи его имущества выразилась в сумме 100 р. 43 к. Так закончилась многотрудная жизнь поэта, ученого, борца, поборника интересов угнетенных, подъяремных трудовых масс.

Имя первого, незаурядного коми поэта и основоположника коми литературного языка долгое время пребывало в безвестности. Заклятые враги советского народа, буржуазные националисты не только искажали его облик, но и старались предать забвению имя Ивана Алексеевича Куратова, творчество которого никак не укладывалось в узкие рамки буржуазного национал-шовинистского мировоззрения. Мало был известен широким массам коми народа И. А. Куратов, как поэт, но еще менее известен он (даже сейчас) как лингвист, как первый исследователь коми языка, сделавший удачную попытку научно-материалистического обоснования его.

Нельзя сказать, что до Куратова не было попыток создания коми грамматики. Нет, попытки эти были и даже не единичные. Но качество их было ниже всякой критики даже в то время. Читатель может получить о них известное представление уже из следующей оценки их Куратовым: „Отличительные черты зырянского языка, суффиксы и послеположения, неизменяемость коренных слов и строгологический синтаксис, по которому причина всегда предшествует следствию, время и место действию все это (и кажется не мало) наш грамматист выпустил из виду“. (Рецензия на „Зырянскую грамматику“ Флерова). Со свойственной ему страстью он обрушивается на грамматистов типа Флерова: „...автор ее что прежде всего открыл перед собою так это, вероятно, российскую Грамматику Ломоносова; потом переписал некоторые правила ее, перевел на зырянский язык некоторые примеры, приведенные в ней, дал своей книге другое название—и зырянская грамматика готова! Дешево и сердито“. И еще: „... сочинение (грамматика Саввайтова.—А. В.), которого цену однако никто и не намерен ронять, представляет больше искусственную систему нашего языка, чем действительный тип его“.

В изучении языка с целью составления грамматики его не должна быть движущей силой корысть, не погоня за ложной славой, не нужда и скучающая праздность и не непригодность к другому общественно-полезному делу. И. А. Куратов резко отчитывает Е. Лыткина за подобные взгляды: „... адъюнкт-профессор Егор Лыткин мне без обиняков написал, что он жалеет драгоценное время, которое я употребляю на составление зырянской грамматики, что он, Егор Лыткин, думает, что я, нижеозначенный, вероятно, еще не столько стар и не годен к иному делу, чтоб заниматься подобными вещами“. Только тогда можно добиться ощутимых результатов в составлении грамматики, когда эта работа станет жизненной потребностью человека,

когда она будет исходить из внутренних высоких побуждений человека, истоки свои берущих в глубокой, бесконечной любви к своему угнетенному народу, в непоколебимой вере в могущественную силу слова, родного языка в деле просвещения масс (знание языка, материала само собой уже разумеется). Ученый должен считать работу своим кровным, любимым делом и всего себя отдавать ему, не считать свою работу частным, личным делом, а общественным, народным. Теперь ясно, почему первых коми грамматистов постигала обычно неудача, почему их грамматика изобиловала грубейшими ошибками, делавшими ее негодной для пользования.

Разумеется, в негодности грамматик повинны прежде всего их авторы в том смысле, что они мало знакомы с языком, что они не утруждали себя глубоким и внимательным изучением его.

Но, по существу, второе является неизбежным следствием первого, второе необходимо вытекает из первого. Нет сомнения в том, что выше поименованные труды не содержали бы множества ошибок, авторы их полностью осознали бы трудность и значение возложенной на них задачи и взялись бы за труд после соответствующей задачи подготовки, изучения языка, вооруженные всеми необходимыми знаниями, если бы были охвачены тем же стремлением, той же целью для блага народа, что и И. А. Куратов.

Для того чтобы успешно работать над составлением грамматики, нужно помнить, нужно знать великое значение знания родного языка в деле поднятия культурного уровня масс. Куратов в то время это понимал, как никто. „Когда есть народ, то ему нужно образование; познания же можно передать ему через его же язык“. И дальше: „...он теперь-то есть единственный орган распространения знания между зырянами. Мне многие из самых образованных зырян говорили противное. Но что может быть проще того, что русского надо учить на первых порах на русском языке?“. В самом деле, зачем коми человеку не дозволено учиться на родном языке? Ясный ум Куратова не мог пройти мимо такого вопиющего противоречия неприглядной действительности: необходимости образования и отсутствия элементарнейшего, необходимейшего условия для этого—языка, грамматики, обучения на родном языке. Это его приводило в неистовство, и в ряде мест мы читаем слова, полные волнующего возмущения и негодования. „Им бы только показывать свою ученость, а польза народная в стороне“,—гневно бросает он по адресу пресмыкающихся перед царизмом, примиряющихся с этой неприглядной действительностью „ученых“ типа Лыткина и К^о. Ясно,

что его грамматика, его статьи о языке, в которых чувствовалась крамола, не могли увидеть света при царизме, Неудивительно, что И. А. Куратов приходит к такому неутешительному, но правильному заключению: „Таким образом мы еще не знаем такой зырянской грамматики, которая была бы составлена после тщательных аналитических работ“. Вывод, безусловно, верный.

Составленные до этого грамматики коми языка лишь отдаленно напоминали подлинную, народную грамматику коми языка.

Ряд ученых трудов по коми языку, главным образом финских и немецких лингвистов, существенной помощи оказать не могли. Вот почему самым лучшим пособием для изучения коми языка и составления его грамматики Куратов называет „наблюдения над живым языком и собственное воображение“. Главный порок ранних коми грамматик в том и заключался, что их составители шли не от живого языка, а от книг. Но изучение лучших книг, лучших работ, конечно, не может возместить отсутствие знаний живого языка.

Флеров, Савваитов, А. И. Попов и ряд других грамматистов отрывали язык от народа, рассматривали его изолированно от его носителя. Куратов же подчеркивает, „что язык зырянский изучать—значит изучать зырянский народ, его образ мыслей и взглядов на мир и жизнь, его образование и вообще его отличительный народный оттенок. Итак, вопрос об изучении зырянского языка тождествен с вопросом об изучении народов во всех отношениях“.

Поэтому составляющий грамматику должен в совершенстве знать язык народа, его жизнь, стремления, помыслы, чаяния. Флеров, Савваитов и др. грамматисты то, о чем недвусмысленно заявлял Куратов, и в помине не имели. Эти были люди и не помышлявшие о политике, о связи языка с интересами народа. В лучшем случае это были добропорядочные буржуа, замкнувшиеся, ограничившие мир своей работой.

С нескрываемым отвращением он говорит об относящихся с пренебрежением к коми языку: „Много есть зырян, говорящих с презрением о своем родном языке! это выражает их безнравственность“. Им известно, что зырянский язык не развит, что на нем ученость свою нельзя показать, а коли этого уж нельзя показать, то для чего и писать по зырянски?—негодующе замечает он по адресу „высоко образованных зырян“, становящихся „Иванами непомнящими родства“ при упоминании о коми народе.

Знакомясь теперь, с языковедческими работами И. А. Куратова, мы видим, что все наиболее существенные особенности коми языка не ускользнули от пытливого

взора ученого и нашли в подавляющем большинстве случаев верное, научное объяснение. Поэтому насыщенность примерами, обилие оригинальных мыслей, рассуждений, догадок, касающихся коми языка и его истории, сохранили его статьям научный и исторический интерес по сию пору.

И. А. Куратов был для своего времени глубоко образованным человеком. К нему полностью можно отнести слова поэта, что он шел „с веком наравне“. Выбившийся из низов коми народа своей настойчивостью, силой воли и способностями, он не только владел чудным поэтическим даром „глаголом жечь сердца людей“, не только был наделен пылким темпераментом и великою страстью бойца — поэта, но и трезвым умом аналитика, холодным рассудком ученого.

Его статьи, несмотря на их незаконченность, неотредактированность, производят впечатление работ, сделанных умелой рукой мастера. Широкая осведомленность в языковых вопросах, глубина проникновения в тайники, в неисследованные или малоисследованные области коми языка, убедительность аргументов и смелость обобщений — вот что отличает его статьи. Образованность, эрудиция в сочетании с логикой всегда imponируют. Несокрушимая логика Куратова опирается на непререкаемые факты. А что может быть убедительнее фактов?

Познания Куратова в вопросах языка были поистине необъятны. Он знал громадное количество языков, свыше двух десятков, в том числе древние классические языки, современные восточные, западно-европейские. Он не был узким лингвистом, ограничившим свои исследования одним родным языком. Некоторые обрывки работ, наброски, варианты показывают, что он интересовался и другими, родственными коми языку языками: удмуртским, марийским, чувашским и др. и даже намеревался написать грамматики их.

Для изучения каждого отдельного языка нужно знание общего языкознания. Общее языкознание нужно как теоретическая база для изучения отдельных языков, для постановки проблем и их разрешения в каждом конкретном языке.

Куратов это прекрасно понимал, и из его статей мы можем вывести заключение, что он со вниманием и серьезно изучал работы крупнейших лингвистов, не только русских, но и иностранных, что он зорко следил за каждым новым словом, сказанным в области языка. В своих статьях он упоминает не только имена крупнейших исследователей угро-финских языков Шегрена, Кастрена, Видемана и др., но и имя одного из основоположников сравнительно-исторического языкознания Гумбольдта.

Надо полагать, что он был знаком и с другими столпами сравнительно-исторического языкознания, с такими как Шлегель, Шлейхер, Бопп и др. Он жадно прислушивался к каждому новому слову в учении о языке и стремился проверять каждое положение на практике, на языке коми в первую очередь. Конечно, нельзя было ожидать в то время безусловно правильного решения всех вопросов, связанных с языком. Как ни талантлив человек, но его, не вооруженного острым скальпелем диалектического метода марксизма, неминуемо подстерегают ошибки. Пороки сравнительно-исторического языкознания не могли не коснуться и его. Это прежде всего заметно в воззрениях Куратова на роль географической среды в развитии языка, в разделении им общераспространенного взгляда на происхождение и развитие языков, теории пранарода и праязыка. Мы не можем также сказать, что он понимал диалектическое единство языка и мышления, что понимал язык, как явление надстройки над базисом.

* * *

В статьях о коми языке красной нитью проходит мысль о величайших потенциальных возможностях коми языка, обреченного влачить жалкое существование под гнетом царизма, проводящего руссификаторскую политику в отношении всех национальностей России. Неоднократно Куратов возвращается к мысли о лексической бедности коми языка и не менее настойчиво подчеркивает мысль о фонетическом богатстве коми языка, о его предельной сжатости, краткости, изумительных выразительных средствах, о стройности и логичности грамматики коми языка. Нельзя не привести здесь хотя бы одного высказывания, касающегося фонетических особенностей коми языка: „В зырянском языке есть немецкое *Ö* (*Uöchter*), итальянское *Z* (*Dopizetti*), английское *g* перед *E* (*georg*), русское *Ы* и близкое к французскому *и*. Никто так часто и хорошо не может говорить на всех этих языках, как зырянин (разумеется, изучивший их), потому что тот или другой звук, исключительно принадлежащий тому или другому языку, зырянину всегда природный“.

И еще: „...Фоническая сторона зырянского языка всегда находится в гармонии с логической“.—Какое неумеренное восхваление коми языка!—воскликнет сведущий в вопросах коми языка читатель. Действительно, кажется, это уже не объективная оценка языка, а подчеркнуто—пристрастный подход к нему, превознесение его. Но И. А. Куратов прекрасно отдавал отчет тому, что писал; он не мог бы не заметить резко бросающихся в глаза необосно-

ванных похвал коми языку, слишком уж хорошим знатоком коми языка он был. Этот панегирик коми языку преследовал сугубо политическую и глубоко принципиальную цель: еще и еще раз обратить внимание русского общественного мнения (конечно, передового) на то, в какие невозможные условия существования поставлены многочисленные народы России; еще и еще раз показать, что никакие просветительские цели не руководят царизмом, русской буржуазией, кроме жажды наживы, голого интереса, холодного эгоистического расчета. Буржуазии чужды интересы народа, чужда забота о просвещении народа. Коми язык, который является лучшим средством просвещения, поднятия культуры масс, находится в загоне. „Через храм, училище, суд и расправу русский вторгается в область зырянского. Неразвитость последнего само собой уже ведет к владычеству первого“.

(Куратов). Игнорирование родным языком тормозит дело просвещения народа. Дело прогресса, роста народа стоит в теснейшей связи с развитием языка, „ибо он (коми язык — А. В.) единственный орган распространения знаний между зырянами“.

(И. А. Куратов). То, что Куратов преувеличением положительных сторон коми языка преследовал ту цель, чтобы обратить внимание на многочисленные народности России и не только России, но и вообще на угнетенные, отсталые народы, подтверждается еще тем фактом, что он не останавливается на одном коми языке и родственных с ним языках, но с большой теплотой отзывается и о китайском языке, бывшем в то время не только предметом изучения, но и мишенью насмешек и издевательств. Он пишет: „...китайский язык есть язык вкуса, науки, искусств, торговли, политики и законодательства многолюднейшего из государств в свете, образованнейшего в целом востоке и верно стоящего выше по цивилизации, чем рассчитывает надменный европеец“.

Эти строки говорят о том чувстве уважения, которое питал И. А. Куратов не только к языкам народностей России, но и вообще к восточным языкам отсталых народов. Пробудить интерес к малым народностям, к их языку, отнестись с уважением к ним — такова та задача, которую пытался, в частности, разрешить Куратов. Безвременная гибель помешала ему осуществить эту высокую и благородную задачу.

Подчеркивание богатейших возможностей своего языка ни в коем случае нельзя понимать как проявление националистических тенденций в творчестве его, в его убеждениях.

Оно говорит о том, что образование, знания, в которых так нуждаются народы, можно плодотворнее всего,

быстрее и лучше всего передать через родной язык, а для этого нужно дать возможность развиваться последнему, дать возможность раскрыть все те богатства, которые, возможно, таятся в нем.

Во всех его статьях, в рассуждениях сквозит любовь и забота, видно внимание, с каким он относится к коми языку, печется о его развитии и в целом о культуре и просвещении коми народа.

Трудной, но благородной целью задался И. А. Куратов. Мы уже упоминали о неудачных попытках систематизации языка коми. Эти неудачи не могли удручающе действовать на него. Он не смалодушествовал. Наоборот, он отчетливо представлял ошибки своих предшественников и все больше и больше проникался сознанием своей правоты, уверенностью в своих силах. Мысль о необходимости помощи угнетенному народу всеми ему доступными средствами неотступно сопровождала его везде и всюду, властно, захватила его... Сознание необходимости распространения просвещения в массах и облегчения этой задачи двигало его пером, и оно же вынудило беспощадно расправиться существовавшими грамматиками. Его резкость может быть даже нарочитая, но она повелительно диктовалась моментом. Существовавшие грамматики не могли помочь народу, они были далеки в своем толковании, систематизации коми языка от живого народного. Куратов при этом руководствовался самыми лучшими намерениями.

Что же неблагоприятствовало появлению правильной коми грамматики? Делая резюме, Куратов перечисляет целый ряд причин (отсутствие литературы, отчуждение зырян с высшим образованием от коми народа и языка, другие, более „существенные“ дела, привлекающие внимание лингвистов), при этом иронически подчеркивая, что вина по существу в самом языке, в его отдаленности, отдаленности от светского Петербургского об-ва, в его своеобразной конструкции, наконец, в неопределенности форм коми языка.

В самом деле, казалось бы, что отличие от русского языка, своеобразие его именно должно привлечь самое пристальное внимание лингвистов. Но, увы! Не это интересовало царское правительство, их приспешников и прислуживающих им „ученых“. С непокорными, с не желающими стать на колени крепостнически-капиталистическое правительство самым беспощадным образом расправлялось.

Лишь люди, обуреваемые страстным желанием помочь бедствующему народу, ведомые могущественной силой, именуемой любовью к народу, дерзко, наперекор власти и мушкетерам творили свое нужное, для блага народа дело.

Все выше перечисленные неблагоприятствовавшие появ-

лению правильной грамматики коми языка причины, безусловно, являются неизбежным следствием всего политического строя, всей социально-экономической структуры общества.

К этой мысли, открыто не высказанной в статьях Куратова, но довольно прозрачной, логически приводит читателя весь ход рассуждений, вся совокупность фактов, положений в его статьях и художественных произведениях.

* * *

Коми язык не однороден. Он делится на несколько диалектов. Знание этих диалектов, безусловно, обязательно для изучающего коми язык, тем более с целью составления грамматики его. Куратов различает в коми языке 6 диалектов: Сысольское, Лузское, Верхневычегодское, Нижневычегодское, Вашкинское (или Удорское) и Ижемское. Различение этих диалектов он проводит по линии употребления звуков Л и В и гласных звуков.

Современное языкознание критерием в определении принадлежности слов к тому или иному наречию берет эти же показатели.

Употребление Л в большинстве наречий в настоящем времени изъявительного наклонения в глаголах (он берет глагол *повны*, *пола*) дало основание Куратову для утверждения о правильности, типичности именно Сысольского диалекта, на котором звук Л побеждает в произношении звук В (*полны*, *сол*, *йӧл*, *юалны* и т. д.). Коми литературный язык, говорит он, должен взять за основу Сысольский диалект именно из за главенства звука Л над В. Например, и вычегодское *пов* и ижемское *поо* и Сысольское *пол* в изъявительном наклонении настоящего времени сохраняют звук Л, а не В или О: *пола*, *полан*, *полӧ*, *полӧны* и т. д.

В общем правильные наблюдения над диалектами вызывают возражение лишь в одном, а именно, в типичности Л для слов, в которых чередуются Л и В. Куратов не довел наблюдение свое до конца, во всяком случае, в известных нам статьях этого не видно. Куратов не заметил, что чередование Л и В в вычегодском наречии зависит от послестоящего за ними звука. Перед гласной произносится Л (*пола*, *сола*, *колӧ*, *кылӧ* и т. д.), а перед согласной—В (*повны*, *совла*, *ковны*, *кывны* и т. д.).

Попутно Куратов замечает, что на заводах и в Сыктывкаре речь сильно отличается от всех прочих наречий коми языка обилием русских слов, в произношении приуроченных к коми грамматике.

К сожалению, Куратов не останавливается на лексическом различии описанных диалектов. Выезд из Сыктывкара в Среднюю Азию прервал его дальнейшие наблюдения над живым коми языком, над его диалектами.

И. А. Куратов с живейшим интересом вел наблюдения и над другими языками, родственными его родному языку. Мы выше уже писали, сколькими языками он владел. Но особенно глубоко изучал он мордовский, удмуртский, марийский и чувашский. Недаром он имел намерение писать грамматики и этих языков.

Изучая языки нацменьшинств, а также некоторые восточные (турецкий, монгольский), он обнаруживает сходство в строе этих языков с коми, которое сводит к 9 основным пунктам. Почти все они в основном правильно характеризуют вышеупомянутую группу языков. В частности, отмечается употребление предлогов не перед словом, а после него. Куратов их именует, как и было принято тогда, послеположениями. Указывается на слабую дифференциацию частей речи, на определенно-притяжательные суффиксы (н)-ым, (н)ыд, (н)-ыс, называемые аффиксами, или неотделяемыми местоимениями, на особую конструкцию предложения, когда „все главное ставится впереди“ (Куратов).

Особенно любопытен первый пункт, который гласит, что „на всех этих языках корни слов (в именительных падежах и повелительном наклонении) не изменяются, а к ним делаются прибавления различных частиц для показания наклонений, чисел, времен, лиц и пр. Следовательно, в строгом смысле на всех их нет склонений и спряжений, как форм имен и глаголов, и все они суть языки неизменяемые“.

Иначе говоря, Куратов признает коми язык неизменяемым языком, не имеющим ни склонения, ни спряжения. Мы не будем больше приводить цитат, но скажем, что эту мысль свою он подчеркивает еще несколько раз. Больше того, он утверждает, что коми язык—это язык односложный, типа китайского. Каким образом пришел Куратов к этому утверждению, для нас звучащему архаично? Проследим его мысль.

Можно предполагать, что Куратов был знаком с морфологической классификацией языков (хотя терминологией сравнительно-исторического языкознания он не пользуется).— Согласно этой классификации он различает языки, в которых грамматические отношения выражаются с помощью порядка слов в предложении, синтаксическим способом (аморфно-синтетические), и языки, в которых грамматические отношения выражаются самой формой слова, несущей в себе грамматическую функцию (флективные языки). Первые он просто называет слабо развитыми язы-

ками и совершенно верно выдвигает в качестве представителя китайский язык. Вторые он называет высоко развитыми и типичным представителем их считает русский язык. Алтайские языки (так он называет коми язык с группой сходных с ним языков) нельзя отнести ни к той, ни к другой группе.

Своеобразие их в том, что у них только еще начинают образовываться морфологические формы. Эти формы образуются из самостоятельных слов, употребляющихся в роли форм словоизменения или словообразования, весьма слабо связанных с корнем, слабо связанных как раз вследствие самостоятельности этих слов. Слова эти вспомогательные, служащие именно для выполнения той же роли, что и в русском языке падежные окончания и суффиксы. Эти слова—служебные. Они приставляются к корням для выражения падежей, чисел, времен и т. д. Считать их тождественными с падежными окончаниями и суффиксами в русском языке никак нельзя.

В самом деле, казалось бы, что, например, слово „джык“ (бурджык, ёнджык) является формой сравнительной степени прилагательных. Однако „джык“, оказывается может присоединяться и к глаголу, например, кужанджык (больше умеешь). „Так в зырянском языке одни и те же суффиксы иногда составляют и форму имени и форму глагола“. (Куратов). Это значит, что служебные слова есть особые слова, самостоятельные слова, и что, следовательно, коми язык „есть язык односложный, хотя не так скудный коренными словами, как утверждают о китайском“... Таким образом Куратов приходит к утверждению, если не о полной аналогии, то, во всяком случае, о крайней близости коми языка к китайскому по своей грамматике. Правда, говорит он, могут сослаться на то, что служебные слова, эти частицы не выражают ничего, никакого понятия и ни к какой части речи их отнести нельзя. Значение свое они получают лишь в сочетании и в сопоставлении друг с другом в предложении... Это верно, но с другой стороны, ведь и знаменательные слова в коми языке получают, продолжает он, значение известной части речи лишь в сопоставлении с другими и в сочетании с вышеупомянутыми служебными словами.

Конечно, положение о идентичности коми языка китайскому современное языкознание принять не может. Но нельзя не согласиться с наблюдениями Куратова о служебных частицах и их роли в языке.

Роль, их значение И. А. Куратовым охарактеризовано с предельной ясностью. Специфика агглютинирующих языков к которым относится и коми язык, заключается именно в наличии служебных частиц, вспомогательных слов,

играющих роль форм словоизменения и словообразования, прикрепляющихся к корню один за другим: керка, керка-яс, керка-яс-ой, керка-яс-ой-лы и т. д.

Ошибка Куратова заключается в том, что он преувеличивал самостоятельность этих частиц, чересчур опредмечивал, материализовал их, выскивая в них первобытное, первоначальное содержание.

Нет сомнения, что этимология их такова, какую предполагает Куратов. Но между тем как мы считаем эти слова или частицы вошедшими в язык в роли форм словоизменения и словообразования, Куратов находит, что время для подобного утверждения еще не наступило.

Теперь ясно, почему Куратов падежные окончания пишет отдельно от корней слов. Кстати, Куратов замечает, что ряд этих служебных слов уже твердо вошел как формальные принадлежности, например, в глаголах. Поэтому он пишет с глаголами их слитно.

Более существенным недостатком языковых статей Куратова, логически вытекающим из первого, является утверждение об односложности коми языка, подобно китайскому.

Куратов находит, что коми язык в основном состоит из односложных слов, как китайский или корейский. Мы протестуяще отнесемся к насильственной разбивке слова Куратовым только для того, чтобы утверждать, что это слово, состоящее из двух или нескольких слогов, представляет сочетание самостоятельных слов. Многие двухсложные и многосложные слова, которые Куратов рассекает на части, мы воспринимаем как единые, неразрывные звуковые комплексы—носители определенных понятий. Конечно, этимология анализируемых Куратовым слов правильна, но отдельные слоги уже настолько изменились внешне, что они ничем не напоминают слова, к форме и содержанию которых Куратов хочет возвести эти слоги. Нельзя на анализе слов в русском языке вроде ноздря нос-дыра, нос-ды-ра прийти к утверждению об односложности русского языка, несмотря на всю верность этимологического разбора.

Утверждение об односложности коми языка, ныне, уже, конечно, не приемлемое, к счастью, не отразилось отрицательно на его практической грамматике. А между прочим, примеры, приводимые в качестве аргумента в пользу этой мысли, заслуживают всяческого внимания в с мысли мастера анализа слова и к тому безукоризненно правильного.

Является ли недостатком односложность языка? Куратов не считает односложные языки безнадежно отсталыми. Он находит, что и они имеют свои достоинства. В чем же

видит достоинства односложного языка Куратов? Достоинство его прежде всего в том, что словосоставление происходит исключительно просто, в строгой последовательности, по важности того или другого оттенка понятия. Это простота и логичность в еще большей степени, говорит Куратов, относятся к построению предложений, к порядку слов в предложении. Благодаря этому, предложения имеют необычайную ясность и выразительность. В пример словосоставления он берет слово лол (душа) и тщательно анализирует его. Первая частица „Л“ выражает действие; добавив „О“, получаем „ЛО“, „будь, существуй“; третья буква, „Л“ образует слово „ЛОЛ“, что значит ‘душа’; значит „ЛОЛ“ указывает на момент жизни человека, его существования. Образование слова, даже односложного просто и логично.

Эта простота и логичность словосоставления свойственны коми языку, именно как односложному, повторяет Куратов.

В нем чрезвычайно мало чуждого, наносного, ненужного. Поэтому он так ярок и выразителен. В его распоряжении имеются все средства для точного и полного выражения понятий.

„Зырянский язык есть коренной язык, начинающий, как живой организм, свое развитие внутри, что в нем менее, чем во многих других языках того, что к нему прилипло извне в беспорядочном виде“ — так обобщает свои наблюдения над коми языком И. А. Куратов. За эти рассуждения ухватились враги народа, буржуазные националисты, все те, кто пытались скрыть истинное лицо основоположника коми литературного языка, в чьих интересах это было нужно делать, и буквально лезли из кожи, пытаясь доказывать, что здесь в статьях Куратова имеют место истоки коми национализма, буржуазного шовинизма. Ради этого они не брезговали ни подтасовыванием фактов, ни вырыванием цитат из текста, ни высасыванием „доказательств“ из пальца. Но за всеми этими ухищрениями торчали уши буржуазных националистов, дышавших злобой и клеветой на первого певца трудящегося коми народа, старавшихся очернить в глазах коми народа родоначальника национальной литературы, литературы идущей разрез с их интересами и черными помыслами.

Куратов протестовал против свирепой руссификаторской политики царизма по отношению к национальным меньшинствам России.

Он восставал против ненужного и бессмысленного изменения грамматической структуры коми языка, тормозившего развитие его, всеми силами отстаивал право коми языка на самостоятельное существование и развитие, как

одного из средств возрождения народа. Нельзя, конечно, не отметить, что Куратов ударился в другую крайность, полагая, что самостоятельное развитие языка предполагает исключение влияния других языков на его грамматику, что влияние будет во вред языку. Вот почему он с сокрушением констатирует факт влияния на коми язык со стороны русского языка (да и не только русского): ... в современном зырянском языке вспомогательные частицы так тесно связаны с глаголами, что они начинают обращаться в действительные окончания и формы их, сохраняя свою самостоятельность при всех остальных разрядах слов". И еще: „хотя совершенная правда то, что этот порок замечается весьма редко, но замечается". Он даже замечает, что окружение другими языками влечет за собой распад коми языка.

Практика языкового строительства в условиях советского общества показывает, что влияние русского языка чрезвычайно благотворно на языки многочисленных национальностей Советского Союза. Мы видим, что в коми языке начинают появляться такие синтаксические обороты, которые звучали бы дико раньше. Особенно помогает проникновению в коми язык новых, казалось бы не свойственных ему оборотов, наша большевистская печать, газеты, журналы. Еще больше укрепляет их в языке переводческая практика. Наибольшие изменения в этом отношении видны в области сложно-подчиненных предложений.

Несомненно, что это влияние положительное, способствующее развитию коми языка и его обогащению. Если всего это Куратов и не мог предвидеть и осознать целесообразность его, то лексическое сближение он не только констатировал, не только одобрял, но и сам практиковал в своей художественной деятельности. Он делает верное замечание о том, что русские глаголы проникают в коми язык с помощью прибавления буквы т: прими—примит, служи—служит и т. п.

При проникновении русских слов в коми лексикон происходила в звуковом отношении соответствующая метаморфоза. Куратов указывает, что звуки О, Х, Ф изменяются соответственно в Ё, К, П. Наблюдение, безусловно, правильное.

В заключение добавим, что, по нашему мнению, в отнесении Куратовым коми языка к языкам типа китайского сыграло известную роль стремление буквальной передачи значения частиц на русский язык. Такой перевод приводит к тому, что ряд служебных, вспомогательных слов чрезмерно опредмечивается, материализуется, что еще более усиливает впечатление самостоятельности этих слов. Например, ничего не выражающее ёй в коми языке долж-

но переводиться словом „мой“ (керкаой 'мой дом), ничего не значащее ыд в сочетании с другим словом переводится как ‚твой‘ (керкаыд 'твой дом) и т. п.

* * *

В фонетике коми языка Куратов восторгается обилием гласных звуков. Звуки в словах „имеют приятное и легкое сочетание“. Для устранения неприятных для слуха сочетаний, для обеспечения легкого перехода от звука к другому между частями слов вставляются беглые звуки.

Выше мы приводили цитату Куратова о том, что „фонетическая сторона всегда находится в гармонии с логической“. Как это понять? Это значит, пишет Куратов, „понятие или отношение его, выраженное на первобытном языке известным членораздельным звуком, и теперь выражается им же“, т. е. первоначальное, первобытное содержание слова хорошо сохранились в коми языке до настоящего времени. Слово с момента своего рождения мало или совсем не подвергалось фоническому изменению при полном сохранении первого своего значения, понятия.

К сожалению, доводы его оказываются не весьма убедительными, так как он оперирует лишь местоимениями, якобы лучше всех слов донесшими до современности перворожденный членораздельный звук, выражавший лицо.

Куратов совершенно справедлив в оценке объема коми языка. „Объем чисто зырянского языка чрезвычайно ограничен ...“ пишет он. И вслед за тем он указывает на причину лексической бедности языка: „...причина этой ограниченности заключается в исторических судьбах зырян и месте, какое они занимают“. Судьба коми народа—это судьба всех национальных меньшинств царской России, обреченных на вымирание, не говоря уже о культурном и экономическом застое. Нельзя лишь согласиться со словами Куратова о том, что „бесцветность природы и малое пространство зырянской стороны лишают наш язык слов для естественных произведений физических явлений“.

Как ни бедна показалась бы природа на первый взгляд, местный житель всегда пребывает в законной уверенности, что природа дает ему все, что требуется для него. Вещь получает название лишь в случае направления на нее общественного интереса. Если у эскимосов существует 10 названий для снега, то у балкар всегда лишь одно, но зато свыше 100 наименований для овец и баранов. Следовательно, повторяем, бытование того или другого термина объясняется именно общественной значимостью носителей этих терминов, а не просто окружением; это было бы грубоупрощенным, вульгарным представлением о влиянии геог-

рафических факторов. Вещи осознаются не в их природном, но в общественном бытии.

Нельзя, конечно, не согласиться с Куратовым в том, что коми язык беден и словами для отвлеченных понятий. Он правильно говорит, что разнообразие отношений в обществе способствует богатству языка, выражающего эти отношения. Но он тут же отмечает, что в „общественном быту пермян господствовали простота и равенство, мало-сложность и однообразие. Шаманская демократия исключала возможность законодательства. *Да* или *нет* кама заменяли судебные постановления и административные учреждения“. С этими рассуждениями нельзя согласиться. Законы развития человеческого общества не могли, конечно, сделать исключения для коми народа. Коми не представляли какого-то идиллического человеческого коллектива в каком-то уголке земного шара, среди океана народов, во все времена и эпохи раздираемых классовыми противоречиями и боями. Куратов был в ложном неведении относительно истинного положения вещей, и его убежденность в отсутствии в истории коми народа отношений „господ к рабам, богатых к бедным, сильных к слабым“, является лишь досадной ошибкой мыслителя, не смогшего полностью отрешиться от историко-философских воззрений, господствовавших в его время.

Но мы всецело присоединяемся к горькой мысли Куратова о том, что „народное образование не благоприятствовало обилию зырянских слов, выражающих созерцательную работу“. Да, конечно, царские сатрапы не особенно пеклись о поднятии культурного уровня коми, ведь Коми край был колонией царизма. И совершенно прав первый коми языковед в своем утверждении. Однако, добавляет он, коми язык не настолько беден, чтобы в нем совершенно не было слов, выражающих отвлеченные понятия, или, как он пишет, слов „для выражения души и ума“. Эти слова образуются из слов явлений природы и употребляются обычно иносказательно и в большинстве случаев в сочетании между собой. Против ничего возразить, конечно, нельзя. Это положение он иллюстрирует чрезвычайно интересными примерами. Приведем один-два примера.

Слово *гöгөрвоны* 'понимать' состоит из *гöгөр* 'вокруг' и *воны* 'пройти', т. е. вокруг пройти, узнать предмет со всех сторон, всесторонне рассмотреть. *Юрбитны* 'молиться' состоит из *юр* 'голова' и *битны* или *вины* 'бить'. Буквально 'бить головой'.

Ошкыны 'хвалить', говорит Куратов, происходит от *ош* 'медведь', буква к беглая. *Ошкыны*—буквально делать медведем. Поскольку медведь является сильнейшим из

зверей на севере, уподобление человека медведю должно звучать для первого высшей похвалой, так как сила ставится здесь выше всего и дает славу.

Подобное иносказательное употребление слов мы встречаем у ряда диких народов. (Это явление новое учение о языке назвало бы семантической дифференциацией).

Куратов приводит еще целый ряд примеров. Нельзя не восхищаться его изумительным по убедительности анализом слов. Этимологический анализ слов безукоризнен и не может оставить ни малейшего сомнения в правильности его даже у самого придирчивого читателя. Даже для коми языковеда, искушенного в этих вопросах, подчас этимологический разбор какого-либо слова представляется целым откровением. Заметим, кстати, что Куратов не упоминает о словах, выражающих отвлеченные понятия, но в то же время не представляющих омонимов и тем более их словосочетание. Но делать из этого какие-либо выводы в том смысле, что вообще вряд ли были тогда такие слова, было бы, конечно, преждевременно и необоснованно. Наверное, Куратов не видел надобности останавливаться на них, так как их было мизерное количество. Несомненно, такие слова как „мбъпавны“, „шогсыны“ и т. д. в то время имели столь же широкое употребление, какое и сейчас. Кроме того, Куратова прежде всего интересовал этимологический разбор слов, в отношении чего составные слова и иносказательные представляли благодарнейший материал.

Существенное значение Куратов, далее, придает, пользуясь его терминологией, звукоподражанию и звуковой мимике. Звукоподражания („киль-киль“, „турк-тарк“, „буз-баз и т. п.) и звуковая мимика являются особенностью неразвитых языков.

Звуковая мимика в отличие от звукоподражания выражает, как правильно указывает Куратов, „не звуки, а движения животных и предметов неодушевленных“. В пример он берет слова гонъявны, тетьявны и довъявны и весьма остроумно расшифровывает эти слова как выражение походки гуся (гон-гон), походку курицы (тот-тот) и колебание поставленного шеста (дов-дов): в приложении к человеку первое слово „выражает ходьбу с высоко-поднятой головой и наблюдение (гонъялны)“, второе—„ходьбу мелким шагом и с покачиванием туловища (тетьялны)“ и третье— „походку сильно пьяного человека (довъявны)“. Насколько нам известно, слова эти расшифрованы как нельзя лучше.

Роль этих звукоподражательных слов и звуковой мимики охарактеризована с исчерпывающей полнотой. Они украшают речь коми, делают картинною и в то же время оставляют предложение предельно сжатым, кратким. Дос-

таточно одного примера Куратова, чтобы в этом убедиться: **мян ныв пырис сюв-сявк**, т. е. „наша девка вошла и произвела эффект шумом платья“; **сювк-сявк**, как видит читатель эквивалентно словам „и произвела эффект шумом платья“. Куратов охарактеризировал их немногословно, но достаточно полно.

И, откровенно говоря, это явление в коми языке, как и ряд других интереснейших явлений, нашедших в статьях Куратова более или менее полное освещение, далеко не в такой степени привлекает внимание наших грамматистов, какой оно заслуживает. Нужно со всей прямо-той признать, что истолкование ряда особенностей коми языке Куратовым придется принять без каких бы то ни было оговорок в качестве классического. Конечно, не исключена возможность (даже необходима) дальнейшей разработки ряда вопросов, и, возможно, положения Куратова подвергнутся коренным изменениям. А пока они представляют в ряде мест, и в частности по только что рассмотренному вопросу, непревзойденный образец рассуждений, истолкований и обобщений.

Характерным для Куратова, как исследователя-языковеда, является, если можно так выразиться, историчность исследований. Он не просто берет привлечший его внимание языковой факт и рассматривает, анализирует его как таковой. Он стремится во всех случаях рассмотрения явления подвергнуть его анализу с точки зрения его истории, его происхождения, с точки зрения развития его. С этой целью каждое слово он подвергает тщательному палеонтологическому анализу. К сожалению, этот палеонтологический анализ слов он слабо связывает с развитием мышления или связывает механически, так же, как мало показывает зависимость, обусловленность развития данного явления от развития человеческого общества. Этот анализ он производит с целью выявления изменения звуковой формы слова, хотя иногда не без попыток связи с развитием мышления и общества. Вообще развитие слова понимается как развитие формы слова. Это был порок, присущий всему сравнительно-историческому языкознанию, и какое ни большое значение Куратов не придавал семасиологии и лексике языка, избавиться от этого порока он не мог. Указывая на возможное происхождение числительного кык 'два' от кек 'рука' или кок 'нога' и, как полагается, приводя сравнительные формы из других языков (марийское кок 'два'), Куратов не выясняет причины, почему эти названия этих членов могли стать выражением понятий числа и каким образом произошло отвлечение 'двух' от конкретного носителя этого понятия.

Кстати, об'яснение происхождения слова арõс (меным 20 арõс наряду меным 20 во) может проиллюстрировать одну из его удачных попыток связи происхождения и развития слова с экономикой, с жизненными интересами опосредствованно через мышление. Осень являлась праздником для людей, ибо она обеспечивала людей пищей и скот кормом на зиму, ибо осень была благословенной порой для охотника. Естественно, что начало года должно и могло считаться только с осени. Потому прожитую жизнь коми измеряли числом прожитых осеней. Вот откуда выражение „я двадцати осеней“ (ме кызь арõса). Об'яснение простое и понятное, логичное и убедительное.

Так, шаг за шагом, последовательно, тщательно подвергает Куратов анализу все особенности коми языка. Чтобы не могло быть двусмысленностей, путаницы, затруднений в понимании, он при всей кропотливости, скрупулезности анализа сохраняет лаконичность языка, что, безусловно, является достоинством его статей. Доходчивость изложения, несмотря на поспешность написания первой статьи и неотредактированность последующих статей, простой, чистый слог между прочим говорят о хорошем знании русского языка и об умении распоряжаться своим богатым словарем. Чутье художника слова сдерживало его перо и не позволяло ему терять чувство меры, за исключением, быть может, рассуждений касательно происхождения и истории коми народа, где, нам кажется, широкая, буйная фантазия и юношеский задор и пыл поэта увлекли его и вышли победителем в столкновении с холодностью и осторожностью лингвиста (мысли о судьбах финских племен); но, в крайнем случае, и эта риторика и „высокий“ пафос могут быть оправданы самой темой, самим содержанием,

* * *

Коми слова И. А. Куратова делит на следующие части речи:

1) аффиксы; 2) имена существительные; 3) имена прилагательные; 4) местоимения; 5) глаголы; 6) наречия; 7) послеположения; 8) союзы; 9) междометия.

Надо признать, что деление это условное, так как И. А. Куратов не раз подчеркивает, что дифференциация частей речи в коми языке еще не закончена, что части речи еще не определились, что чуть ли не каждое слово может стоять в каждом конкретном случае в значении той или иной части речи. Имена прилагательные, глаголы, наречия и послеположения часто употребляются в одной и той же форме в качестве существительных и наоборот.

С целью различения их Куратов в рукописях слова, употребленные в смысле существительных, пишет с большой буквы, как в немецком языке.

В вышеперечисленные разделы слов не вошли частицы, служащие для выражения изменений глагола и почти уже слившиеся с основой, почему их Куратов уже не пишет отдельно, и частица множественности—*яс*. Их И. А. Куратов называет вспомогательными частицами. Имена числительные включены в раздел прилагательных. Имена существительные и прилагательные у Куратова идут под одним общим названием имен. Это опять же объясняется слабой дифференциацией частей речи в языке.

Аффиксами Куратов называет определительно-притяжательные суффиксы—*ым, -ыд, -ыс* (-ным, -ныд, -ныс). О роли их Куратов говорил, что они „делают речь определенной“. Относительно их происхождения Куратов делает догадку, что они произошли от личных местоимений с перестановкою букв и с переменной (во 2-лице аффикса) твердой буквы на мягкую. Нам кажется, что эта догадка есть именно правильное решение вопроса.

Нужно отметить, что необходимость перевода этих суффиксов на русский язык местоимениями (*-ым 'я' -ыд 'ты' 'твой' и т. д.*), хотя первые очень далеки по форме от коми местоимений, с одной стороны, и убежденность в односложности коми языка, заставляющая в каждой частице, в каждом слогом искать первоначальное, первобытное содержание, а каждое многосложное слово разбивать на слоги—слова, с другой стороны, привели к тому, что суффиксы притяжательности оказались выделенными в особый разряд слов, в особую часть речи.

Как уже выше мы писали, И. А. Куратов не признавал падежных окончаний в коми языке. Коми слова—неизменяемы, значения же их меняются благодаря специальным служебным словам, называемым послеположениями. Эти послеположения соответствуют русским окончаниям падежей и русским предлогам. Эти послеположения представляют настоящую сокровищницу коми падежей, говорит Куратов. Они дают возможность выражать самые разнообразные отношения между словами.

Всякие попытки рассматривания этих послеположений как падежных окончаний, категорически заявляет Куратов, лишь тормозят дело развития языка, так как многообразие форм сводят к нескольким искусственным формам.

Виды глаголов, которые различает Куратов, есть не что иное, как различие глаголов по их суффиксам, придающим различные значения или оттенки значений словам.

Причастия—это отглагольные имена прилагательные. Он тонко подмечает, что причастия, кончающиеся на—*ысь*

переводятся на русский язык причастиями действительно-го залога настоящего и прошедшего времен, причастия, кончающиеся на—**õм** переводятся причастиями страдательного залога настоящего и прошедшего времен. Причастия с суффиксами,—**ан,-ян** Куратов по традиции относит к герундиям.

Все формы глагола образуются благодаря вспомогательным частицам, присоединяемым к форме повелительного наклонения второго лица единственного числа, например: **мун**—форма повелительного наклонения 2-го лица единственного числа, неопределенная форма—**мунны** (**ны**—вспомогательная частица неопределенной формы глагола), в изъявительном наклонении настоящего времени в единственном числе I лица форма **мун-а** (**а**—вспомогательная частица) и т. д.

Для нас эти вспомогательные частицы осознаются только как глагольные формы при спряжении. Для Куратова они—суть самостоятельные слова, правда, по сравнению с другими вспомогательными частицами (например у имен) настолько ушедшие от первоначальных форм своих, что он сам уже пишет их вместе с корнем с коренным словом.

Любопытны его исследования, рассуждения по восстановлению первоначальных форм этих вспомогательных слов.

Вот что он пишет относительно частицы I-го лица настоящего времени изъявительного наклонения-**а** (**мун-а**). „Это **-а** есть не что иное, как послеположение-**õн** в сокращенном виде-**а**, выражающее употребление чегонибудь“. Он берет для примера слово **бур**—'добрый' 'добро'. **Бурõн**—значит 'с добром' или 'добром'. Далее он сокращает послеположение-**õн** в-**а** и получает **бура** со значением формы **бурõн**. Это—остроумное и весьма убедительное по своей логике рассуждение, должное привлечь к себе самое пристальное внимание наших коми лингвистов. Столь же последовательно идет анализ и других частиц.

Стоит еще остановиться на частице 3 лица единственного числа настоящего времени **õ**: **мун-õ**, **вõч-õ** и т. п.

Эта частица **õ** происходит, говорит Куратов, от междометия **õй**, означающего восклицание. Частое употребление этого междометия стало причиной того, что оно перешло к глаголу (**вõчõй**). Слово **вõчõ** значит теперь 'делайте' и 'делает', т. е. в значении восклицания в повелительном наклонении 2 лица множественного числа настоящего времени и в изъявительном наклонении 3 л. ед. числа нас. вр. Это **õй**, отмечает Куратов, весьма распространено в языке. Оно употребляется, например, вместо аффикса I лица—**АМ** (**керкаõй** и т. п.), употребляется и во множественном числе в I лице (**вõчамõй**) и еще в некоторых случаях.

Небезынтересны рассуждения Куратова в отношении происхождения причастий. Окончание-**ысь** есть послеположение, соответствующее русскому предлогу 'из'. Приложенное к глаголу сохраняет свое значение: **сет** 'дай' **сетысь** 'из дай', 'из тех кто дает', 'дающий'.

Аналогично **босьтысь** 'из бери', из тех, кто берет'. Остроумно, но несколько искусственно. Этот пример, нам кажется, может явиться иллюстрацией к нашей мысли о неверном стремлении к буквальной передаче на русском языке каждой частицы. Попробуйте дать буквальный перевод суффикса—АЩ или—ЯЩ на коми язык. Перевод возможен лишь как перевод всего того целого, что является словом, без ненужной, а иногда затрудняющей перевод, затуманивающей смысл разбивки.

Окончания страдательного причастия **ОМ**, как справедливо отмечает Куратов, есть в видоизмененное эм 'есть'. Отсюда **доймОМ**—**доймЭМ**—**дойЭМ** 'ушибленный' или 'раненный'—ушиб есть, т. е. имеется ушиб, рана (**М**—вставочный звук).

Деепричастия кончаются на частицы **-ИГ** и **-ТӨГ**. **Иг** соответствует русскому 'при'. Заметим, что не всегда этот перевод возможен, вернее, правилен, например, предложение **„вөрлэдзиг кежлӧ лӧсьӧдчӧм“** переводимо так 'подготовка к лесозаготовкам', но ни в коем случае не—'подготовка при лесозаготовках' (?), исключая, конечно, дословный, или вернее "слоговой" перевод, так часто применяемый И. А. Куратовым, повидимому, в целях соблюдения точности.

В вопросах происхождения частей речи мы не находим у Куратова развернутых высказываний. Древнейшей частью речи И. А. Куратов считал местоимение. Почему? Потому что оно, по его мнению играет самую важную роль в каждом языке, важнее, чем какая бы то ни было другая часть речи. Это его ошибочное утверждение лишено сколько-нибудь серьезных обоснований. Он, например, говорит, что „надобно не радеть о себе, чтобы не говорить чаще всего себе“, что первым словом ребенка является местоимение и им же было первое слово первого человека. Нам известно, что первыми словами человека были не отдельные части речи в современном понимании, не местоимение, а был неразложимой звуковой комплекс, выражавший понятие, представление, образ, выступавший, как одна из частей речи в зависимости от обстановки и потребности говорящего.

Местоимения выделяются позже из имен. Еще более позднего происхождения глаголы. Однако мы можем сказать, что с появлением местоимения появляется морфология, появляется склонение и спряжение.

Конечно, представление о происхождении частей речи у Куратова далеко от материалистического понятия, — оно наивно — идеалистично. Например, он говорит, что прежде чем явилось у человека „сознание о внешних предметах, прежде чем он выдумал названия сам последним (имена сущ.) он уже употреблял личное местоимение и глагол“. Таким образом по этому вопросу у Куратова мало точек соприкосновения с современным языкознанием. Но нас здесь интересует другое. В поисках доказательств он чрезвычайно детально и добросовестно сравнивает местоимения, главным образом со стороны звукового оформления, многих языков, пытаясь доказать что именно местоимение сохранилось в своем первобытном звукооформлении лучше всего и именно вследствие частого употребления его, что являлось гарантией от порчи. Не во всех языках они сохранились одинаково. В некоторых они испорчены, искажены, в ряде же языков сохранились в их непосредственности, в первобытной, так сказать, свежести. Неиспорченность их в коми языке (звуки: *m*, характерный для I лица *t*, — для второго лица, *S* — для третьего лица) лишний раз свидетельствует о неиспорченности и коми языка именно как коренного, как односложного, так же как именно односложность языка позволила донести до наших времен местоимения в их первобытном звукооформлении и значении.

И. А. Куратов заботился о том, чтобы все достоинства коми языка не стусевывались бы при разговоре, ревниво следил за выразительностью не только в лексическом и грамматическом отношении, но и в фонетическом отношении. Зыряне, говорит он, для благозвучия языка прибегают к следующим мерам:

1) к вставочным буквам, 2) к выбрасываемым буквам, 3) к перемене твердых букв в мягкие и 4) к сокращениям.

Об употреблении вставочных букв он составляет целую таблицу, которая может быть принята и сейчас с некоторыми добавлениями. В ней он перечисляет вставочные буквы, вставляемым после первообразных существительных и перед первообразными частицами и аффиксами единственного числа. Особенно употребительна, подчеркивает Куратов, буква *H*, вставляемая: 1) между личными местоимениями и неполными послеположениями (менё *вм.* меёс), 2) между теми же местоимениями и следующими за ними аффиксами единственного числа (меным *вм.* мелым) и 3) буква *H* есть приставка к аффиксам множественного числа. Вот почему от аффиксов *ЫМ*, *ЫД*, *ЫС*, *НЫМ*, *НЫД*, *НЫС* весьма часто остаются *М*, *Д*, *С*. Так же скрупулезно разбираются и прочие специфические явления в коми языке.

Приложенные в конце книги материалы для пермского толкового словаря представляют большой интерес в лексическом отношении.

Они дают возможность судить о лексиконе коми человека в середине XIX в. о наиболее употребительных в то время словах, о фонетических и семантических изменениях многих слов и, следовательно, о развитии коми языка почти за 100 лет. Кроме всего этого, материал дает представление о методах работы Куратова над словом, гл. образом над его этимологией.

А. Вежнев.

Зырянский язык

ЗЫРЯНСКИЙ ЯЗЫК ¹⁾

(Посвящается Василию Евгеньевичу Кичину)

1. МЕСТО ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА МЕЖДУ ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ

Основываясь на сходстве грамматического строения языков, лингвисты относят зырянский язык к большой группе алтайских наречий. Общее понятие о последних читатель может составить из следующего:

Корень и форма слов всех их имеют между собою самую слабую связь: так окончания падежей могут быть рассматриваемы как особые самостоятельные слова или так называемые послеположения (Postpositionen). В этом отношении алтайские наречия занимают средину—с одной стороны—между языками, не имеющими форм или словопроизведения и имеющими только синтаксис (как китайский),—с другой—языками, имеющими два элемента, материи и формы, из коих первый выражает основное понятие, а другой—часть речи (каковы, например, славянские и большая часть европейских языков).

Строение речи алтайских языков однообразно при более или менее значительном разнообразии корней и форм. Изменения формы разнообразны, но просты и одни и те же для всех корней; поэтому каждое алтайское наречие имеет одно склонение и одно спряжение. Греческий, латинский, славянские и большая часть западно-европейских языков имеют, напротив, по нескольку склонений и спряжений каждый.

Кроме этого приведем слова академика Видемана*), говорившего согласно с Кастреном**), об алтайских наречиях:

*) Видеман (1805—1887 г. г.)—исследователь финских языков, один из крупнейших авторитетов сравнительного языкознания в области финских языков.

Кастрен. Матвей Александр (1813—1852), известный лингвист и этнограф, по национальности финн. В 40-х годах Кастрен написал коми грамматику. (Примеч. ред.).

„здесь корень неизменяется; прибавка ставится всегда сзади (suffux): так образуются склонения, спряжения и новые слова. Союзов здесь не много; они часто значатся отглагольными существительными и наречиями. В этих языках родов нет; при количественных числительных предметы ставятся в единственном числе; богаты производными глаголами и именами; при соединении главного слова с каким бы то ни было придаточным изменяется только главное“. (Классификация народонаселения Российской импер. по языкам. Статья Видемана).

К алтайской группе относятся языки: маньчжурские, монгольские, татарские, самоедские и финские. Все они отличаются друг от друга не столько грамматическим строением, сколько в лексико-графическом или ономатическом отношении. Зырянский язык принадлежит финскому семейству.

Все финские языки распадаются на четыре разряда: 1. **Западно-финский** разряд составляют языки: финский, эстский, ливский и лапландский. Большая часть лингвистов сюда же причисляют и венгерский. 2., **Разряд Угрский** составляют языки Остяков и Вогуличей. 3., **Болгаро-финский** разряд—языки мордовский и черемисский. Наконец, 4., **Биармский** или **Пермский** разряд составляют языки: вотский (вотякский), пермский (пермякский) и зырянский. Ономатическое сходство трех последних между собою (и особенно последних двух) так близко, что вотяк, пермяк и зырянин без большого затруднения понимают друг друга.

Заключение. Историк молчит о том, откуда финские племена (и в том числе зыряне) пришли и населили Европейский север. Только лингвист может указать первобытное местопребывание финнов; опираясь на сходство языков, он находит колыбель народов, говорящих на языках, о которых мы сейчас упомянули, в Азии, около Алтая, почему и самые эти языки он называет **Алтайскими**. Итак, патриархи финнов и зыряв вышли из средней Азии. Когда же вышли? может быть одна гипотеза. Древнейшие предания не упоминают ни о каких значительных переселениях до великого переселения народов в начале средних веков. Одно финское племя угры*) (Унгры, Венгры), как известно, уже в конце девятого столетия (896 г.) продолжают двигаться далее к западу, из северной Европейской России в среднюю Европу. В зырянах, живущих не по большим дорогам, а в захолустьях, повидимому, до сих пор

*) Зыряне называют Остяков и Вогуличей Ю гра или йогра. До переселения своего в Паннонию Венгерцы, может быть, носили общее имя с нынешними Остяками. (Примеч. Куратова).

сохраняются монгольские черты. Они ростом малы, но тучны, черноволосые, смуглые, с узкими маленькими глазами; нрав кроткий, добродушный обыкновенно и чрезвычайно горячий, когда возбуждена их месть, веселый, но часто и быстро сменяемый глубокой меланхолией. Совсем не похожи на них зыряне, живущие по городам и большим дорогам; последние имеют русые волосы и средний рост, белое тело и ровный, живой, открытый нрав. Это потомки столько же новгородских выходцев, сколько и зырян. Путешественники обыкновенно противоречат между собою во мнениях о нраве зырян и даже в описаниях их наружности. Нам понятны эти противоречия: одни говорят о настоящих зырянах, а другие о тех из них, которые произошли от зырянок и пришельцев.

2. НАРЕЧИЯ ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ОТТЕНКИ

Зырянский язык имеет следующие наречия, названные по именам рек, по которым они употребляются: сысольское, печорское, лузское, верхневьичегодское, нижневьичегодское, вашкинское (или удорское) и ижемское. Они различаются употреблением согласной л и гласных—одна вместо другой.

Сысольское наречие, употребляемое 19,000 человек, есть самое близкое к типу зырянского языка *). Уклонившиеся от него наречия в некоторых формах снова возвращаются к нему. Так по-сысольски пол—бойся, по-вьичегодски пов, по-ижемски поо. Но в настоящем времени изъявительного наклонения как по первому, так и по последним наречиям пола, а не пова и не поо. Из этого ясно, что в слове пол буква л коренная, типичная. Правильность сысольского наречия узнается и из сравнения его с другими финскими языками. (См. предисловие к Грамматике Зырянского языка. Соч. П. Савваитова).

За сысольским наречием следует печорское, не по географическому положению, а по употреблению в словах одних и тех же букв. Это тем более замечательно, что по положению своему эти два наречия не имеют непосредственного сообщения; между ними 15-ти тысячное население на пространстве 400 верст употребляет наречие верхневьичегодское. Печорское наречие от сысольского отличается только постоянным сильным ударением на послед-

*) По Видеману всех зырян в Вологодской губернии 64,007, и в Архангельской 6,958 человек. Наш счет круглый и приблизительный. В точности показать число зырян вообще по наречиям невозможно, потому что во многих местах зырянское население перемешано с русским, а ведомости не различают одно от другого. (Примеч. Куратова).

нем слоге последнего слова в предложении. Впрочем это общий странный каприз всех северных наречий зырянского языка, печорского, удорского и ижемского; тогда как в прочих зырянских наречиях, ударение ставится всегда на первом слоге слова, как бы ни было длинно последнее. На печорском наречии говорят около 2,000 человек.

В ижемском наречии на котором говорят около 7000 человек, общеупотребительное на других наречиях э*), обращается в і (э—я). не... по-ижемски иг), і в э (гіж—пиши, по-ижемски гэж), ы в у (мый? что? по-ижем.—муй?), а в ѓ (пурт-йас ножи, по-ижем. пурт-йѓс), е в а (кера делаю, по ижем. кара). Кроме того ижемцы имеют много слов, исключительно принадлежащих их наречию, и не понимают многих выражений других зырян.

Вашкинское или Удорское наречие, употребляемое 10,000 человек, имеет те же оттенки в произношении слов, что и ижемское; но удорцы не имеют собственных слов, отличных от общеупотребительных зырянских.

В лузском наречии, на котором говорят 5,000 человек, общеупотребительное в других наречиях я обращается в е (нянь—хлеб, по-лузски нень) и о в а (лок приди, по-лузски лак). Лузское наречие имеет особые, отличные от собственно-зырянских слов, большею частью впрочем заимствованные от пермяков.

Вычегодские наречия, употребляемые почти 27,000 зырян, отличаются от других наречий употреблением в конце коренных слов буквы в вместо л. Лол—душа, по вычегодски лов; сол соль, по вычегодски сов. Выше было сказано, что в этом случае употребление буквы л правильнее употребления в. В употреблении гласных букв жители Верхней Вычегды (15,000 ч.) склоняются к сысольскому наречию, а жители по Нижней Вычегде (около 12,000 ч.)— к наречию удорскому.

Зырянский язык, на котором говорят и всего-то около 70,000 человек, окружен шестью языками: с запада и северо-запада русским, с северо-востока самоедским и остяцким, с востока вогульским, с юга пермским и отчасти вотским, (вотяцким). Это обстоятельство, конечно, служит причиной постепенного распада зырянского языка на новые мелкие наречия, потому что каждый соседний язык имеет свою долю влияния на него. Кроме упомянутых наречий зырянского языка нельзя не сказать о том полузырянском

*) Зырянские слова мы пишем русскими буквами, а не саввантовскими, которые, хотя также русские, но несколько изменены, сообразно с требованием зырянского языка. Это мы делаем потому, что статью свою назначаем не для лингвиста, а для обыкновенного читателя, незнакомого с хитростями произношения зырянских букв. (Примеч. Куратова).

—полурусском наречии, которое употребляется в городе Устьсысольске и в заводах, где зырян бывает столько же, сколько и русских. Здесь говорят по зырянской грамматике рядом русских слов, несколько иначе выговариваемых и приноровленных к строю зырянской речи. Через храм, училище, присутственные места и судебные процессы русский язык всюду вторгается в область зырянского. Неразвитость последнего уже сама собой ведет к уступкам первому. Своей литературы, которая поддерживает и развивает язык, зыряне не имеют. Впрочем, да не оскорбится нашим отрицанием зырянской литературы память Андрея Попова, усердного переводчика различных статей на зырянский. Мы знаем его труды. Жаль только, что переводы его, жалкие по выбору и уродливые по отделке, никому не могут принести пользы; они не развивали зырянский язык, а исказили его.

3. ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА

Слова разделяются на **знаменательные** и **служебные**. Первые выражают понятия, последние—отношения понятий. В самых развитых языках слова понятий и слова отношений иногда сливаются в органическое единство—и в таком случае первые различаются как корни, а последние или как внешнее изменение корней, окончания и приставки (в языках индо-европейских), или как внутреннее изменение их, перемена гласных на другие гласные (в семитических языках). В этих языках через внешнее и внутреннее изменение корней образуются как части речи вообще, так и частнейшие их формы, склонения и спряжения. Здесь корни и этимологические формы имеют тесную связь. Напротив в языках односложных нет форм этимологических; то, что мы выражаем падежами, числами, залогами, видами и пр., там выражают тем или другим сопоставлением слов. Алтайские языки, как мы говорили уже, в этом отношении занимают средину между односложными и индо-европейскими: мы их застаем в такое время, когда они только начинают развивать свои этимологические формы, образуя последние из особых слов и связывая их с корнями. Утверждают, что в алтайских языках связь этимологических форм с корнями постепенно слабеет, начиная финским языком и кончая манчжурским, у нас в России языком Айно или Курильцев. В зырянском языке, как в одном из алтайских наречий, связь корней с формами также чрезвычайно слаба. Подробности об этих формах не лишены, некоторого интереса. Читатель по аналогии

с ними, если он догадлив и досужен, может доискиваться пути, по которому шел его отечественный язык при образовании своих богатых этимологических форм.

В зырянском языке есть несколько слов, которые были изолированы, взяты отдельно от других слов, не дают определенного понятия и выражают понятия самые общие. Значение их еще не выяснилось вполне и нельзя отнести их ни к одной из частей речи. Но при известном сопоставлении их с другими словами, они получают значение то имени существительного, то местоимения, то послеположения (соответствующего русскому предлогу), то союза. Из них с помощью и иногда без помощи других слов составляются новые слова; они же наконец составляют все формы склонения и спряжения и притом так, что одно такое слово, различно относясь к знаменательным словам, составляет ту или другую форму их. Очевидна важность этих служебных слов для того, кто хочет основательно знать зырянскую этимологию. Вот налицо те из них, что употребляются чаще:

А, что по-русски можно перевести словами: с, и, в соединении:

І или **іг**—при; почти то же, что **а**.

Кӧд—с, вместе с.

Л—вообще движение, действие; перед собой и иногда после себя принимает букву **ы**.

М—частица, усваивающая известное качество или действие предмету.

Ны—выражающая неопределенность действия.

Ӧм—дает понятие о бытии и происходит от эм есть.

Ӧн, в других видах **ан**, **ань**—посредством, при, с, средство, орудие.

Ӧд или **ӧ**, также **ті** или **т**—вообще выражают переход одного предмета через другой, также перевод действия с одного предмета на другой.

Ӧдз—до, предел.

Ӧс—выражает зависимость одного предмета от другого.

Ӧ—в (на вопрос куда?), вступление.

Ын—в (на вопрос где?), место; изменяется в **ін**.

Ым—я, мой.

Ыд—ты, твой.

Ыс—он, она, оно, его, ее. Последние три частицы сокращаются—первые в **м**, вторые в **д** и **т**, третья в **с** и **з**. Во множественном числе иногда они принимают перед собой **н**. **Ным**, **мы**, **наш**, **ныд**, **вы**, **вам**, **ныс**, **они**, **оно**, **их**.

Сь значит себя, из, вообще внутренняя сторона предмета. Перед собой и после себя принимает букву **ы**.

Тӧг,—без, в отсутствии, лишение.

Яс, **йӧс**, **ӧсь**—множество однородных предметов.

Сейчас мы привели **коренные** служебные слова; через то или другое сопоставление их между собою образуются **второстепенные** служебные слова, которые, однако, так же, как и первые, не могут быть отнесены к той или другой части речи, когда не сопровождаются другими словами. Вот некоторые из таких слов:

Ла составлена из **ли** и **а** (см. выше); переводится словами **за, по**; движение вперед и возвращение. **Ва ла за** водой, **по воду**.

Лань = л + ань — к, посредством движения к...

Сянь = с + ань от, посредством движения от...

Лы тоже что **л** с приставкой **ы**. При существительном переводится предлогом **к**; с глаголом выражает действие в один прием. **Вок лы** брату, **к брату**; **вайлы** — **принеси**. **Лылы** выражает многократное действие.

Лысь = лы + сь — от, из, посредством извлечения из внутренних свойств предмета. **Ме велалі сы лысь** я научился от него.

Лён = л + ён, у, внешняя принадлежность, посредством владения внешними собственностями. **Вок лён** брата, **у, от брата**.

Ышт (правильнее **ысьт** или **сьт**) **сь** + т. — Обнаружение внутренних свойств во внешних, переход от первых к последним. При глаголе выражает мгновенность действия, быстрое обнаружение внутреннего свойства или желания. **Шуышт** прямо выскажи, **гіжышт** запиши или лучше песни (простонар.).

Впрочем есть несколько служебных слов, которые в соединении выражают определенное понятие. Так вышеприведенное **лань** значит страна и вполне соответствует немецкому *Land* **Рочьлань, Russland, Россия**. **Ме ветлі роч-лань ын** я путешествовал в России. **Ёдз до, предел и ёс**, частица, выражающая зависимость предмета от другого, в соединении дают слово **ёдзёс** дверь. Но образование новых слов пока оставим; теперь рассмотрим спряжения и склонения зырянские. Мы сказали, что все формы их состоят из тех служебных частиц, что мы выписали. В глаголах эти частицы ставятся после повелительного наклонения, кроме личных местоимений, которые впрочем употребляются при зырянских глаголах также, как русские личные местоимения при русских глаголах. Повелительное наклонение есть, как говорят, **начало** глагола. Проспрягаем глагол **гіж** пиши.

Изъявительное наклонение

Времен два: настоящее и прошедшее. Смотря по обстоятельствам, они однако могут выразить различные отношения времен. Настоящее и прошедшее времена различа-

ются подобозначущими частицами, которые переводятся предложениями с **и при**, первое частицею **а**, второе—**і** (см. выше). **Гіж-а** я пишу, **гіж-і** я писал, или то и другое—я с „пиши“, я с письмом. Лиц три; они обозначаются то личными местоимениями, то местоименными частицами. Первое лицо един. ч. предполагаемое **ме** множ. ч. предполагаемое **м** (вместо **ным**); второе—последующие в един. ч. **н**, во множ. ч. **ныд**; третье последующие в един. ч. **õ** или **с**, во множ. ч. **ныс** или **ны** (вм. **ныс**). Таким образом выходит:

а) Настоящее время

Един. ч. 1-е лицо **ме гіжа** я письмом; 2-е **гіж-а-н ты** с письмом; 3-е **гіж-õ** (вместо **гіж-а-õ**) или **гіж-а с он**, она с письмом. Множ. ч. 1-е лиц **гіж-а-м мы** с письмом; 2-е **гіж-а-ныд вы** с письмом; 3-е **гіж-õ-ны** (вм. **гіж-а-ныс**) они, оне с письмом.

б) Прошедшее время

Един. ч. 1. ме гіж-і я	}	с письмом или при письме.
2. гіж-і-н ты		
3. гіж-і-с он , она, оно		
Мн. ч. 1. гіж-і-м мы		
2. гіж-і-ныд вы		
3. гіж-і-ныс они , оне (Или с перестановкой с и ны: гіж-і-сны)		

Слова „с письмом“ и „при письме“ составляют буквальный перевод. Будущее время обыкновенно выражается посредством вспомогательного глагола в форме настоящего времени и неопределенного наклонения. Прошедшее время имеет много оттенков, смотря по видам; но как виды, так и много оттенков времен зырянскими грамматистами оставлены без внимания, а мы пишем не грамматику, чтоб пускаться во все подробности ее. Наша цель показать только главные, характеристические ее черты.

Неопределенное наклонение

Гіж-ны писать; буквальный перевод невозможен. Здесь также различаются лица, одинаковые в обоих числах.

Гіж-ны-м мне, нам писать...

Гіж-ны-д тебе, вам писать...

Гіж-ны-с им, ему писать...

Причастие

Гіж-ысь пишущий, букв. один из тех, кто пишет.

Гіж-õм или **гіж-õм-а** писанный, букв. есть с письмом.

К тому и другому во множеств. числе прибавляются **йас** или **йõс** (см. выше).

Деепричастие

Гіж-іг и **гіж-іг-õн** пишучи, букв. посредством письма. Третья форма деепричастия настоящего времени: **гіж-õм-õн** букв. посредством бытия письма.

Гіж-мысьт или полнее **гіж-õм-ысь-т** писавши, букв. после того, как быть письму.

Герундий

Гіж-ан для письма *scribendi*. **Ол-ан-ін** место для жилья, *locus vivendi*; **лыд-ан** кад время для чтения, *tempus legendi*. **Гіж-ан** буквально: посредством письма.

На основании бытия и небытия, действия или бездействия зырянские глаголы имеют двойное спряжение, положительное и отрицательное. Сейчас мы представили пример положительного спряжения. В отрицательном спряжении корень глагола остается неизменным и спрягается отрицательная частица, большею частью предшествующая первому. Эта частица спрягается так:

Изъявительное наклонение

Настоящее и будущее время

Един. число.

1. ог {		(пишу)
2. он {	(гіж) не	(пишет)
3. оз }		(пишет)

Множ. число.

1. ог {	(гіж-õ)	не {	(пишем)
2. он {	(гіж-õ)		(пишите)
3. оз }	(гіж-ныс)		(пишут)

Прошедшее время :

Един. число.

1. эг	}	(гіж)	не	}	(писал я)
2. эн					(писал ты)
3. эз					(писал он, а она).

Множ. число,

1. эг	}	(гіж-õ)	не	}	(писали мы)
2. эн		(гіж-ныс)			(писали вы)
3. эз					(писали они, оне).

Неопределенное наклонение.

Абу (не) гіж-ны (писать).

Деепричастие

Гіж-тõг не пишучи, написавши, буквально—без письма.

В отрицательном спряжении частицы спряжения положительного оставляются; иначе они отрицали бы самое отрицание.

Мы представили спряжение действительного залога. Кроме него есть еще другой действительный, который выражает действие предмета, становящееся причиной действия другого, страдательный, взаимный, возвратный и средний, которых определение известно каждому. Притом каждый залог имеет несколько оттенков, от показания коих мы должны воздерживаться по ограниченности места... Чтобы дать понятие о зырянских залогах и видах сколько возможно короткими словами, то мы приведем по некоторым из них глагол гіж пиши. Прилагая к нему различные частицы, мы получаем:

Гіж-õд заставь писать.

Гіж-лы-л-õд почаще заставляй писать.

Гіж-а-л записывай.

Гіж-лы пописывай.

Гіж-лы-лы чаще пиши.

Гіж-а-л-лы чаще записывай.

Гіж-ышт запиши.

Гіж-ышт-лы понемногу пиши.

Гіж-ышт-лы-лы чаще по немногу пиши.

Гіж-ал-ышт-лы чаще по немногу записывая.

Гіж-сьы запишись.

Гіж-сьы-лы записывайся.

Гіж-сьы-лы-лы чаще записывайся.

Гіж-сь-ёд заставь записаться.

Гіж-сь-ёд лы иногда проси записываться.

Гіж-сь-ёд-лы-лы часто проси записываться.

Гіж-а-л-ышт в несколько приемов часто по немногу записывай.

Гіж-лы-л-ышт в несколько приемов неопределенно-много записывай.

Гіж-сь-ёд делай так, чтоб (комунибудь) подписаться.

Гіж-сь-ёд-лы } делай так, } чаще по нем-
Гіж-сь-ёд-ышт { чтоб писать { ногу.

и проч.

Переставляя частицы одну на место другой мы можем получать еще несколько видов. Мы нашли 44 глагола, которые начинаются со слова „гіж“.

Обратимся к формам имен существительных. В зырянских именах существительных множественное число образуется через прибавления к ним яс, что дает понятие о множестве однородных предметов. В несколько измененном виде оно значит множество людей (йёз) и множество хворосту (ез). Вообще в зырянском языке, как в начале развития всякого языка, согласные буквы выражают самое общее понятие, а гласные—частнейшие, первые—род, последние—виды.

Зырянские грамматисты не согласны в счете падежей, Один находит их в числе 17, другой 14, а некоторые 7 и даже 4. Один увлекается примером „финских грамматик“; другой не хочет, чтоб зырянских падежей было больше или меньше, чем русских; немцы, сочинители „зырянских грамматик“, вероятно очень желали бы, чтоб зырянская грамматика ни в чем не отступала от немецкой... Охотник может написать зырянскую грамматику с 20 падежами—и он не согрешит больше, чем Козловы*). Савваитовы, Габеленцы**) и остальные немцы. Есть сокровищница зырянских падежей в послеположениях (нечто похожее на предлоги). Вот я когданибудь на-досуге, подражая Савваитову и Шегрену***), напишу латинскую грамматику и к шести признанным латинским падежам прибавлю еще два, определительный и приблизительный, сделав первый из послепологаемого предлога *tenus*, второй из *Uersus, saguntotenus* по *Сагунт* и *Wantuamver sus* к *Мантуе-у* меня будут стоять в определительном и приблизительном падежах, Мои но-

*) Козлов см. стр. 130.

**) Габеленц (1807- 1875) известный языковед; написал статью о коми языке.

***) Шегрен Андрей Михайлович (1794-1855), лингвист и этнограф. В частности собрал большой материал по истории, языкам и этнографии восточных финнов.

вые латинские падежи будут очень похожи на савваитовские определительный и приблизительный падежи. Определительный падеж (не мой латинский, а савваитово-зырянский) кончится на **õдзь**, что буквально переводится предложением **до. Вок-õдзь до брата**. Приблизительный падеж Савваитов кончается на **лань**. Это лань нам уже знакомо; оно встречалось в этой статейке; мы нашли, что его можно переводить словами **к и страна**. Вообще все 13 савваитовских падежей (кроме именительного) состоят из послеположений. Если бы мы написали зырянскую грамматику, то обошлись бы в ней без падежей. Как во многих монгольских языках, в зырянском имя предмета одушевленного от имени неодушевленного не различается; зато заметно, что имена предметов разумных и неразумных, а также в каком нибудь отношении зависящих от разумных, употребляются неодинаково. После глагола действительного имени разумных предметов принимают после себя **õс**, частицу выражающую зависимость одного предмета от другого.

Формы чисел, падежей, времен, лиц, наклонений и проч. в зырянском языке одинаковы для всех корней.

4. О СИНТАКСИЧЕСКИХ ФОРМАХ ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА

Зырянский язык есть язык односложный, хотя не такой скудный коренными словами, как утверждают о китайском языке. Когда-то мы пробовали собрать корни зырянского языка и нашли их в числе полутора тысяч. Этот язык мы называем односложным на том основании, что в каждом многосложном слове его (за слишком немногими исключениями) бывает столько слов составных, сколько слогов. Каждый слог есть слово; иногда в одном слоге встречаются два или три сокращенных слова. В русских „время“ „место“ в каждом по одному слову; ни которое из них не разлагается на два. В зырянских **кõин** волк, **лõлал** дыши в каждом по несколько слов. Первое состоит из **кõй**, что дает общее понятие о кочевании, и **ин** место; в совокупности оба слова указывают на образ жизни волка. **Лõлал** состоит из трех слов, **лõл** душа, дух, а **с**, частицы, усвоящей предмету или действию то свойство, которое выражается предшествующим словом, и **л**, обращая слово в глагол. Короче, **всякое двусложное или многосложное слово состоит из двух или многих коренных слов**. Если таким образом все первообразные зырянские слова односложны и притом, как мы уже говорили,

неизменяемы, то они сами по себе неспособны к этимологическим формам. За этой неспособностью им необходимы служебные слова, которые прилагаясь к ним, помогали бы им выражать то, что на других языках выражается окончаниями падежей, чисел, времен и пр. Это так и есть в зырянском языке, как мы читали в нашей предыдущей статье. Но служебные слова—все-таки особые слова и если они соединяются с знаменательными, которые большую частью и сами получают значение известной части речи только в известном сопоставлении с другими словами, то строго судя, в зырянском языке нет этимологии, а есть только синтаксис, занимающийся соединением слов в речи. „Этимологии нет в языке! Куда зашел!“ скажут нам знатоки зырянского языка. Мы пока воздержимся от спора с ними и обратимся к невозбуждающим спора синтаксическим формам зырянского языка. Подробности об этом для читателя-неспециалиста были бы скучны; мы их оставим и скажем только о самых характеристических формах и особенностях нашего языка—и вот что только именно.

Зырянское предложение длинно, потому что в него входят все признаки предмета и действия, о которых говорящий хочет сказать; одно зырянское предложение в переводе необходимо распадается на несколько русских. В порядке слов, находящихся в предложении, заметна строгая логическая последовательность. То, что зырянские грамотеи должны были бы назвать родительным падежом, предшествует тому, что у них называется именительным, предмет—отношению его, имя существительное—последоположению (предлогу), имя прилагательное—существительному, наречие—глаголу, все необходимое к объяснению признаков предмета и действия самому предмету и действию. Из зырянского предложения подлежащее и сказуемое вы узнаете только тогда, когда уже узнали все, что было нужно знать о них предварительно. В пример зырянского предложения представим следующее. **Ольёш Петро Пашё Микуа тајё луно чужис**, Николай Павлович, внук Петров, правнук Алексеев родился в это число. Логическая последовательность слов в зырянском предложении делает речь сжатую, немногословную; речь течет как действительное событие, о котором в ней говорится: в ней следствие идет за причиной. Таким образом она обходится без многих оговорок, необходимых например в русском языке, обыкновенно позволяющем логико-синтаксическую непоследовательность. Наконец упомянем еще об одной оригинальности зырянских предложений, которая напоминает строение предложений монгольских наречий, именно о том, что зырянин любит очень часто подводить речь так, чтоб

сказуемое стояло в неопределенном наклонении с предшествующим второстепенным глаголом изъявительного наклонения, или даже без него.

5. ЗЫРЯНСКИЙ ЯЗЫК В ФОНЕТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ

Зырянский язык замечательно богат звуками. Все гласные звуки (а, е, і, о, ъ, ы, у) суть дебелые, и каждая из них обращается в тонкую при помощи предшествующей полугласной (йот). Таких гласных букв, какие находятся в русском алфавите, в зырянском нашлось бы 14. Прибавив к русским согласным две буквы дз и дж и исключив из числа их х и ф, мы получим зырянские согласные. Х и ф в устах зырянина обращаются в к и п. В дз слитно произносятся д и з, в дж сливаются д и ж; первая произносится как итальянское Z в названии Dontzetti, вторая как английская J и g в названиях dohn georg.— В словах все эти буквы имеют приятное и легкое сочетание; весьма редко стоят рядом две гласные или две согласные; в начале слов этого никогда не бывает. Для облегчения перехода от звука к другому ставляются между словами беглые буквы. Так говорят зон-м-ысь вместо зон-ысь, из молодца, ош-к-ѳс вм. ош-ѳс, медведя, зеп-т-ын вм. зеп-ын в кармане. Эти беглые буквы следуют в коренных словах—м после н, к после с и ш, т после ц, й после д и з и пр. Для благозвучия также в речи из слова иногда выбрасываются гласные буквы, впрочем не принадлежащие корню, а из беглых случайно получившие в нем право гражданства. Так говорят вѳч-ѳй вм. вѳчѳ ѳй ѳ, сделайте! Эти вставочные и выбрасываемые буквы немилосердно подшутили над зырянскими грамматистами, которые для них придумали несколько форм склонений и спряжений зырянских. Где нужно было сказать только то, что мы сейчас сказали о беглых и исключаемых буквах, там они потратили много времени и бумаги и все-таки добрались только до такого правила, которое совершенно уничтожается многочисленными исключениями, равными ему по силе. Хотя для благозвучия к зырянским словам приставляются посторонние буквы, однако не в ущерб коренным словам, не так, чтобы основные звуки последних терялись. Фоническая сторона зырянского языка всегда находится в гармонии с логической; понятие или отношение его, выраженное на первобытном языке известным членораздельным звуком, и теперь выражается им же. Поясним это примером, чтобы мы с читателем лучше поняли друг друга. На европейских языках, и преимущест-

венно южных, где люди, как думают, живут больше чувством, чем рассудком, где для благозвучия слова жертвуют его первобытным значением, через ряд фонических изменений перепорчены личные местоимения и особенно местоимение 3-го лица. Греческое *экейнос*, латинское *ille*, немецкое *er*, английское *he*, русское *он* совершенно утратили свой первобытный звук (сохранив его отчасти только в косвенных падежах); местоимения личные как попало обменивались звуками. Немецкое 1-е личное местоимение *ich* на русском языке сделалось родительным падежом 3-го личного местоимения множественного числа (их), греческое второе лицо *си* на немецком обратилось в 3-е лицо женского рода *sie*; русское *ты* с глаголом выражает третье лицо—пишет и пр. Это значит, что в этих языках фоническая сторона не всегда гармонирует с логической; слово изменяется для благозвучия несколько раз, и понятие, им выражаемое прежде, теперь скрывается уже под иным новым покровом. Зырянский язык, как вообще северные языки, вернее своим первобытным звукам; теперь он ими выражает те же понятия, какие выражал давным-давно. Продолжим пример личных местоимений. Зырянин первому лицу усвоил звук *м* (ме, **ым**), второму *т* (тэ, **ыд**). 3-му *с* (сіѳ, **сы, ыс**). Правильность первых двух лиц подтверждается простым сравнением их на других языках. О них оставим. Правильность зырянского третьего лица (**сы, ыс**) также несомненна. За нее заступятся немецкое и английское третьего лица женского рода (*sie, she*), а также немецкое притяжательное *sein*, славянские **сей** и **свой**, французские *se seix*, относимые большею частью к 3-му лицу, латинское *is* тот и наконец греческое окончание 3-го лица наст. вр. множ. числа действительного глагола (**уси**). Пока ограничимся этим примером.

Благозвучие языка зависит, кроме приятной последовательности букв (звуков) от ударений. В этом отношении зырянский язык менее разнообразен, чем русский. Первый не позволяет делать ударений на втором и третьем слоге слова; он всегда делает их на первом—и для этого есть глубокое основание в самом синтаксисе зырянского языка. Если слово многосложное, то как мы говорили выше, оно состоит из многих слов; главное понятие выражается словом, стоящим на первом плане; за ним следуют второстепенные, выражающие отношения и оттенки главного понятия. Ударение делается на слове, выражающем главное понятие, как это бывает большею частью и в других языках. В словах **созрело, прекрасно, написано** главные коренные слоги **зре, кра, пис**; на них и ударения. В русском языке употребляются ударения и помимо этого правила,

но в зырянском нет. В слове **лэбалны** (летать) четыре составных слова: **лэб** выражает общее понятие о возношении (от него же происходит глагол **лэптыны** поднять), а **с**, частица, усвояющая предмету то свойство, которое выражается предыдущим словом, **л-** частица, обращающая слово в глагол, и **ны**, выражающая неопределенность действия. На коренном главном слове, т. е. на первом стоит ударение.

6. ЗЫРЯНСКИЙ ЯЗЫК В ЛОГИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ

Язык со стороны логической, как совокупность мыслей и понятий, выражаемых его звуками или фонетикой, может быть рассматриваем по объему и содержанию. Объем языка определяется обилием слов его для выражения всех сторон народной жизни и явлений природы, содержание — силою, точностью и выразительностью этих слов. Если бы мы стали судить о зырянском языке в этих двух отношениях, то дали бы ему преимущество в последнем.

Объем чисто зырянского языка чрезвычайно ограничен; причина этой ограниченности заключается в исторических судьбах зырян и месте, какое они занимают. До принятия христианства (XV в.) это был народ патриархального состояния; он не имел государства, законодательства и сколько-нибудь высоко-знаменательной религии (Зыряне исповедывали один из видов шаманства, религии, между всеми религиями Европы и Азии, самой скудной по догматам и морали, менее всех оставившей место здравому смыслу). Поэтому в чисто зырянском языке нет слов, выражающих:

а) Различные отношения власти к подвластному, каковы: **царь, князь, подчиненный, господин, раб, милость, суд, казнь, свобода, неволя** и проч.

б) Законность, дисциплину, приличие и другие условия жизни в обществе образованных людей. Так, нет здесь слов: **закон, честь, порядок, уважение, благодарность**.

в) Даже, к удивлению, иногда самые благородные и вместе с тем самые обыкновенные движения и потребности ума и души. Так здесь нет слов: **любить, думать** и пр.

Наконец, г) в зырянском языке нет слов наук, искусства торговли и ремесл, кроме самых низших.

Бедность исторической и психической жизни зырянского народа лишила его слов для отвлеченных понятий; безцветность природы и малое пространство зырянской стороны лишают наш язык слов для естественных произведений и физических явлений. **Югыд шонди** (светлое солнце, **йён дзоридз** (шиповный цвет) составляют пос-

тоянные и роскошнейшие краски зырянской поэзии (в существовании которой нельзя сомневаться потому уже, что, как говорит латинская пословица, где народ, там и поэзия...). Итак, для зырянского языка остаются слова, выражающие:

а) Местные климатические произведения и явления природы.

б) Предметы обыкновенной практической жизни простого семьянина и употребление их.

в) Некоторые отвлеченные понятия иносказательно. Так зыряне говорят: **ен-м-õ муна** присягаю, буквально—иду к богу; **гõгõрвоа** понимаю, букв. обхожу кругом и пр.

Понятия, касающиеся сферы религии, суда, администрации, наук, искусств, ремесл и торговли, нынешние зыряне выражают словами, заимствованными от других языков, чаще от русского или через русский. Благодаря св. Стефану и сподвижникам его, переводившим на зырянский язык христианские богослужебные книги, в зырянском языке утвердились некоторые собственные слова церковных обрядов, таковы: **пыртсьõм** крещение, **висьтасьõм** исповедь, **вичко** церковь, **бурвьисталõм** Евангелие и пр.

Стараясь изучить зырянский язык во всем его объеме, я не мог не отличить в нем такие слова, какие по видимому указывают на эпоху переселения зырян в нынешнюю страну их из иной, более богатой климатическими произведениями, из среды народов с миросозерцанием, свойственным народам более благословенных полос. Я говорю о тех зырянских словах, которые не могли явиться под влиянием внешних условий, которыми окружен зырянский язык ныне. Слово **гундыр** змея, **куч** орел, **колиб** соловей, **эзысь** серебро, **зарни** золото и другие, выражающие естественные произведения, которых не производит зырянский край, суть, как я полагаю, памятники пребывания зырян в других странах. Сам себя зырянин отличает от других животных замечательным названием **морт** (му земля и орт дух), что дает понятие о происхождении человека, распространенное почти на всем Востоке. Зырянин бога называет **ен** сила (от **ён** сильный, каковое производство оправдывается сравнением зырянского названия бога с черемисским **Йоон**). Такое имя могло быть дано богу не среди бедной природы зырянских уездов, а там, где природа действительно давала хорошо чувствовать свою силу и влияние на человека. Совершенного человека, украшенного всеми добродетелями, зырянин называет **еннога** т. е. богоподобный. Мораль об уподоблении человека богу по преимуществу принадлежит азиатскому нравовучению.

Но от объема зырянского языка обратимся к содержанию его. По оригинальности содержания зырянский язык есть один из замечательнейших языков Европы. До сих пор никто еще серьезно не рассматривал его с этой стороны. И мы правда не обещаем сделать много открытий; ни пределы наших статей, ни — что разумеется очень печально — наши знания не дадут нам этого сделать. Но лучше мало, чем ничего.

Внутреннее содержание языка состоит в силе и выразительности его, которые зависят от точности и определенности значения слов, употребления их в таком значении, от словорасположения и построения языка. Зырянский язык имеет материалу немного, но умеет распоряжаться им, делать из него обширное и всегда удачное применение. Мы укажем несколько примеров этого, стараясь быть возможно краткими.

а) Коренные зырянские слова не изменяются; они не подвергаются опасности случайно испортиться посредством приставных и подставных беглых слогов и букв; частицы служебные, выражающие отношения и все видовые отличия и особенности понятий, немногочисленны и однообразны; та или другая особенность, тот или другой оттенок понятия, смотря по важности их, предлагаются вниманию слушателя по порядку. Эта простота словосоставления не затруднит вас в точном понимании значения слова во всем его составе. Это одна из главных причин, почему зырянскому языку так скоро выучиваются приезжие в этот край (не так скоро они одолевают зырянский акцент). Берем слово **лол** душа. Если читатель помнит по предыдущим нашим статькам, то частица **л** выражает действие, или иногда обращает в глагол слово, предшествующее ей. Приложив к ней **о**, мы получаем **ло**, что значит будь, существуй. Далее повторенная частица **л** представляет слово в виде **лол**, что значит душа. Самое слово **лол** указывает на момент, когда человек стал существовать. Русское **душа** (—дышать, душить, духовный), греческое **психи** (—**психос** холод, дуновение, ветер), латинское **анима** (сила, храбрость) по темному происхождению своему не так выразительны, как зырянское **лол**. Слово **вель** дает понятие о превосходном качестве. **Велал** (-**вель а**- частица, усваивающая предмету то, что выражается предыдущим словом и **л**, частица обращающая слово в глагол) значит научись, буквально становись с превосходными качествами. Итак, слово **велал** ясно указывает на цель учения. Эти и другие примеры могли бы убедить читателя, что зырянский язык есть коренной язык, начинающий, как живой организм, свое развитие изнутри, что в нем менее, чем во многих других языках, того, что к нему прилипло из-

вне в беспорядочном виде. Зырянский язык можно разложить на простые его частицы. Оттого он получает такую силу и способствует такой ясности представлений.

б) Служебные частицы зырянского языка до такой степени гибки, что посредством их легко одну часть речи обратить в другую. Из каждого залога, из каждого вида глаголов можно сделать существительное. Велӧд учи, велӧдны учить. Русские учи и учишь дают одно существительное **учение**, в котором ясно не различается действие учителя от действия ученика. Зырянское велӧдӧм указывает преимущественно на деятельность учителя, велӧдсьӧм (велӧдчӧм. Ред.)—на дело ученика. В последнем слове, обращенном в существительное из возвратного залога, самая форма этого залога **сь ся себя** переходит в состав существительного имени, чего не может сделать русский язык. Из многократного вида **учивал** также возможно сделать существительное с оттенком первого. Из зырянского **велӧдлыл** (учивал) образуется существительное **велӧдлылӧм** учение, многократно производимое.

в) Вообще знаменательные части речи в зырянском языке отличаются обилием формы, что позволяет говорящему выражать все мысли и чувства отчетливо, легко и полно. утверждают, что греческий язык самый богатый по числу и свойству глагольных форм; но это утверждают те, кто хорошо и основательно не знают некоторых северных языков.*)

Если вы возьмете книгу, написанную на французском, немецком или английском языке, то в ней постоянно вы встречаете слова *est, avait, ist, haben, have* или *Je, Ja, der, die, das, the, a, an*. Они часто бесполезно увеличивают объем речи и письма. В зырянской речи нет ни одного слова лишнего, или такого, без которого можно обойтись, нет связей между подлежащим и сказуемым, нет членов и весьма мало союзов. Есть в зырянском языке нечто вроде членов, но они исполняют чаще другие обязанности и употребляются воздержно. При числительных количественных свыше одного существительные ставятся без частицы множественного числа, потому что эти самые числительные выражают уже множество. Наш язык заботится о сжатости речи, чтоб не терялась сила ея.

д) В предложениях зырянских весьма важно словорасположение. Не на своем месте слово—и значение его изменено, мысль передана полумерой и безцветно. Зато как оно выигрывает, когда изложена зырянским по строгим законам его родного языка, изумительного по своему логическому устройству.

*) О других этимологических особенностях зырянского языка мы упоминали в третьей нашей статейке о зырянском языке. (Примеч. И. А. Куратова).

7. ЗЫРЯНСКОЕ ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ И ЗВУКОВАЯ МИМИКА

Если вы понимаете речь зырянина, то замечаете в ней одну особенность неразвитого языка, именно весьма обыкновенное употребление звукоподражаний и слов, известных у лингвистов под общим названием звуковой мимики. Звуковая мимика состоит из непереводаемых слов; она только у известного народа имеет значение, искони ей присвоенное и поддерживаемое преданием, тогда как звукоподражательные слова могут быть общими на многих языках. Звуковая мимика выражает не звуки, а движения животных и предметов неодушевленных. Звукоподражание, пока оно не развилось в речение и не получило права гражданства в лексикографии, и звуковая мимика обыкновенно состоят из повторений (иногда с переменою гласной) одного слога в значении или глагола, или отглагольного наречия. Например: „Колокольчик динь-динь-динь...“ (Стихотв. „Бесы“ Пушкина). В зырянскую речь, которой конструкция так проста, звукоподражание и звуковая мимика вставляются удобнее, чем в русскую или во всякую другую лучше организованную речь. Зырянин же за недостатком более верных средств языка посредством звукоподражания и звуковой мимики старается придать своей речи всю возможную сжатость, жизнь, картинность и рельефность. Зырянин не скажет: „я бросился в реку и произвел шум и брызги воды“; но скажет: ме шыбытчи юб буз-баз, т. е. я бросился в реку буз-баз, выражая последними словечками то, что мы перевели словами: „и произвел шум и брызги воды“. Но о звукоподражаниях зырянских оставим, потому что этого рода полуслова не составляют малозвестной редкости и других языках. В пример слов звуковой мимики приведем следующие: гонь-гонь, тётъ-тётъ, дов-дов. Первый пример наш выражает походку гуся, второй походку курицы, третий колебание поставленного шеста. В приложении к действиям человека, первый пример выражает ходьбу с высоко-поднятой головой и наблюдение (гоньяльны), второй ходьбу мелким шагом и с покачиванием туловища (тётьяльны), и третий ходьбу без цели из стороны в сторону, а также походку сильно пьяного человека (довьяльны). Я говорю, что подобные слова зырянин употребляет часто и распоряжается ими всегда ловко, так что незнающий тончайших оттенков их бывает несправедлив, находя речь зырянина сухой и бледной, гармонирующею с его угрюмой физиономией и несколько ленивой походкой. Могу уверить вас, что и с угрюмой физиономией и ленивой походкой зырянин говорит не без души, весело и остроумно.

8. ЗАМЕЧАНИЕ О ЗЫРЯНСКОМ СЧИСЛЕНИИ, МЕРАХ И ВЕСАХ.

Зырянское счисление, подобно счислению всех финских наречий, десятичное. Между первыми девятью числами семь имеют положительные названия (отик 1, кык 2, кумим 3, нель 4, вит 5, квайт 6, сизим 7) и два отрицательные (кёк-я-мыс 8 т. е. мыс десять *) без кык двух; ёк-мыс 9 т. е. мыс без ёк или отик одного). Отик состоит из от или ёк один (отсюда ёкмыны соединяться) и уменьшительной частицы ик, и буквально значит одинёшенек. Он имеет один корень с санскритским ёка один. Кык, два, указывает на число рук человека (кэк—рука), или ногого (кок—нога; по черемиски кок—два). Выше мы видели, что кык два изменяется также в кёк (кёк-я-мыс). За производство названий остальных пяти чисел из девяти мы не беремся.

Число десять, как единица, имеет два названия: дас и мын или по удорски мыс (ветымын или веты-мыс, вит мын или мыс пять десятков; сизим-дас семь десятков. На татарском языке мыс является в виде мыш (алт-мыш 60, джид-мыш 70). Выше сё ста и сюрс тысячи зыряне не имеют единиц. Промежуточные числа выражаются однообразно и в них соблюдается порядок от больших единиц к меньшим (вит 5, дасвит 15, т. е. десять и пять, сё-дас-вит 115 т. е. сто да десять да пять).

Для денег и весов зырянский язык не имеет названий. В летописях не говорится, чтоб зыряне до принятия христианства употребляли весы и деньги, ведя меновую торговлю или покупая и продавая вещи на взгляд. Известно только, что за единицу при оценке товаров однако они принимали белку или шкурку ее ур, что нынче вместе означает копейку, прут, на который навешивали сто беличьих шкурок, шайт, что нынче значит также рубль, и тув вешалка, на которой вероятно тоже висело известное число беличьих шкур; теперь тув однако выражает фунт.

Для измерения длины зыряне употребляли: сыв сажень (собственно, линия от конца одной распростертой руки до конца другой), воськол шаг или аршин и весь четверть. Зыряне, значит, не развивали мер длины; они у них до сношений с другими народами оставались в том виде, в котором предложила их природа.

Из хлебных мер только одна зырянская известна, это пож решето—мера малая, потому что зыряне вообще небогаты хлебом.

Из мер времени зырянам известны были самые очевидно-естественные: год, месяц, сутки. Год зырянский начинался

*) О мыс см. ниже.

осенью (ар), когда начинали употреблять новые продукты земли и труда. До сих пор зырянин возраст свой определяет числом прожитых осеней. Он говорит: **ме кызь ар-а** или **кызь арбс-а** я двадцати осеней (двадцати лет). Календарем же зырянам служит народный пас, о котором говорит Михайлов в сочинении „Устьвым“. Пас буквально значит знак.

9. ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ЗЫРЯНСКИЕ СЛОВА ЯВЛЕНИЙ ПРИРОДЫ И УМОЗРИТЕЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ

Зырянские слова явлений природы носят характер оригинального коренного языка. Не многие из них отзываются духом заносных наблюдений других народов, развившихся под другими внешними условиями. Это обстоятельство дает нашему языку право иметь любопытных относительно его...³⁾ Представим несколько примеров.

Шондъи солнце. К этому названию близки немецк. *sonne*, англ. *sun* и русск. **солнце**. Но эти языки у себя не находят корня этого слова; немецк. *sonnen* греться на солнце, очевидно, произошло уже от *sonne*. Зырянское коренное слово **шон** значит теплый (сравни **шоньд** теплый, **шонал** согрейся, **шонды** согрей). В слове **шондъи** буква **д** есть частица, обыкновенно выражающая действие предмета на другой; в этой форме и в виде **т** и **ёд** она бывает признаком действительного залога. Буква и произошла от мягкого выговора предшествовавшей буквы **д**. Слово сначала носило вид **шонд**, но чтобы оно не звучало как **шонт** оно получило букву **и**. **Шондъи** буквально то, что греет, или **грейло**, если выразиться в подражание простонародным **купило** (то, на что покупать), **кормило** или **правило**.

Тольсь месяц (от **тёл** ветер и холод). Как солнце признано зырянинном источником только теплоты) не потому ли, что иногда не видать солнца, а светло?), так другое великое светило суеверие признало источником холода.

Слова **зэр** дождь и **шер** град, очевидно, простые звуко-подражания тому стуку, который бывает от падения дождя и града на твердое тело.

Ю река. **Ю** же значит пей. Ясно, что река получает свое название от обыкновеннейшего своего приложения к жизни.

Керёс гора; буквально же, происходя от **кер** делай и **ёс**, частицы, выражающей страдательное состояние предмета, и составляющей, между прочим, винительный падеж имен, значит **сделанное**. Страна зырян не имеет гор значительной вышины; поэтому, повидимому, на зырянском языке нет названия природной горе. Почему же зырянин называет

гору делом рук своих? Есть предание, что чудские племена имели обыкновение защищаться от врагов на искусственных горах, насыпях, с которых они катали бревна на неприятелей *). Я сам видел в Шатеневе и около Шонги и Городка (в Никольском уезде) и в Усть-Выме (в Яренском уезде) горы, носящие явные следы человеческих рук; они большею частью четвероугольны, с квадратной площадью сверху и наклонными боками, так что если бы постройку их продолжить кверху, то мы получили бы земляные пирамиды.

Пётка всякая дикая птица, служащая зырянину пищею; слово это происходя от пёт корми буквально значит кормилица. У русского мужика земля называется матерью и кормилицей, а у зырянина—дикая птица, которую он стреляет, сам ест и посылает на стол Петербургского вельможи.

Кёк кукушка (сравните с русск. кукушка, также с сискоо, соисои, кискиск). На русском и западных языках, очевидно, это слово звукоподражательное; на зырянском оно значит собственно два (кык, кёк-я-мыс) и, очевидно, указывает на привычку этой птицы произносить через длинные промежутки **два раза один и тот же звук**.

Я мог бы представить еще множество примеров, доказывающих самобытность зырянского языка. Но обратимся к словам умозрительных понятий. Было говорено, что народное образование не благоприятствовало обилию зырянских слов, выражающих созерцательную работу. Как бы то ни было, зыряне не находятся в состоянии дикости, чтоб язык их был совсем лишен слов для выражения души и ума. Последние и в образованных языках могли развиваться только из слов явлений природы; но в языках народов недалекого образования это совершенно очевидно. Там производство их часто затруднительно, иногда невозможно совсем, и редкое производство не подвергается упреку в произвольности, за которую не один Вельтман**) был справедливо осмеян; здесь этимология удобнее и вернее, слова распадаются на свои составные части. Представим примеры из нашего языка.

Гёгөрвоны понимать, состоит из гёгөр вокруг и воны пройти. Следовательно это слово соответствует школьной фразе: узнать (предмет) со всех сторон.

Велёдны учить, состоит из вель достаточно, довольно (—славян. вельми), ёд формы действительного залога, и ны, формы неопределенного склонения; буквально **делать достаточное, совершеннее**. Еще умнее составлено

*) Искусственные горы служили также памятниками важных событий. (Примеч. И. Н. Куратова.)

**) Романист и археолог, швед (1800-1860)

слово **вельмыны** зазнаться, возгордиться. Состоит оно из того же **вель**, **м**, формы среднего залога, и **ны** (неопр.накл.) Буквально оно значит—делаться совершеннее при одной самодеятельности, без влияния других—ирония, которую надобно перевести так: представлять себя совершенным без признания этого со стороны других.

Сералны смеяться. Происходит от **сер** пестрота, иногда цвет, **ал**-сложная частица, присваивающая предмету то качество, которое выражено предыдущим словом, и **ны** буквально значит определять цвет, характеризовать. В самом деле, зырянин не охотник смеяться, смех свой чаще выражает только спокойной, словесной характеристикой глупого и оплошного субъекта.

Нембстуйтны хулить, буквально давать никакой (нем) дороги (туй), ходу, цены.

Ошкыны хвалить. Слово происходит—это уж очень странно, тем не менее вероятно—от **ош** медведь. Буква **к** беглая, как и в слове **ошкбс** медведя. Буквально значит **делать** медведем. В стране зырян медведь самое сильное животное (а сила, известно, у таких народов, как зыряне, есть первое преимущество, дающее славу первой величины); с силой-то его зыряне и сравнивают хвалимую добродетель; и если доблестный зырянин считает за честь уподобиться медведю, то также ведь на верх величия поставляются индеец и яваец, когда получают они титулы: **первый—льва**, **второй—тигра**; совершенно также мы угодим европейцу, когда скажем, что „он **смотрит орлом**“. Только редкий не любит себя видеть животным и вполне понимает честь, какая дается тому, о ком говорят: **ессе homo!**

Юрбитны молится, состоит из **юр** голова и **битны** или **вины** бить. Буквально головой бить.

Аньтуй способность, искусство. Состоит из **ань** мать или хозяйка дома (—татарск. **ана** тоже) и **туй** дорога. Буквально, дорога хозяйки, искусство хозяйничать. Впоследствии слово получило общее понятие об искусстве. Однако оно ясно выражает народный взгляд на назначение женщины стать матерью и хозяйкой дома. Кстати заметим, что у зырян до сих пор внутри дома первый человек—жена-мать, а не муж—отец, который есть производительная сила вне дома для дома. За детьми смотрит одна мать; отец отсылает их к суду матери и раздает им гостинцы через руки матери. Вы, путешественник, отобедав спрашиваете у хозяйки, что стало вам это удовольствие. „Я не знаю“, отвечает он.—Да кто же лучше знает, как не сама производительная сила? „Хозяйка моя“, решит хозяйка.

Здесь не место было для изъяснительного зырянского словаря, хотя такой словарь объяснил бы интеллектуальное развитие и отличительный склад зырянского ума гораздо

лучше, чем разные предположения путешественников, часто основанные на моментных наблюдениях и предвзятых понятиях.

Путешественник высказывает мнение и наблюдение со стороны; зырянский изъяснительный словарь был бы языком самого народа этого, и мы ему могли бы посвятить исключительное внимание, потому что в более совершенно словесной форме, в форме литературы, зырянин не высказался.

ГРАММАТИКА ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА

Составил Павел Савваитов. Спб.

Зырянскому языку посвящали свои труды между прочим знаменитые лингвисты Кастрен, Шегрен и Видеман. Более же подробно изложены результаты изучения этого языка в „Грамматике зырянского языка“ Павла Савваитова, бывшего профессора вологодской (ныне петербургской) семинарии. Впрочем, г. Савваитов в этом сочинении представляет не комбинацию только того, что до него другие сказали о зырянском языке; книжка его богата материалами, им самим тщательно собранными и с замечательным искусством распределенными. Я не говорю больше, потому что сам Савваитов в предисловии к своему сочинению хочет представить не больше, как „средство для дальнейшего углубления в зырянский язык“, потому что в самом деле это сочинение, которого цену однако никто и не намерен ронять, представляет больше искусственную систему нашего языка, чем действительный тип его. В самом деле странный язык! Дикарь, он уклоняется от наблюдателя, но вдруг дает себя последнему хорошенько разглядеть.

Зырянин—европеец только по географии *) Арсеньева; как во всем прочем он далек от европейцев, так и язык его слишком отличен от европейских языков. Как сравнишь его с последними, найдешь что в нем все наизуворот; на православном языке, например, предлоги стоят перед именами, а на зырянском после имен; там как следует есть падежи, различаемые друг от друга самым плохим школьником; а здесь и ученый только что хочет сказать, что такое-то имя стоит в таком-то падеже, смотря по окончанию, глядь—окончание падежа составляет уже форму какогонибудь залога или вида, а то и форму другого самостоятельного имени или глагола. Это—антипод европейских языков и при разборе его иная голова пойдет кругом.

*) Повидимому, Куратов имел ввиду „Краткую всеобщую географию“ Коист. Иван. Арсеньева (1789-1865), изданную в 1849 г.

Примерно, что проще сравнительной степени зырянских качественных прилагательных! Другие сейчас догадались, что она кончается на джык: бур добрый, бурджык добрее; ён сильный, ёнджык сильнее. Только прибавь к прилагательному положительной степени джык и получите сравнительную. Исключений из правила не бывало. Впрочем их и быть не могло, потому что, и правила-то такого не должно быть, как увидим через строчку.

Мысль кужанджык ты умеешь больше чем я. Отсюда ясно, что джык есть особое слово, а не форма сравнительной степени прилагательного, так как оно следует после глагола наст. вр. 2 лица кужан (умеешь). Подобным образом можно опровергнуть все савваитовские системы имен и глаголов, падежей, времен, лиц и чисел, что впрочем уже нами было сделано в „этимологических формах зырянского языка“ *). Здесь я разошелся с существовавшими мнениями об этом предмете. За это мне прочтут такую рацею. „Чего ты добиваешься, когда от имен и глаголов зырянских отнимаешь их формы, возводя последние в достоинства самостоятельных слов? Формы падежей, времен и пр., которые мы допускаем в зырянском языке, говорят в пользу последнего, в пользу его развития, совершенства; это члены организма, руки и ноги, которые ты отсекаешь от туловища и заставляешь действовать отдельно“. Ну это сравнение не совсем удачно, хотя оно вообще в большом ходу и между присяжными лингвистами. Отсеченные органы, лежащие в одной куче, не организм; в них нет общей жизни и движения. Хотя язык есть также живой организм, но не животный организм, а организм мысли; хотя склонения и спряжения точно суть члены языка, но более подвижные, чем члены животного организма, как мысль подвижнее тела; они вовсе не так неприкосновенны, как члены живого организма, они заменяются один другим; к имени часто прирастают окончания непохожие на окончания других имен—и являются исключительные склонения, которые не безобразят язык, как человека деревянная нога вместо обыкновенной—естественной. Точно также члены языков монголо-финских до того подвижны, что совсем отделяются от имен и глаголов и составляют особи, являющиеся тут и там для исправления разных своих должностей. Так, в зырянском языке одни и те же суффиксы иногда составляют и формы имени и формы глагола. И это не есть уродство языка. Значит ли же отсекай руки и ноги от туловища, когда мы рассматриваем отдельно от слов окончания их и, тем паче, когда эти окончания так капризны, что хотят быть сами самостоятель-

*) Вол. губ. вед. 1865 г. № 27

ными словами? Приведенное сравнение форм языка с членами организма несправедливо и в другом отношении. Оно предполагает, что формами языка служат только окончания слов, как это действительно и есть, например, в русской этимологии. Если бы это было так, то мы, возводя окончания слов в самостоятельные слова, отвергали бы формы языка, отвергали бы и существо языка, подобно тому, как отсекая от человека голову, руки, ноги из него делаем уже не человека. Но, к счастью нашему, окончания слов не единственная форма языков, а между прочим вся форма их состоит иногда в известном соотношении и сопоставлении слов. Таков русский синтаксис. Таковы этимология и синтаксис (то и другое здесь впрочем одно и то же) зырянского языка. Таков, говорят, и китайский язык. Лингвисты почему-то сердиты на эту форму языка, приложенную к его этимологии, и говорят, что она не может быть языком вкуса и ума, что она для этого мелко плавает. Спорить не могу, потому что китайского языка я не знаю, хотя есть важная причина и не верить сердитым лингвистам. Я также знаю, что китайский язык есть язык вкуса, науки, искусств, торговли, политики и законодательства многолюднейшего из государств в свете, образованнейшего в целом Востоке и верно стоящего выше по цивилизации, чем рассчитывает надменный европеец. Но пусть разбираемая форма языка есть признак несовершенства его, мы должны описывать то, что есть в языке, а не то, что желали бы видеть в нем. Савваитов непременно хочет видеть, чтоб в зырянской грамматике были да—и—только падежи, именно такие, как у добрых людей, а не другие; он нашел в зырянском языке 17 падежей! Вот богатство-то! Да и открытие-то редкостное... Но успокойтесь, это утка. Падежей в зырянском языке вовсе нет именно таких, какие воображает Савваитов т. е. с известными окончаниями слов. Воображая, что он делает дело целого народа—организует язык, на самом деле наш автор связывает язык по рукам и ногам, не давая ему широкого размаха, стесняет его в искусственных формах, хотя бы он плодил эти формы еще более и к 17 своим падежам прибавил еще столько же. Формы же живого зырянского языка гораздо разнообразнее. Так в савваитовской системе зырянской этимологии не дано места следующим явлениям: **гижныд** тебе писать, **гижныс** ему писать; **кивылам** на мою руку, **кивылад** на твою руку, **кивылас** на его руку. Выпущены также многие видовые и временные формы глаголов. Предоставляю знающим скольконибудь по-зырянски определить по Савваитовской грамматике, куда к ней можно приклеить слова: **гижомны** они написали, **гижомыд** ты написал?

Савваитов умел внешним образом связать отделы своей

книжки; это привело Шегрена в восторг. Но при некотором внимании можно увидеть, что связи у Савваитова фальшивые, что отделы книжки связаны механически, а часто и перепутаны. Так, предлоги его (послеположения) имеют падежные окончания. **Вылысь** изверху—исходный падеж, **вылѡдзь** доверху—определятельный, **вылланы** кверху—приблизительный и пр. У Савваитова и наречия склоняются: **ѡні** теперь—именительный, **ѡніѡдз** доныне—определятельный, **ѡнісянь** отныне-отдалительный. Всю эту беду зырянские грамматисты творят оттого, что они не постарались вникнуть в действительную роль послеполагаемых суффиксов зырянских. Здесь я опять попрошу читателя обратиться к моей статейке „этимологические формы зырянского языка“, чтоб мне не повторяться. Здесь я скажу только о так называемых местоименных суффиксах, которые подобно своим братьям—всем суффиксам, только издеваются над лингвистами. Роль этих мучителей и чудовищ одинаково во всех монголо-финских языках, начиная с турецкого и кончая зырянским. На последнем они являются в виде **ым**, **ыд** и **ыс** и выражают три лица. При глаголах они переводятся личными местоимениями, при существительных притяжательными местоимениями, а при личных местоимениях ровно ничего не значат—так только, по своей привычке всюду соваться, место занимают. Но, черт знает, ведь, они иногда, как ведьмы, вид свой изменяют. От них часто остаются только осколки **м**, **д** и **с**; иногда частица **ъ** л. скрывается под буквою **т**, а третьего—под **з**. Это надо заметить. Лингвист впрочем превращение их из **д** в **т** и из **с** в **з** найдет естественным. Так нет же, им этого мало. Не только сами они превращаются, но если в соседстве их стоит слабое слово, то они делают оборотнем и его. Коренные имена и глаголы их не опасаются, пользуясь в зырянском языке привилегией никогда не переменять однажды полученный вид. Но другие суффиксы страдают от местоименных частиц. Так, частица винительного падежа **ѡс** при них является в виде **ѡ** (**китѡ** твою руку **вм. ки ыд ѡс**), послеположение **ысь** „из“-**сь** (**ки сь ыд** из твоей руки **вм. ки ысь ыд**), послеположения **ѡ** „в“ (на вопрос куда?) и **ын** „в“ (на вопрос где?)—являются в виде **а** (горт **а** **д** в дом **вм. горт ѡ ыд, ки а д** в его руке **вм. ки ын ыс**) и пр. Вот эти штуки следует записать на память и местоименные частицы никогда не могут провести, и Савваитову из-за них, если бы он раньше знал это, не нужно было бы голову ломать, изобретая три лишних склонения.

Таким образом мы еще не знаем такой зырянской грамматики, которая была бы составлена после тщательных аналитических работ, без *idees fixes*.

Что больше всего не благоприятствовало появлению правильной зырянской грамматики, так это не небрежность и не *idees fixes* ученых лингвистов, а сам он, зырянский язык. Вот это правда. Во-первых, вольно же было ему не сделаться языком Петербурга, а найти для себя хозяев в жителях, поселившихся бог знает где, так что сам гимназист их по карте не найдет. Во-вторых он сформировался как-то странно, не похоже на европейские языки, конструкция его слишком своеобразна если его поставить в ряд языков, поселившихся почти по всему западу от реки Волги. Не вдруг и поймешь, что это человеческий язык... В третьих, формы зырянского языка сами по себе еще не так строго определились, как это видим в языках образованных. Хотя совершенная правда то, что этот порок в нем замечается весьма редко, но замечается. Так местоименные частицы, которых идея, должность состоит в указании лиц, о которых говорится в речи, употребляются иногда в неопределенной речи.

Второстепенные причины, неблагоприятствовавшие появлению правильной зырянской грамматики составляют следующие обстоятельства:

а) Зыряне не имеют самой плохой литературы, над которою возможно было бы делать грамматические наблюдения, которые в противном случае были бы и легче и плодотворнее.

в) Зыряне, кончающие курс высших учебных заведений в столицах и потому более способные, обыкновенно забывают грамматику своего языка.

и с) Ученые лингвисты имеют другие дела, кроме изучения зырянского языка. В самом деле ученые, упомянутые в начале этой статейки, слишком хорошо зарекомендовали себя знаниями и жертвами для науки и блестящую славу их мы не намерены заслонять зырянской грамматикой, хотя бы и дурно ими написанной.

*Грамматика
зырянского языка*

ГРАММАТИКА ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА*)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

1. Название зырян. Слово „Зырянин“ одни производят от зырянского зырны „вытеснять“, другие от сур „ливо“, третьи от финского surja „край“. По первому производству зыряне—отодвинутый, вытесненный народ, по другому—они должны опиваться своим национальным напитком, по третьему—они жители крайних стран. Эти производства одно другому не уступают в хитрости. Финское производство уж слишком хватило³); напрасно еще какой-нибудь чудак, не произвел зырянина от английского sir! В древних летописях зыряне известны под именем Перми; название „Зырянин“ недавнего происхождения;⁴)... ..ничего не известно было, вытесненный народ или (нет) зыряне, а тут вдруг вспомнили царя Гороха, и русские, изучив весь зырянский лексикон, удачно выбрали из него словечко зырны, более всего характеризующее судьбу (народа). Воля ваша—хитро. Русские любят давать насмешливые имена инокорцам и иностранцам. Германцев они называли „немыми“, потому что первые не говорили по русски, французов называют „мусью“, желая посмеяться над их вежливостью. Пермьян они называли „зырей“, т. е. дикими. Словечко употребительно в Тотемском и Вельском уезде.

Зырянин себя называет „коми“. Хитрые филологи утверждают, что слово коми происходит от Кама (название реки, на которой проживают зыряне). Если случится нужда, они Каму в свою очередь произведут от Коми.

До принятия христианства пермяне исповедывали шаманство, господствующее между народцами Северной си-

*) Заглавие для всей работы в целом взято, исходя из содержания текста. (ред.)

бири и Манчжурии. Шаманы назывались, вероятно, так же, как и до сих пор у некоторых народов Сибири кам или ком. Следовательно коми морт значит человек, исповедующий шаманство или признающий над собою власть камов, шаманов. Зыряне перм... называются комму, т. е. земля (камов).

2. История зырян. История зырян до принятия ими христианства неизвестна. Клапрот*), Бальби**), Шегрен и Чельгрэн***) (Kallgren) утверждают, что все финские племена выходцы из алтайской Азии: к такому заключению вело их сходство финских языков с алтайским, калмыцким и турецким. В маленьких глазах зырянина, в малом росте и тучности его, в характере кротком и добродушном обыкновенно, и необыкновенно горячем, когда возбуждена его месть, в крайней веселости его, сменяемой глубокой меланхолией, во всем этом можно находить черты монгола. Впрочем зыряне, живущие по большим дорогам мало чем отличаются от русских, кроме языка; они имеют русые волосы и средний рост, тогда как отдаленные от дорог зыряне черноволосы, малорослы и смуглы. Первые есть смесь настоящих зырян с новгородскими выходцами. Вот почему в зырянском предании о чудях и русских зыряне представляются одинаково чуждыми и, если угодно, одинаково близкими тем и другим.

В IV веке китайцы гнали монголов, которые, перешед Урал, сначала заселили Северо-восток Европы. Это были те племена, которых обыкновенно называют финнами. Из толпы их история лучше знает Угров (Венгров) и особенно Гуннов⁵⁾ двинувших народы к великому переселению.

Суль, Карела, Пермь (зыряне), Черемиса и Воть остались на Северо-востоке России. Гунны обошли всю Европу и смешались с другими народами. Пермь основала государство Биармию, а Угры—Югорию там, где ныне живут зыряне. Впрочем область последних простиралась, по уверению многих, от Балтики до Урала по крайнему Северу Европы. Затем угры двинулись на юг и там составили государство маджаров или венгров, оставив свой след в нынешних наречиях Псковской и Смоленской губерний⁶⁾. Этим объясняется сродство языков зырян и венгров, отрезанных друг от друга поляками и русскими.

Итак, из всех финских племен только Угры и Пермь имели у себя государственное устройство. История, впрочем, не знает ни о религии, ни об общественном строе древней Перми. Известно, что пермяне верили, что есть

*) Клапрот (1783—1835), известный знаток азиатских языков.

**) Бальби (1782—1848) известен своими трудами по этнографии.

***) Чельгрэн, финский грамматист.

бог еи и несколько сортов духов—и только. Вообще религия их по скудости догматов и простоте может быть признана одним из видов шаманства. Есть предание, что печорские зыряне еще недавно имели обычай бросать дерево или камень на предполагаемую могилу Ягморта, героя одной легенды, каждый раз, когда проходили мимо нее—это едва ли у шаманствующих народов не есть обычай религиозный. Буряты до сих пор бросают чтонибудь на могилы своих шаманов и знаменитых людей, проходя мимо их. По всей вероятности древние Пермские держались демонократии. По крайней мере, в истории обращения зырян к христианству мы не встречаем ни одного князя, Степану противится волхв Пама. Волхвы или Шаманы одни имели дело с духами и объявляли их волю народу; следовательно, они же были и старшинами светскими, хотя официально признавалась за ними только духовная власть, и они не величались господами. После шаманов и для шаманов все были равны. В зырянском языке нет слов раб и господин, милость и наказание, а также благодарить. Это показывает, что в древнем быту зырян не было отношений господина к рабу, никто не просил ни у кого помилования и не был поставлен в необходимость благодарить за милость. Одна баба нуждается в ведре, а другая в коромысле; вот они взаимно ссужают друг друга, а благодарить-то друг друга уж и не за что. Норвежский путешественник мог найти зырян достаточными и неугнетаемыми. Шаманы не могли их обманывать много, потому что самая обязанность их запрещала быть им богатыми; они были бессемейные скитальцы.

В XV веке быстро изменяется весь общественный быт зырян; кроме языка, христианство Степана и Логгина и политика потомков хитрого Калиты ничего не оставили им. Самый язык их сильно теснили с юга и запада. При Стефане в 60 верстах от Устюга в Пырасе (прежнее название Котласа) употреблялся зырянский язык; теперь он отодвинут на 300 верст от Устюга. Город Кунгур (прежнее название его Кан—кар „Ханский город“ (был построен зырянами быть может в память какого-нибудь хана или предводителя; теперь зыряне живут только в малой части севера Пермской губернии под именем Пермяков.

Так зыряне, подобно всем финским племенам, доказали, что они плохие политики, легко поддаются чуждому влиянию и лучше умеют повиноваться, чем повелевать—характеристическая черта восточных народов^{*)}, азиатских квиетистов*).

*) Квиетизм—мистическое учение католического вероисповедания.

Но эта черта в характере всех монгольских племен не мешает предполагать другую, которою пользовались Чингисы и Атиллы, создавшие для монголов странную роль в истории. Монголов, занимающих средину самого большого материка, можно сравнить с Тихим морем, занимающим средину самого большого океана. Последнее долго тихо, ни одно море не имеет такой глади; только изредка и ненадолго поднимаются на нем бури, каких не знают другие океаны. Такие бури поднимали только монголы в политическом мире. Наполеон, как завоеватель, дитя в сравнении с Темучинами и Тимурами. Какой огонь и быстрота в действиях этих азиатцев. Что за неустрашимость и постоянство их войск. С малорослым и кривоногим гунном умеи только во время распорядиться—и он готов с тобою лезть на луну, коли хочешь ее завоевать и на одном из ее пик утвердить свой трон. Страшна и несокрушима его запальчивая месть; но дайте ему простить и увидите, что он столько же жалкий раб дома, сколько энергичен и велик на поле. Неизвестна будущая роль в истории финских племен, но или ее вовсе не будет, или она будет разрушительная, или они смешаются с другими племенами, или еще раз пройдут Европу..⁹)

3. Зырянский язык в отношении к другим. Он имеет грамматическое сходство со всеми языками, на которых говорят на севере Европы и Азии, от Швеции до земли Чукчей, с монгольским, манчжурским, якутским, бурятским, калмыцким, тибетским, турецким, венгерским, финским, карельским, мордовским, черемисским, вотским и со всеми сибирскими (кроме языка чукчей). Это сходство состоит в следующем.

1. На всех этих языках корни слов (в именительных падежах и повел. накл. 2 л.) не изменяются, а к ним делаются прибавления различных частиц для показания наклонов, чисел, времен, лиц и пр. Следовательно в строгом смысле на всех их нет склонений и спряжений, как форм имен и глаголов, и все они суть языки неизменяемые.

II. Грамматика всех их в сравнении с европейскими и индийскими в высшей степени проста и логична, что не мало удивляет ученых при дикости и грубости народов, говорящих на монгольских языках.

III. Конструкция их одинакова; предложения бесконечны; длина их происходит от того, что по свойству языков, все главное ставится впереди; существительному предшествует прилагательное, глаголу—наречие, тому, что иные называют именительным падежом,—что они называют родительным (ибо я в монголофинских наречиях неохотно признаю самостоятельность падежей): Пантелей Петро

Ольш Иван тайо луно чужис надо перевести „Иван, сын Алексеев, внук Петра, правнук Пантелея родился в этот день“, т. е. при переводе одно зырянское предложение распадается на несколько русских. Читатель из этого же примера видит, что зырянский и русский языки движутся противоположно¹⁰⁾; тогда как в зырянском примере причина предшествует следствию, время действию, в русском, наоборот, следствие показано раньше причины и действие раньше времени.

IV. Из III же видно, что монголофинская речь должна быть более сжата, малословна, чем индоевропейская. Логическая постройка первой избавляет ее от пояснений и придаточных предложений. Петро Ольш Иван. Первая причина Петро стоит впереди, за ним следствие его Ольш, становящееся причиной другого следствия Иван. Слова сын, внук, правнук тут лишние. Чтобы перевести на зырянский язык I-ю главу от Матфея отцу Шергину следовало бы только перечислить в строгом порядке имена фамильных предков Иисуса, а не разводить по пословице седьмую воду на киселе, бог знает для чего удлиняя ряд.

V. Каждая часть речи на этих языках легко обращается в другую... Так всякое зырянское слово может быть без перемены употреблено в смысле существительного и глагола, если к последнему прибавить известные частицы.

VI. На всех этих языках есть неотделяемые местоимения, известные у ученых под названием suffix'a и affix'a. Таковы на зырянском: ым, ыд, ыс (вок-ыд, вок-ыс „твой брат“ „его брат“), на турецком: м, н, и зи (баба-м „мой отец“ баба-н „твой отец“, баба-зи „его отец“).

VII. На всех этих языках предлоги употребляются после имен и называются послеположениями, которые на индоевропейских языках обратились в падежные окончания и из которых на последних только некоторые остались, как лат. causa, русское ради.

VIII. В именах монголофинских различаются предметы разумные и неразумные, но имена предметов одушевленных и неодушевленных употребляются безразлично. Глаголы монголофинские имеют отрицательную форму спряжений, которой лишены индоевропейские языки; имена и глаголы монголофинские не знают родов.

IX. Монголофинские языки имеют недостаток в союзах, которые у них и заимствуются из других языков.

Зырян... i есть русское и; венгерское es есть латинское et.

Не столько общего с азиатскими языками зырянский имеет в ономатическом отношении, в каком он ближе к черемисскому, остяцкому, карельскому, венгерскому и собственно к финскому. Монгольский, бурятский, манчжурский, тибетский и турецкий мало имеют ономатического

(лексикального) сходства с зырянским; даже личные местоимения тех и этого так различны. Буквы Ф и Х, столь обыкновенные в этих языках, не имеют места в западных финских и зырянском.

Из европейских в немецком при самом беглом просмотре его лексикона я нашел около 300 слов, сходных с зырянским по звуку и значению. Для сравнения привожу их несколько.

Зырянские.

Немецкие.

Чер (топор)	Tseherger (большой нож)
Ош (бык)	Ochse
Зон (сын, молодец)	Sohn
Шань (хороший, прекрасный)	Schön
Ва (вода)	Wasser
Тасьтi (чашка)	Tasse
Доз (сосуд)	Dose
Эрд (голая земля)	Erde (земля)
Зэл (очень, весьма)	Sehr
Сійō (он и она)	Sie (она)
Видз (луг)	Urese
Вартōдны (бегать)	Warten (ходить)
Мудзōм (усталость)	Müdesein и пр.

Санскритского языка я вовсе не знаю; но в санскритском счете есть некоторое сходство с зырянским; так, по зырянски *ōтик* „один“ и *дас* „десять“ много походят на санскритские *ōка* (один) и *dāsa* (десять).

Славянские *вельми* и *зело* однозвучны и однозначущи с зырянскими *вель* и *зэл*.

Французские *chaud* и *le lait* напоминают однозначущие с ними зырянские *шоньд* и *йōл* или уменьшительное *льōльō*.

Русские *черствый* и *горло* очень похожи на зырянские *чорьд* и *горш*.

Впрочем сравнением зырянской лексикографии с лексикографиями этих четырех языков я еще мало занимался; по всей вероятности, английский, норвежский и шведский языки еще больше имеют ономатического (лексикального) сходства с зырянским, чем немецким. Сходство зырянского с последним объясняю я тем, что единоплеменные с зырянами гунны довольно пребывали в Германии и при том в качестве повелителей; следовательно, слова гуннов должны были быть приняты германцами, которых короли раболепствовали перед Атиллою..

Итак, прихожу к тому заключению, что зырянская грамматика по преимуществу азиатская, а ономатика (лексикон) зырянская (ий) по преимуществу европейская (ий).

4. Зырянский язык к отношению к русскому. Через храм, училище, суд и расправу русский вторгается в область зырянского. Неразвитость последнего само собой уже ведет к владычеству первого. В русских словах, принятых в зырянский, *о* изменяется в *ö*, *х* в *к*, *ф* в *п*, *ч* в *ч¹¹*), *пора-пöра*, *хитрый—китрöй*, *фунт—пунт*, *час—час*.

Русские глаголы обращаются в зырянские через прибавление к повел. накл. 2 л. е. ч. буквы т: „прими“—примит, примита „возьму“; „служи“—служит, служитны „служить“; „звони“—звонит и пр. Все, что было говорено о различии монголо-финских наречий от европейских в грамматическом отношении, только требует повторения, чтоб узнать такое же различие между зырянским и русским языками.

5. Бедность зырянского языка. Мы уже знаем религию и историю Пермян; прибавьте к ним бедную природу зырянскую и вы получите все причины бедности этого языка. Пермяне признавали *ен*, высшее существо, которое так высоко, что ему неприлично иметь какое нибудь дело с смертными. Этим прекращается всякое отношение человека к нему; след. язык лишается целого лексикона слов для выражения религиозных догматов и обрядов. После *ен* пермяне признавали *ортов*—это были духи не с точно известными свойствами, имевшие таинственное влияние на людей и беседовавшие только с *камом* (шаманом), когда *сей* последний бесновался. *Кам* народу не открывал ничего о духах, объявляя ему только результат своего религиозного беснования словами *да* или *нет*. Так религия пермян благоприятствовала немоте, не сказывая того, что есть в духовном мире. Дума, порыв, стремление к этому заколдованному миру было запрещено, и в язык зырянский не вошло самое слово думать. *О* себе зырянин знает только то, что он *морт* (*му* и *орт*) т. е. кусок земли, проникнутый духом.

Далее, чем разнообразнее отношения людей друг к другу, господ к рабам, богатых к бедным, сильных к слабым, тем богаче язык, выражающий это отношения. Но вы уже знаете, что в общественном быту Пермян господствовали простота и равенство, малосложность и однообразие. Шаманская демократия исключала возможность законодательства. *Да* или *нет* *кама* заменяли судебные постановления и административные учреждения. Литература была лишним явлением... Такое положение дел не обещало прогресса (ничего доброго); зырянин должен был вращаться в самом низком кругу деятельности,—и в стране его не могло быть ни одного героя, создателя эпохи и, следовательно, не могло быть история ее. Не удивительно, если зыряне не имеют никаких преданий; отцы не расска-

зывают детям ни о великих добродетелях, ни о потрясающих пороках своих предков. Опять немота...

Так бедной (бедность—Ред.) психической жизни зырян лишила их язык слов для отвлеченных понятий; бедная природа, окружавшая их, лишает язык слов для физических явлений.

Небольшие холмы, однообразный сосновый лес, мох, болота, осока, олень, малорыбные реки и тусклое небо—это еще не много названий, которыми обладает зырянский язык. Цвет шиповника и красное солнце—вот жалкие и обыкновенные краски зырянской поэзии...¹²⁾

6. Зырянская фонетика. Зырянская фонетика довольно замечательна, как по богатству звуков, так и по последовательности и расположению их. В зырянском языке есть немецкое ö (Göchter), итальянское Z (Donizetti), английское g перед e (georg), русское ы и близкое к французскому u. Никто так чисто и хорошо не может говорить на всех этих языках, как зырянин (разумеется изучивший их), потому что тот или другой звук, исключительно принадлежащий тому или другому языку, зырянину всегда природный. Разнообразие звуков зырянскую речь делает приятно для слуха; дребезжащие dz и dj не лишают ее нежности, потому что в ней преобладают носовые и особенно шипящие звуки. В ней нет неприятного стечения однородных букв и сопутствования гласных гласным и согласных согласным. Первое есть порок кельтских наречий (особенно бретонского и камрийского¹³⁾), второе—польского языка.

7. Три особенности зырянского языка. Три особенности зырянского языка много приближают его к так называемым односложным языкам (каковы китайский, корейский и др.) Первая особенность та, что более $\frac{2}{3}$ зырянского лексикона занимают односложные слова, вторая—односложные звукоподражательные слова. Эти звукоподражания в зырянской речи весьма употребительны и удобоставляемы, каковы: киль-киль, шурк-шарк, пурк-парк, сюль-сяль, шлюп-шляп, кыш-каш и др. Сійö буз-баз шыбытчис ваö „он бросился в воду буз-баз“, т. е. произвел шум воды. Миян ныв пырис сювк-сявк „наша девка вошла и произвела эффект шумом платья.“ Чтобы русский человек лучше мог понять употребление таких звукоподражательных слов, то ему можно указать на стихи в балладе Пушкина:

Колокольчик динь-динь-динь

Средь неведомых равнин...

Следовательно, эти звукоподражания служат к сжатости и выразительности речи, заменяя целые предложения...

В зырянском языке наконец есть еще звуковая мимика,

жаковы тѣьяльны, гоньяльны, дольяльны. Смысл этих слов трудно передать, он узнается по ближайшем знакомстве с зырянским языком; каждое из таких слов при переводе требует пяти или шести русских слов. Так, звуковая мимика гонь-гонь выражает походку гуся или манеру его ходить тихо, плавно выступая, высоко подняв голову и оглядываясь... От него происходит глагол гоньяльны ходить и наблюдать с некоторой важностью или серьезно.

8. О личных местоимениях зырянского языка в сравнении с таковыми же других языков. Между всеми словами в каждом языке личные местоимения играют самую главную роль, даже важнейшую, чем существительные и глаголы. Если все части речи называются второстепенными, кроме первостепенных имени сущ. и глагола, то личные местоимения должны быть отнесены также к словам первостепенной важности, потому что ими начинает говорить дитя, ими вероятно, начал говорить первый человек, и в дальнейшем употреблении языка они имеют самое обширное применение. Предмет самый близкий к человеку, он сам, а себя он называет личным местоимением. После себя человек узнает то, чего он желает и что он делает. Так, прежде чем явилось у человека сознание о внешних предметах, прежде чем он выдумал названия сам последним (имена сущ.) он уже употреблял личное местоимение и глагол. Личные местоимения древнее всех слов, общих почти всем языкам с малым исключением звуков; вот почему имеют поразительное сходство монгольское *tschi*, зыр. *тэ*, русское *ты*, лат. *tu*, нем. *du* английское *thou* и пр., или зыр. *ме-н-ѳ*, русск. *меня*, нем. *meiner* и англ. *ty or mine* и пр. Личные местоимения имеют тесную связь с существительными и глаголами; последним они сообщают даже форму лиц, так, в 1-м лице мн. ч. наст. вр. *caudamus*, греч. *ledomai*, ошкамѳ (зыр.) даем везде слышится личное местоимение первого лица с первобытным звуком *t* (который в прямых падежах на некоторых языках утрачен, но сохраняется в косвенных: мне, *mihi*, греч. *т*, *те* (англ.), *мы* (русск. мн. ч.), *те* и *пои* (франц.). Эта связь местоимений личных с глаголами более близкая, чем с существительными, которым они не сообщили такой формы, понятна, тогда как я сказал выше, мест. личные и глаголы явились на человеческом языке раньше существительных имен и след., их отношения успели сделаться тесными, прежде чем явиться другим словам.

Итак, мы приходим к тому заключению, что личные местоимения древнее всех слов. Каковы же они были в первобытном виде? Прежде всего заметим, что личные местоимения в новейших языках перепутаны, первобытное

значение одного присвоено к другому и наоборот. Так в латинском мест. 2 л. *tu* присвоено в глаголах третьему: *leget, Surrexit*. Греческое *Su* (ты) присвоено латинскому 2 лицу в глаголах *leges, surrexis*; греч. *su*, кажется, сохранилось и в славянских *даси, твориши*. В русском видим то же, что в латинском: **ты** обратилось в третье лицо: **делает**. Лат. *ego* и греч. *ego* в русском обратилось в род. п. 3 личного местоимения **его**. Английское *we* (мы) и русское **вы**, русское **их** и нем. *ich* (я), английские *thou* (ты) и *they* (она)—все это доказывает, что значение первобытных личных местоимений не сохранилось, и самые звуки их в одном языке присвоятся тому лицу, а в другом другому. Мы однакож находим, что в зырянском языке первобытные личные местоимения сохранились отчасти по звуку и вполне по значению. Этот язык присваивает звук *m* 1-му личн. местоимению, *t*—второму и *s*—третьему: **ме, тэ, сійѵ или сы**. Едва ли подлежит сомнению верность первых двух лиц. Об *m* первого лица выше я уже говорил. Звук второго лица *t* (или смягч. *d*) сохраняется во 2 личн. мест. почти всех европейских и северно-западных языков Азии. Это доказывает неправильность формы 3 л. славянских, латинских и романских глаголов¹⁴) и правильность их формы 2 л. мн. ч.: *ajite, legete, говорите* и пр.—Вот 3 личн. местоимение на различных языках: он, *ille, er* (нем), *il* (фр.), *e* (кельтское), *he* (англ.), *сы* или *сійѵ* (зыр). Отсюда видно, что 3-е личное местоимение более испорчено, чем 2-е и 1-е. Которое из них правильнее? В пользу зырянского говорит то обстоятельство, что на некоторых европейских языках сохранились памятники *s* в таких словах, которые чаще прилагаются к третьему лицу, каковы: славян. **сей**, французские **се, сеих** *celles ci* и пр. Английское *she* (она) и нем. *sie* (она) также говорит в пользу зырянского **сійѵ или сы** (он и она).

На турецком языке есть неотделяемое местоимение 3-го лица со смягченным звуком *s*—**зи**, что значит **его, свой** и иногда **он**. Итак, мы нашли, что первобытные местоимения личные имели звуки *m* (для перв. л.) *t* (для 2-го) и *s* (для третьего) и что эти звуки сохранились в личных местоимениях зырянских¹⁵).

9. **Зырянские буквы.** Стефан, окрестив зырян, переводил для них богослужебные книги. При этом он употреблял буквы, изобретенные им для зырянского письма. Вот некоторые из букв: **Р, Л, л, N, Г** Смысл этого бесполезного изобретения потерял вместе с переводами, которых огромная польза была бы очевидна. Мы употребляли в зырянском письме русские буквы, несколько изменив их приноровительно к характеру этого языка. Савваитовские (для *тч* и *дг*) как лишние, мы бросили. Андрей Попов имел

свою азбуку при зырянских переводах, но у него было семь пятниц на неделе, т. е. что книга, то и новая азбука. Самое колебание его доказывает несостоятельность его азбуки и отсутствие убеждения как в пользу однообразия азбуки, так и в логической постройке ее.

10. Пособия для изучения зырянского языка и составление грамматики его. Самые лучшие—наблюдения над живым языком и собственное соображение. Десятки сочинений по этому предмету, написанные Савваитовым, А. И. Поповым, Шегреном и Gavelenz'ом для зырянского языка ничего не значат, хотя труды первого и двух последних имеют важность при изучении всех финских языков. Козлов написал грамматику вашкинского наречия по плану русской грамматики Греча. Савваитов просмотрел финскую грамматику с 14 падежами ее и написал зырянскую с 17-го, чтоб быть оригинальнее несколько. Алексей Попов душит семинаристов собственным изданием, карикатурой грамматики. Священник Василий Куратов, которому принадлежит труд собрания „Борданкыльяс“, помещенного в прибавлении к грамматике Савваитова, написал грамматику с 3-мя падежами в склонении и 2-мя образцами спряжения зырянских глаголов. Стихотворения Петра Ф. Клочкова, к сожалению, большей частью потерянные и все без исключения искаженные безграмотными переписчиками, мало мне помогли, а маракули священника Петра Распутина, имеющие претензию на стихотворную форму, лишены всякой грамматики. Наконец адъюнкт—профессор Егор Лыткин мне без обиняков написал, что он жалеет драгоценное время, которое я употребляю на составление зырянской грамматики, что он, Егор Лыткин, думает, что я, нижеозначенный, вероятно, еще не столько стар и не годен к иному делу, чтоб заниматься подобными вещами. При этом поневоле вспомнишь надпись, которою казнил Байрон шотланского лорда Эльджина, гонителя классиков и древнего искусства:

Quodnon fecerunt goti,
Nos fecerunt scoti.

11. Зырянские словари были составлены П. Савваитовым и Н. П. Поповым. Первый труд, как начальный в своем роде, хотя не велик, заслуживает большого внимания. Словарь Н. П. Попова еще не издан¹⁶); по слухам, он обширен и обещает много.

12. Для чего нужно изучать зырянский язык. Некоторым кажется странным и бесполезным занятие зырянским языком. Елифан, жизнеописатель Стефана, пишет (вероятно, по случаю переводов просветителя зырян): нецы скудни суще умом реша: почто сотворена суть кни-

ги пермския грамоты? Таких совопросников и теперь немало.

Зырянский язык изучать—значит изучать зырянский народ, его образ мыслей и взглядов на мир и жизнь, его образование и вообще его отличительный народный оттенок. Итак, вопрос об изучении зырянского языка тождествен с вопросом об изучении народов во всех их отношениях.

Зырянский язык изучать—значит изучать общие грамматические формы монголо-финских языков: это—облегчение при изучении последних и вообще хорошая подготовка к изучению языков азиатских. Изучение зырянского языка ведет к объяснению русского, на который первый, как и все инородные языки, без сомнения, имел некоторое влияние.

Хорошо изучивший этот язык видит родство его с языками северо-запада Азии; отсюда он переходит к историческому вопросу о передвижениях народов, решение которого объяснит многое в истории.

Язык такой логической постройки, каков зырянский и вообще финские, достоин уж внимания потому, что изучение его развивает способность мышления. В этом отношении, конечно, он замечательнее многих европейских языков.

Словом изучение зырянского языка так же важно, как изучение всякого, хотя конечно, нельзя сравнить его с пользою от изучения образованных языков.

§ 1. Зырянский алфавит ¹⁷⁾

А. Произношение букв.

О произносится как немецкое ö получая средний звук между О и Ы: öд „жар“.

Г—как латинское g.

В сложных буквах дз и дж слитно произносится в первой д и з, во второй д и ж: дзoнь „цельный“, дждж „пол“.

Ч произносится как русское Ч, но предшествуя полугласной й как чь, или тсь чьöчь „вместе“, чйунй „палец“.

Полугласная Й после гласной произносится как Й, после согласной как русское „Б“. (ай) „отец“, воли (воль) „оленина“*). Когда И предшествует гласным, то с ними

*) Примеры, приводимые Куратовым в его статьях, а также и все его стихотворения написаны т. н. кастреновско-савваитовским правописанием, где знак j имеет два значения: значение j (йог) и значение знака смягчения предыдущей согласной. Нами это правописание сохранено лишь в некоторых примерах, где рассуждения Куратова и выводы формулируемые им, легче и быстрее воспринимаются на основе вышеупомянутого правописания. Там, где содержание примеров не препятствовало, старое правописание заменено современным. (Ред.)

соединяется в следующем виде: йа, йе, йі, йо, йѳ, йу, йы и произносится вместе с последними: я, е, йи, е, ю, йы: нйанй (нянь) „хлеб“, нйур (нюр) „болото“.

Вообще по произношению буквы разделяются на мягкие, твердые, дебелие и тонкую. К первым относятся согласные: б, в, г, д, ж, з, дз, и дж, ко вторым: п, к, т, ш, с и щ; к третьим: л, м, н, р, к четвертым все гласные буквы и к пятой полугласная ¹⁸⁾.

Б. Орфографические знаки, употребляемые (нами) в зырянском письме и отличные от русских, суть следующие:

1. Знак выпущения или отбрасывания (‘), показывающий, что из слова некоторые буквы выпущены. Пі‘с ‘ѳ ыстісны (вм. ли ыс ѳс ыстісны) „сына своего послали“.

2. Знак вставления—(надстрочный), показывающий, что буква, над которой он употреблен, есть вставочная для благозвучия.

Зонма ныл а (вм. зон а ныл а) ворсѳны „молодец и девица играют“.

3. Знак сокращения (∧), показывающий, что слово сокращено. Он ставится только на а, в которую сокращаются три послеположения: ѳ „в“ (на вопрос куда?) ын „в“ (на вопрос где?) и ѳн „посредством“.

Орд а с корис (вм. орд ѳ ыс корис) „звал он к себе“.

4. Слоγοотделительный знак (—строчный), показывающий, что буквы, между которыми он находится, не принадлежат к одному слогу, и что между произношением той и другой должна быть пауза. ѳд—йѳн (ѳд „жар“, ѳн „посредством“) „быстро“, „скоро“.

2 §. Главные свойства зырянских слов. 1. Все зырянские слова по происхождению своему относятся к коренным, первообразным и производным.

А. Коренные слова отдельно не употребляются; простолюдин-зырянин их не понял бы, если бы вы их произнесли перед ним. Коренные слова не могут быть отнесены ни к одному из разрядов слов или частей; но посредством вспомогательных частиц от них происходят имена, глаголы, наречия и послеположения. Так, от коренного слова гѳтр происходят: гѳтыр „жена“ (то же, что гѳтр со вставкой ы), гѳтрась „женись“ (гѳтыр „жена“, а „с“ и съ „себя“), гѳтрал „жени“ (гѳтыр „жена“, а „с“ и л—частица, посредством которой обыкновенно существительные имена обращаются в глаголы). От коренного висът происходят. висътал „поведай“ (висът, а „с“ и вышеозначенная л), висътась „исповедайся“ (висът, а „с“, съ „себя“), висътѳд „исповедай“ (висът, ѳд, сквозь“); Последнее послеположение всегда означает переход предмета или действия к другому предмету или действию)...¹⁹⁾

Б. Первообразные слова в сущности также коренные; от них, так же как от коренных, происходят другие слова посредством вспомогательных частиц.

Но под именем первообразных мы разумеем те только коренные слова, которые могут быть отнесены к какомунибудь разряду слов по значению, таковы слова: ен „бог“, вын „сила“ и др.

с) Производные слова те, которые происходят от коренных и первообразных. Каждое из них состоит по крайней мере из двух слов. Так кѳин „волк“ состоит из коренного кѳй, означающего кочевание (как можно заключать по происходящему от него глаголу кѳйял „кочуй“) и ин „место“. Слово кѳин выражает образ жизни волка, кочующего по разным местам. Некоторые производные слова состоят даже из пяти или шести коренных и первообразных слов...²⁰⁾

II. Зырянский язык, состоящий весь из односложных слов (если не брать во внимание те, которые состоят из нескольких других слов) был бы весьма неприятен для уха, если бы зыряне для благозвучия своей речи не прибегли к какимнибудь мерам.

Эти меры состоят из: 1) вставочных и 2) выбрасываемых букв, 3) из перемены твердых букв в мягкие и из сокращений. Разберем главнейшие случаи всего этого.

1. О в с т а в о ч н ы х б у к в а х. Весьма часто между двумя зырянскими словами ради благозвучия вставляются те или другие буквы, смотря по свойствам той буквы, которою кончается одно слово, и той, которой начинается другое.

Так, первообразные существительные имена, кончающие на согласную или полугласную и употребленные перед первообразными же послеположениями, союзами и междометиями, а также аффиксами единственного числа, начинающимися с гласных, принимают тотчас после себя различные вставочные буквы, именно:

Когда первообразные существительные кончаются на:

то перед первообразными частицами и аффиксами ед. числа, начинающимися с гласных, принимают вставочную:

1. Согласные плавные, кроме
Н, и
мягкие		Й
К
М
Т
2. С, Ч, Ш		
3. Н		
4. П, Сь		

Примеры: Пос „мост“, поскѳдз „до мосту“, ош „медведь“, ошкыд „твой медведь“ (Ыд аффикс 2 лица); зон „молодец“, зонтѳ „в молодца“; сиң „глаз“, синмын „в гла-

зу; зеп „карман“, зептын „в кармане“; зор „жердь“, зор-йö „в жердь“, весь „четверть“; весьтöдз „до четверти“; пон „собака“, понмыс „его собака“ (ыс аффикс 3-го лица)²¹⁾

Из этого правила исключаются несколько слов, или не требующих никаких вставок, или принимающих не те, какие показаны нами. Когда из коренных и первообразных слов образуются другие через прибавление к ним частиц, начинающихся с гласной буквы, то смотря по окончанию первых на ту или другую согласную или полугласную, вставляются между ними и частицами те или другие из букв, показанных выше. Лэп (корень, сл.) лэптыны „поднимать“ бытш (корен. сл.) бытшкыны „пронзить“, зон „молодец“, зонмалны „молодечествовать“; кын „мерзлый“, кынмыны „мерзнуть“.

И из этого правила бывают исключения. Так, от коренного слова кись происходят глаголы: кисьма „наливаюсь“, „созреваю“ и кисьта „пролью“ или „вылью“. Различие вставочных букв, очевидно, допущено для различия смысла, именно вставочная м показывает средний глагол, а т—действительный.

Когда глагол, стоящий в повелительном наклонении 2-го лица, употребляется в значении существительного имени, то после себя перед послеположением öдз „до“ всегда требует вставочную т. Сеттöдз „прежде чем дать“; босьт-тöдз „прежде чем брать“.

Когда коренное слово кончается на две согласные буквы и от него производится глагол, то в повелительном наклонении 2-го лица получает приставную ы. Ветлы „сходи“ (от коренного ветл); ысты „пошли“ (от коренного ыст)²²⁾.

Вообще когда в словах бывает слишком большое стечение согласных букв, вставляется между ними ы или ö. Озыр „богатый“ (от коренного озр.), Петыр (собствен. имя) от „Петр“. Чорыд „черствый“ (от корен. чорд), югöр „луч“ (от юг и л).

Когда же бывает в словах стечение гласных букв, тогда между ними вставляется полугласная й: Айа-пийа „отец и сын“ (а-а—союз „и“).

Но самая любимая зырянами и употребительная на их языке вставная буква есть н. Она вставляется:

а) Между личными местоимениями и следующими за ними неполными послеположениями: менö (вм. меöс) „меня“; тэнö (вм. тэöс) „тебя“; менсьым (вм. мелысьым) „у меня“; тэнсьыд (вм. тэлысьыд) „у тебя“).

б) Между теми же местоимениями и следующими за ними аффиксами единственного числа; в этом случае н совершенно изгоняет послеположение Лы: меным (вм.

меллым) „мне“; тэныд (вм. тэлыыд) „тебе“. Точно так же буква н изгнала букву д из 2-го лица глагола. Говорят мунан „идешь“, гижин „писал ты“ вм. мунанд, гижанд или просто мунад, гижад соответственно третьему лицу ед. числа и всем трем множественного, имеющим в окончаниях аффиксы. Слова миян „наш“ и тиян „ваш“, вероятно также образовались из тиянд и миянд или просто из тияд и мияд, а сии последние от тилонныд и милонным, сократив послеположение ън в а (см. об этом ниже) и аффиксы в д и м. Два первые личные местоимения соединяются с аффиксами в словах меным „мне“ и тэмыд „тебе“ менсьым „у меня“ и тэнсьыд „у тебя“; поэтому аффиксы должны были быть некогда в словах миян и тиян; но буква н, сначала вставленная, потом изгнала из них аффикс. Аффиксы остались также в словах: менам „мой“ (от мелонным) и тэнад „твой“ (от тэлонныд). Буква н, разделенная от них гласной, не могла изгнать их.

в) Наконец, буква н есть приставка к аффиксам множественного числа, как буква ы, приставная к аффиксам единственного числа. Потому-то из аффиксов ым, ыд, ыс, ным, ныд, ныс весьма часто остаются одни основания их м, д и с. Право гражданства эти приставки, вероятно, получили в позднейшее время. Однако над аффиксами мы не будем писать знак вставления, когда они встретятся в виде: ым, ыд, ыс, ным, ныд, ныс; а когда встретятся в виде: м, д, с, тогда при них будем ставить знак выбрасывания (‘м, ‘д, ‘с’).

2. О буквах, заменяющих друг друга. Мягкие и твердые буквы часто употребляются одна вместо других: д вм. т, з вм. с, г вм. к, ж вм. ш, дз вм. щ или ч и наоборот.

При производстве слова лэбав „летай“ от коренного лэп, п заменено буквой б, тогда как слово лэпты „подними“, происходящее от того же корня, сохранило букву п. От коренного слова ыш произошел глагол ыждад „капризиться“. Здесь ш изменилось в ж. Местоимение возвратное съ „себя“ после мягких согласных обращается в з: лэбзы вм. лэбсьы или правильное лэпсьы „полети“. в отрицательном глаголе эз „он не“ з употребляется вместо с, сокращенного от аффикса ыс. Следует также заметить, что аффикс ыд, перед послеположением ъс с отброшенным с, следовательно в виде ъ, всегда заменяется твердою т и в таком же случае этот аффикс множ. числа (ныд) обращается в ныт. Ки‘тѳ’ „твою руку“; киньтѳ’ „вашу руку“ вм. киньдѳс и киньдѳс.

3. О буквах отбрасываемых. Вот важнейшие случаи отбрасывания букв:

а) Местоимения *сийö* „он, оно, оно“ и *найö* „они“ перед послеположениями всегда отбрасывают последние слоги свои. *Сі'öдз* „до него“; *на'ордö* „к ним“.

б) От аффиксов весьма часто остаются одни основания их 'м, 'д и 'с. Это бывает большею частью тогда, когда предшествующее им слово производное кончается тем слогом, которым они начинаются. *Сетны'д колö вöлі* *вм.* *сетны'д колö вöлі* „нужно было, что ты отдал“. Образуют в глаголах формы лиц, аффиксы принимают такой вид: м, д, с, ны'.

Мунам *вм.* *мунаным*, *мунад* *вм.* *мунанымд* (как часто и употребляют), *муніс* *вм.* *муні'ыс*, *мунісны*, *вм.* *мунісныс*. Перед послеположением ö' (öс) аффиксы *ыд* и *ыс* всегда принимают вид 'т и 'с. *Син'тö'* *вм.* *синыдöс* „твой глаз“; *юр'сö* *вм.* *юрысöс* „его голову“.

в) Три послеположения öс *ысь* „из“ и *лысь* „у“ часто принимают вид, первое ö', последние два 'сь.

Послеположение öс получает вид ö после личных местоимений *ме* „я“ и *тэ* „ты“, местоимения *асьым* „я сам“, аффиксов 2-го и 3-го лица: *менö*, (*меöс*) „меня“, *тэнö*, (*тэöс*) „тебя“, *асьт'ö*, „он самого себя“, *понтö'* „твою собаку“, но öс никогда не принимает вида ö' после аффиксов 1-го лица. *Пуртнымöс* „наш нож“. Послеположение *лысь* „у“, *репес*, между местоимениями *ме*, *тэ* и *ас* с одной стороны, и аффиксами, с другой, получает вид *сь*. *Мен'сьым* *вм.* *мельсьым*, „у меня“; *тэн'сьыд* *вм.* *тэлысьыд* „у тебя“; *ас'сьым* *вм.* *аслысьым* „у меня самого“.

Послеположение *ысь* „из“ принимает вид 'сь между именами существительными и местоимениями *ме*, *тэ*, с одной стороны, и аффиксами с другой. *Ки'сьым* *вм.* *кысьым* „из моей руки“, *кыяс'сьыным* „из наших рук“. *„Горт'сьыд* „из твоего дому“; *горт'сьыныд* „из ваших домов“.

Послеположение *лы* между местоимениями личными *ме* и *тэ*, с одной стороны, и аффиксами, с другой, совершенно бросается и только подразумевается, о чем дает знать вставочная *н*, которая была причиною исключения послеположения *лы* (а на р. *Вашке* говорят даже без аффикса *тэн* „тебе“ *мен* „мне“). Однако во всех других случаях послеположение *лы* сохраняет свое место.

4. О с о к р а щ е н и я х²³). Сокращаются четыре послеположения перед аффиксами все в *а*.

Они суть *өн* „посредством“, *ын* „в“ (на вопрос где?) *ö* „в“ (на вопрос куда?) и *лөн* „во владении“. Сокращенное *өн* всегда можно разделить от других сокращенных послеположений по приставному к нему благозвучному *н*. *Кина'д* *вм.* *киöныд* „рукой твоей“; *кыяснаныд* *вм.* *кыясöныд* „вашиими руками“. Сокращенное *лөн* различается

от других послеположений сокращенных также по приставкам к нему или буквы л (остатка от самого послеположения лѡн) или й али наконец, также буквы н.

Асла'м вм. **аслѡным** „мой собственный“ (моего собственного); **тіян** „ваш“ (от „вас“) вм. **тілѡныд**; **мена́м** „мой“ (от „от меня“) вм. **мелѡным**. Послеположения **ѡ** и **ын** сокращаются в **а** всегда без приставных и в таком случае они различаются только по ходу речи. **Киа'м** вм. **кы́бым** „в мою руку“ и **киам** вм. **кыным** „в моей руке“.

После всех этих сокращенных послеположений от аффикса единственного числа остается только одно основание, а аффикс множественного числа остается в целости.

III. Все зырянские слова неизменяемы; вид их однакоже может быть различен вследствие сокращений, вставок, выпущений и заменений одних букв другим. (См. предыдущ. правила).

IV. Зырянские слова по значению относятся к следующим разрядам или частям речи: 1) **аффиксам**, по употреблению много сходствующим с членами французского, немецкого и английского языков; 2) **именам существительным и прилагательным**; 3) **местоимениям существительным и прилагательным**; 4) **глаголам**; 5) **наречиям**; 6) **послеположениям (postpositiones)**, соответствующим русским предлогам и окончаниям падежей; 7) **союзам** и 8) **междометиям**.

Кроме того, как говорено было выше (правило этого), в зырянском языке есть частицы, называемые вспомогательными, которые помогают именам и местоимениям выражать числа, а глаголам все то, что соответствует формам и изменениям русских глаголов. О том, что эти частицы самостоятельные см. §. Надо прибавить, что в современном зырянском языке вспомогательные частицы так тесно связаны с глаголами, что они начинают обращаться в действительные окончания и формы их, сохраняя свою самостоятельность при всех остальных разрядах слов. Сообразуясь с этими, сказанные частицы с глаголами мы пишем вместе, а от имен и местоимений отделяем их пробелом.

V. Итак, в зырянских именах и местоимениях нет падежей и чисел, как окончаний их; глаголы также заимствуют свои формы от вспомогательных частиц. Кроме того, имена, местоимения и глаголы зырянские не знают родов. Зырянский язык не различает предметов одушевленных и неодушевленных; за то на нем имена предметов разумных и неразумных употребляются не безразлично.

VI. Зырянские слова каждого из восьми вышеозначенных разрядов не довольствуются вспомогательными частицами; для большей определенности своих значений разряды

слов взаимно помогают друг другу, имена помогают наречиям, послеположениям, союзам, а последние вместе с глаголами и междометиями именам.

VII. Вообще зырянский язык отличается чрезвычайно логичным устройством, как отдельных слов, так и предложений. Все главное ставится впереди; причина предшествует следствию, время и место действию, т. е. необходимые дополнительные и определительные слова дополняемым и определяемым. В этом отношении зырянский язык имеет общие свойства со всеми монголо-татарскими и финскими языками.

VIII. Об ударении. Каждое зырянское слово отдельно употребляемое имеет ударение. Если рядом стоят два или три первообразные слова, то некоторые из них лишаются ударения. **Оз кол мем** (мем вм. **меным** или **мелыным**) „не надо мне“. Если слово производное или первообразное с приставной гласной (как, например **ветлы** „сходи“), то ударение ставится на первом слоге.

Примечание 1. Знаки препинания употребляются в зырянском письме те же, что и в русском.

Примечание 2. Буквы прописные и строчные в зырянском письме употребляются в тех же случаях, в каких и в русском. Исключение одно (см. § 10).

3 §. Разделение зырянской грамматики. Зырянская грамматика разделяется на две части. Первая рассматривает значение и производство каждого слова отдельно; вторая говорит о том, как слова употребляются в совокупности. Первая называется этимологией, вторая синтаксисом.

ЭТИМОЛОГИЯ.

§ 4. Значение и производство слов рассмотрим, разделив последние на восемь вышесказанных разрядов.

Разряд первый.

АФФИКСЫ.

§ 5. Изложение аффиксов.²⁴⁾ Аффиксы трех лиц: **ым** первого лица, **ыд** второго лица и **ыс** третьего.

Они переводятся местоимениями личными и притяжательным **ым** „я“ и „мой“, **ыд** „ты“ и „твой“ **ыс** „он, она, оно“ и „его, ее“.

Когда к аффиксам прилагается в начале их буква Н, то они принимают такой вид и значение: **НЫМ** „мы, наш“, **НЫД** „вы, ваш“, **НЫС** „они, их“.

§ 6. **Основания аффиксов.** В аффиксах надо заметить основные буквы или основания их: **м, д и с, т.** е. окончательные их буквы. Предшествующие основным буквам **ы и и** называются, второстепенными и часто совсем выпускаются; почему аффиксы принимают такой вид: ‘**м** ‘**д** ‘**с** В аффиксах буквы **ы и и**, кажется, приставные. Можно думать еще, что аффиксы единственного числа произошли от личных местоимений с перестановкою букв и с переменною (во 2 лице аффикса) твердой буквы на мягкую: **ЫМ** и ‘**М** произошли от **ме** и **ми**.

Ыд и ‘**д** (иногда ‘**Т**)—от **тэ, ті,**

Ыс и ‘**с**— от **сийо сы.**

Впоследствии к ним для благозвучия приставлена буква **Н**, которая наконец осталась в значении множественного числа аффиксов.

§ 7. **Значение аффиксов по их употреблению.** Аффиксами зырянин указывает лицо, которому принадлежит предмет или действие, о коих идет речь его. Аффиксы он употребляет после существительных имен и местоимений и глаголов. Они употребляются при наречиях и послеположениях, но только тогда, когда последние в составе в своем имеют существительное имя. Приложенные к существительному имени аффиксы принимают значение притяжательных местоимений: при глаголе они заменяют личные местоимения; при личном местоимении они не имеют особого значения; при остальных местоимениях они употребляются вместо личных. Вообще аффиксы делают речь определенною.

ПРИМЕЧАНИЕ 1. Вместо аффикса **ым** зыряне часто употребляют междометие **ой**, когда говорят о предмете, принадлежащем лицу говорящему. Вообще междометие восклицательное **ой**, всегда напоминает первое лицо. **Вайо-й** значит дайте мне (здесь окончание повелит. накл. второго лица произошло от междометия **ой**, почему дальше самое междометие употребляется с отброшенным **й** (**о’й**). Первое лицо множественного числа кончается на **о**: **мунао** „пойдем“. Это **о** есть тоже междометие **ой**. **Пиой** вм. **пийм** „сын мой“. Иногда междометие **ой** заменяется другим междометием восклицания **аной** (в первобытном не было буквы **н**, а буква **а** и **о** выговаривались, как одна буква, слитно) **Пианой** „О сын!“ Впоследствии была вставлена между двумя гласными **й** и вышло **пийой**, которое значит на современном зырянском языке „О, мои дети!“. Наконец **пийой** было сокращено в **пийан**, что значит просто дети. Вот объяснение происхождения слова **пийан** „дети“, составляющего единственное исключение из существительных имен множественного числа. См. § 9.

Аффикс **ым** однако никогда не обращается в **ой**, когда к существительному, к которому он приложен, относится и какое нибудь последовое положение. **Кисьым** „из моей руки“.

ПРИМЕЧАНИЕ 2. Аффикс 2-го лица **ыд** с существительными именами и при неопределенном наклонении глагола часто употребляется в смысле неопределенном: **велдчыны'д** **быдснлы** **колд** „учиться то всем надо“.

Со-тай **пьян'тд'** **колд** **кдмдны-пасьтдны** „детей то ведь надо поить-кормить“.

ПРИМЕЧАНИЕ 3. Аффиксы, употребленные после глагола в неопределенном наклонении и при глаголе безличном, переводятся на русский личными местоимениями в дательном падеже. **Сьылы'д** **колд** „тебе надоно петь“. Но если тут нет безличного глагола, то аффиксы переводятся личными местоимениями. **Сьылы'с** **оз** **куж** „он петь не умеет“.

ПРИМЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ АФФИКСОВ

Вок „брат“ **вокдй** „мой брат“ (междом. **ой** **вм.** **ЫМ** **Вокыд** „твой брат“, **Вокыс** „его брат“. **Вокным** „наш брат“. **Вокныд** „наш брат“. **Вокныс** „их брат“. **Вокъясыс** или **вокысыяс** „его братья“. (Яс есть частица множественного числа имен существительных). **Воксьыд** „из твоего брата“, **вока'м**; в моего брата; **вокна'д** „твоим братом; **вока'с** „в его брата“²⁵.)

Разряд второй

ИМЕНА

§ 8. Имена бывают существительные и прилагательные.

А. Имена существительные²⁶)

§ 9. Множественное число существительных имен. Для выражения множества предметов зыряне к имени существительному прибавляют слеполагаемое **яс**. **Ки** „рука“, **кяс** „руки“, **морт** „человек“ (**му** „земля“, **орт** „дух“), **мортъяс** „люди“.

Единственное исключение из этого правила составляет слово **пи** „сын“, к которому для образования множественного числа прибавляется частица **ян** а не **ЯС**. **Пи**, **пьян** „дети“ См. § 7, прим. 1.

ПРИМЕЧАНИЕ 1. Следующие слеположения, прилагаемые к имени существительному, соответствуют русским падежам: **лди**—родительному, **лы**—дательному, **дн**—творительному—**аидй** или **ой** (междометие)—звательному.²⁷)

ПРИМЕЧАНИЕ 2. Название предмета разумного и часто вообще одушевленного, зависящее от действительного глагола, получает после себя послеположение **бс**.

При том же условии, т. е. после глагола действительного название предмета неодушевленного только тогда требует послеположения **бс**, когда сопровождается аффиксами. **Вбчисны керка „построили дом“.** **Вбчисны керканымбс „построили наш дом“.**

§ 10. Орфографическая заметка о существительных именах. Имена прилагательные, глаголы, наречия и послеположения иногда без прибавлений и сокращений употребляются в смысле существительных имен; точно так же и существительные имена без перемены употребляются в смысле послеположений, наречий и прилагательных имен. Чтобы наглядно показать, где именно слово употреблено в смысле существительного, мы пишем его с прописной буквы.

11 §. Образование производных существительных имен. На зырянском языке больше первообразных имен существительных, чем производных, между тем как для огромного производства последних служат многочисленные частицы.

Частица **бм** (—эм „есть“), приложенная к повелительному наклонению, дает отвлеченное понятие о действии или состоянии, выраженном глаголом. **Велббдбм „наставление—(от вел корен., ббд послеположение и ббм, приложенное к повел. наклонению велбд „наставляй“); тбдбм „знание“ от тбд „знай“.**

Частица **ка**, приложенная к первообразному слову, показывает, что предмет получил новое употребление или применение к чему-нибудь. (Ка может быть есть сокращение ижемского и удорского кар „делай“).

Ай „отец“, айка „свекор“; кер „бревно“, керка „деревянный дом“; энб „женщина, самка“, энбка „свекровь“.

Ан (—на-бн послеположение „посредством“), приложенное коренному или первообразному слову, выражает средство или орудие для действия, этим словом выраженного. **Нбббан** (от **нббб** „купи“ то, на что покупают, купило (простонарод.); **пызан** то, на чем едят — „стол“; —**куран** „грабли“ (от **курт** „гребни“ или корен. **кур**).

Частица **ыль** (напоминающая **ылб** „далеко“), приложенная к коренному слову выражает предмет, движущийся вперед или способный к движению. **Тупыль „клубок“** (от **туп**.), **чукыль „кривая линия“.**

Ын (послеположение), приложенное к коренному слову, дает понятие о предмете, вмещающем в себе другой. **Эшкын „одеяло“** (от кор. **эш**), **шушын „сарapan“.**

Ас (местоим. „свой“ ив. „сам“), приложенное к глаголу, выражает образ действия, качество поведения. **Олас**

„образ жизни“ (от ол „живи“), кималас „осторожность“, „медленность“ (от ки „рука“, малась „тихо гладить“; малась от мал корен., а „с“ съ „себя“).

Ӧс (послеположение), приложенное к первообразному существительному, выражает предмет, происшедший под влиянием того, что выражено этим первообразным. Пургӧс „ножны“ (от пург „нож“, водзӧс „кредит“ (от водз „перед“ или водз „—пéред“); арӧс „возраст“ (от ар „осень“); ѓдзӧс „дверь“ (два послеположения ѓдз „до“ и ӧс „в зависимости“).

Ӧд (послеположение), приложенное к коренному и иногда первообразному слову, выражает переход от одного предмета к другому. Гӧрӓд „узел“, „переход от одной нитки к другой“.

Прибавив к коренному или первообразному существительному шӧн, получаем другое, презрительное название. Нылшӧн „девчонка“ от ныл „дева“.

Слово туй „дорога“, приложенное к названию разумного существа выражает его способность. Аньтуй „проворность“ (от энъ „женщина“); морттуй „умение“ от морт „человек“).

Слово лун „день“ прибавив к прилагательному качественному, получаем отвлеченное понятие о качестве. Озыр „богатый“, озырлун „богатство“. Шудлун „счастье“ (от шуд „счастливый“).

Ин „место“, прибавленное к герундию, дает названия мест и положений. Велӓдчан ин „училище“ (от велӓдчан „для учения“; а велӓдчан от вел, коренного слова, ѓд послеполож., съ „себя“—и ан=на=ӓн „посредством“).

Соединяя два первообразных имени получаем третье. Так лунвой „время“ происходит от лун „день“ и вой „ночь“; енвелт „небо“ от ен „бог“ и велт „крыша“, вольпась и др.

Наконец многие прилагательные имена, глаголы, наречия, послеположения и даже междометия без всякой перемены могут быть употреблены в смысле имен существительных²⁸).

Б. Имена прилагательные.

§ 12. Разделение их. Прилагательные имена бывают качественные, относительные, притяжательные и числительные.

1. Качественные прилагательные выражают качество предмета: гӓрд „красный“, шань „хороший“.

2. Относительные, большею частью производные, выражают зависимость предмета от другого: эжваса „выгодский“, ѓнйя „нынешний“. Относительные прилагательные только те первообразны, которые выражают народность и язык. Роч „русский“, коми „зырянский“.²⁹)

3. Притяжательные прилагательные всегда производные показывают, принадлежит или не принадлежит один предмет другому. Поэтому они подразделяются на принадлеж-ные и лишительные. Вына „сильный“, вынтём „бессиль-ный“.

Примечание. Все качественные прилагательные суть первообразные, а притяжательные и относительные все происходят от первообразных слов и ни одно из них от коренной.

4. Числительные, показывающие счет предметов, разделяются на количественные и порядочные.

А. Количественные показывают, о скольких предметах говорится: **отик** „один“ (от **от** старинное „один“ и **йик**—уменьшительная частица), **кык** „два“, **куим** „три“ (правильнее **койм** как видно из порядочного **коймод**). Как особые подразделения количественных имен суть:

а) Совокупительные, показывающие, о скольких предметах вместе говорится **кыкнан** „оба“, **нельнан** „все четверо“.

б) Разделительные, показывающие, о скольких предметах—отдельно говорится: **откөн** или **отнам**, **отнад**, **отнас** (от **от** старинные „один“, **к** и **н** вставные; впрочем **к** может быть есть остаток от уменьшительной частицы **ик** в **отик**; **өн** „посредством“, **на-өн**; **м**, **д**, **с**—основания аффиксов), „одинокоя“, „одинокоты“, „одинокон“, „она“; **кыкөн** „вдвоем“ (кык „два“ и **өн**), **нельён** „вчетвером“.

в) Пропорциональные: **кыкмында** „двое больше“ (duplus) **куиммында** „втрое“ (triplus).

г) Кратные: **отсыд** (**от**, **сь**=**ысь**, **ыд**—суффикс 2 л. в неопределенном смысле) „один раз“ (semel), **кыкысь** „два раза“ (bis).

д) Временные: **модысь** „во второй раз“, **коймодысь** „в третий раз“.

е) Множительные: **откодь** или **отсяма** „одинакий“ (simplex), **кыксяма** „двойкий“ (duplex).

Б. Порядковые числительные показывают, о котором из нескольких предметов говорится: **коймод** „третий“, **дасод** „десятый“, **медводдза** „первый“, **мод** второй, **медборья** „последний“.

ПРИМЕЧАНИЕ 1. Из числительных только первые десять количественных, **се** „сто“ и **сюрс** „тысяча“ и порядочные **мод** „второй“ суть первообразны.

ПРИМЕЧАНИЕ 2. К прилагательным именам относятся отглагольные причастия и герундии,

ПРИМЕЧАНИЕ 3. Чтобы выразить степени качества, к прилагательным качественным прибавляют для сравнительной степени послеполагаемое наречие **жык** или **джык** „более“, а для превосходной—послеполагаемое наречие **мед** „всех более“ (90).

§ 13. Множественное число имен прилагательных.

I. Если прилагательное имя употребляется вместо существительного, то во множественном числе принимает и частину последнего яс.

II. Если прилагательные составляют определительные слова существительных имен без помощи глагола, то во множественном числе не принимают никаких прибавлений и поставляются непременно перед существительными именами.

Кыз пу

„Толстое дерево“

Кыз пуяс

„толстые деревья“.

III. Если прилагательные при помощи глагола становятся определительными словами имен существительных, то после себя принимают особую частицу **оьс** ²¹⁾.

Горд „красный“—гордоьс „красные“

Вына „сильный“—вынаоьс „сильные“

Витон „пятеро“—витоноьс „пятеро“.

Исключаются отсюда относительные производные и числительные порядочные медборья и медводдза, которые, принимают во множественном числе частицу яс, числительные, количественные, совокупительные, кратные, временные которые во множественном числе ничего не принимают, и разделительные с аффиксами, у коих только аффиксы принимают перед собой свою множительную букву и.

Так **отнам** „одинокое я“ (т. е. **от** „один“, **он** „посредством“ и **ым** аффикс) во множественном числе будет **отна-ным**, („мы одиноко“ т. е. **ог**, **он**, **ным**. **Отнад**, т. е. **от**, **он**, **ыд** во множественном числе **отнаныд** „вы одиноко“). **Отнас** „он, она одиноко“—**отнаныс** „они одиноко“.

Примечание. После числительных существительные имена не принимают к себе прибавления множественного числа яс, потому первые, кроме **отик** „один“, без этой частицы выражают множество предметов. **Кызь джек** двадцать сгульев“; **се керка** „сто домов“ **нель люд** четыре масти“ (буквально: четыре масть)

§ 14. Образование прилагательных производных. ²²⁾

Качественные прилагательные, как мы сказали, все первообразные; следовательно они должны были бы быть односложными. Но между ними есть кончающиеся на **ыд**, **ыр**, и **ысь** двусложные: **еджыд**, **озыр**, **курыд**, **пёрысь** (белый, богатый, горький, старый). Буква **ы** в этих подобных качественных есть вставная. См. § 2 о вставочных буквах.

Относительные прилагательные производятся через прибавление к первообразным словам, существительным именам, глаголам (в повел. накл. 2 л.) и наречиям частиц, **са** и **ся** (которые тождественны с послеположениями **ысь**, **сыь** и **сь** „из“), также **я** (а послеположение значит „с“ и вставная **й**). **Тодса** „знакомый“ (от **тод** „знай“ и **са-ысь** „из“)

буквально „из знай“, т. е. из того, что знают. Эжваса „вычегодский“ (от Эжва „река“, текущая по зелени и са=ысь „из“). Гожся „летний“ (гож „загар“ и ся=ысь) Тёнъя „ономяшный“ (тён „ономясь“, й вставная и а с) буквально „с ономясь“ „из ономясь“.

Притяжательные прилагательные происходят через прибавление к первообразным и производным существительным именам частиц: „а“ с (послеположение), ѓсь (тождественные с послеположением ѓс „под влиянием“, „в зависимости“).

Сѓд (=ѓд с приставкою с „сквозь“, „через“), тѓм „без“ (послеположение). Первые три частицы, приложенные к словам, образуют притяжательные принадлежные, а последняя притяжательные лишительные. Вына „сильный“ (вын „сила“ и а „с“, „с силой“); із-йѓсь „каменистый“ (із „камень“ и ѓсь-ѓс³³), „под влиянием камня“. Васѓд „влажный“ (ва „вода“ и сѓд=ѓд „через“, „через воду прошедший“, „насквозь водой проникнутый“). Шонді югѓра „солнцблестящая река“ или река, в которой блестят лучи солнца. Слово шонді югѓра состоит прежде всего из шонді „солнце“, югѓр луч и а „с“. Со своей стороны шонді происходит от коренного шон, дающего понятие о теплоте (от него шонал „грейся“ шон, а „с“, л—частица обращающая в глагол всякое слово) и ді „остров“. Шонді буквально „остров теплоты“. Югѓр „луч“ происходит от коренного юг, дающее понятие о свете...³⁴)

Разряд третий

МЕСТОИМЕНΙΑ

§ 15. Разделение местоимений. Местоимения разделяются, как и имена, на существительные и прилагательные.

А. Местоимения существительные.

§ 16. Местоимения существительные заменяют собой имена существительные. Они разделяются на личные, возвратные, определенные и неопределенные.

1. Личные местоимения: ме „я“, тэ „ты“, сійѓ „он“, „она“, „оно“, сы, сі—тоже.

2. Возвратное местоимение съ „себя“ или „ся“ употребляется только с глаголами. Висьтась (висьт коренное слово, а „с“ и съ „ся“). Когда глагол (в повел. накл. 2 л.) кончается на приставное ы, то местоимение съ вставляется между коренным словом и этою ы. Мыссы „мойся“ (мыс—корен. слово, съ „себя“, ы—вставка).

3. Определенные местоимения: асьым (ас „свой“, й—вставка, ым,—аффикс 1-го лица) „я сам“ асьыд „ты сам“.

асьыс „он сам, она сама“; сталыд „весь ты“ (стал „весь“, ыд—аффикс 2 л.), сталыс „весь он“, „вся она“ быдсбн „все“ (быд „весь“, с—вставная и он „посредством“).

4. Неопределенные местоимения: а) простые: код, кодї, кин, кинї „кто“, мый „что“; а) сложные: некод „никто“, некин тоже, нинѳм(ни ѳм—не эм) нем (не эм) „не есть“).

ПРИМЕЧАНИЕ 1. Слово быдсбн „все“ собственно наречие, значит „посредством всех“ и употребляется всегда без прибавлений.

ПРИМЕЧАНИЕ 2. Местоимения код „кто“ и мый „что“, ссылаясь на указанный в речи предмет или относя к нему то, о чем говорится, получают название относительных. Будучи относительным местоимением, код иногда употребляется вместо мый и переводится словами „что“, „чего“ и пр. Кодѳс оз кол, эн вѳч „чего не надобно, не говори“.

Примеры сокращений послеположений при существительных местоимений.

Менам „мой“ и тэнад „твой“—местоимения ме и тэ со вставными н и сокращениями лѳн в а. Менам и тэнад буквально „моего“, „твоего“.

Асла‘м, асла‘д, асла‘с „мой“, твой, его собственный, состоят из ас „свой“, ла=лѳн „в принадлежности“ и аффиксов.

Тэ‘ныд „тебе“ и мѳным „мне“—местоимения тэ и ме со вставною н и выпущенным послеположением лы.

Ме‘м „мне“ и тэ‘д „тебе“ местоимения ме и тэ без вставочной н и без послеположения лы, но с аффиксами.

Мен „мне“ и тэн „тебе“ со вставочной н и без послеположения лы и аффиксов.

Мен‘сым „у меня“ и тэн‘сыд „у тебя“—со вставочною н, сокращенным послеположением ‘сь=лысь и аффиксами.

Ме‘а‘м „вменя“ и теа‘д „в тебя“, аса‘м „вменя самого“, ас‘ад „в тебя самого“, аса‘с „в него самого“ суть местоимения ме, тэ и ас с сокращенным послеположением ѳ и аффиксами.

Менѳ‘ „меня“ и тэнѳ‘ „тебя“—местоимения со вставной н и сокращенным послеположением ѳс.

Ась‘сѳ‘ „его самого“ и ась‘тѳ‘ „тебя самого“—местоимевие ас с аффиксами и сокращенным послепол. ѳс.

Миян „нас“, „наш“ и тїян „вас“, „ваш“ (правильнее мия‘м и тїя‘д)—местоимения ми „мы“ и тї „вы“ со вставными й и н и сокращенным послеположением лѳн в а. Немтор (не, эм, тор „часть вещи“) „ничто“; кодъя „кто-то“, кодкѳ „кто-нибудь“, мыйя „что-то“, мыйкѳ „что-нибудь“.

§ 17. Множественное число местоимений существительных.

І. Личные во множественном числе ми „мы“, тї „вы“, ная‘ „они“ (вм. ная‘с) или ния‘ (вм. нияс).

II. Местоимения неопределенные во множественном числе принимают частицу имен существительных яс. Код—кодъяс „кто“, мый—мыйяс „что“. Составные слова мыйя, кодъя, мыйкõ, кодкõ частицу множественного числа принимают в середине между составными частями.

III. Местоимения определительные, состоящие с одной стороны из ас „свой“, стал (по вычегодскому произношению став) „весь“, и с другой из аффиксов, во множественном числе только к аффиксам принимают букву н. Асьным „мы сами“ (ас, ным буквально „мы свой“); асьныд (ас, ныд) „вы свои“ или „вы сами“; асьныс (ас, ныс) „они свои“ или „они сами“.

Б. Местоимения прилагательные.

§ 18. Местоимения прилагательные заменяют собою имена прилагательные. Они бывают: притяжательные, определенные, неопределенные, указательные и числительные.

1. Притяжательные местоимения: меам или менам „мой“, тэад или тэнад „твой“, аслам, аслад, аслас „мой, твой, его собственный“.

2. Определенные прилагательные местоимения: ас „свой точно“, стал и быд „весь“.

3. Неопределенные прилагательные местоимения: кытшõм „какой“, татшõм „такой“, сэтшõм „этакой“, некытшõм „никакой“ кытшõмъя „какой-то, кытшõмкõ „какой-нибудь“.

4. Указательные: тайõ, сийõ, эсийõ, сы, та „тот“, „этот“.

5. Числительные: а) количественные: сымда „столько“, тамда „—столько-то“, эсымла, этамда—тоже; б) порядочные: кымынõд „коликкий“, сымынõд „толиккий“.

§ 19. Множественное число местоимений прилагательных.

1. Притяжательные меам, тэад, мяян, тиян и все определенные прилагательные местоимения ни в каком случае не принимают частиц множественного числа.

2. Притяжательные аслам, аслад, аслас всегда, когда говорится о многих предметах и когда они служат определительными словами названий последних, бывают: асланым, асланыд асланыс, т. е. одни аффиксы их употребляются во множественном числе.

3. Когда указательные и неопределенные прилагательные местоимения употребляются вместо существительного, тогда они во множественном числе принимают частицу имен существительных яс. Тайбяс „те“.

4. Ни одно прилагательное местоимение, —кроме аслам, аслад, аслас „мой, твой, его собственный“ (см. правило 2

этого §),—служа определительным словом существительным без помощи глагола, не принимают во множественном числе прибавлений.

5. Числительные и неопределенные местоимения, служа существительным в качестве определительных слов при помощи глагола, принимают во множественном числе частицу имен прилагательных **õсь**. **Сэтшõмõсь** „такие“, **кытшõмõсья** „какие-то“, **кытшõмõськõ** „какие-нибудь“, **тамдаõсь** „столько их, вас, нас“, **кымынõдõсь** „коликые“.

§ 20. Образование производных местоимений. а) Существительных.

Определенные **ачым**, **ачыд**, **ачыс** „я, ты, он, она, сами“ и **сталыд**, **сталыс**, „ты, он весь“ (по первому лицу **сталым** „я весь“ не употребляется) произошли от соединения определенных прилагательных с аффиксами.

Неопределенные произошли из простого соединения местоимений **код** „кто“ и **мый** „что“ с частицами **не** **нõм** (н-не, **õм-эм** „есть“), **я** и **кõ** (соответствующими русскими „то“ и „нибудь“).

Личные 3-го лица обоих чисел **сийõ** и **ная**, сокращенные **сы** „он“ и **на** „они“ со множественной частицей **яс**. Первое из них теперь употребляется неправильно.

Притяжательные прилагательные местоимения суть ничто иное, как личные **тэ** и **ме** и определенные существительные **ачым**, **ачыд**, **ачыс** с сокращенным послеположением **лõн** в **а**. При первых двух кроме того употреблен аффикс. **Менам** „мой“, **тэнад** „твой“. **Аслам** „мой собственный“, есть **ачымлõн** или **аслõным**, т. е. „моего собственного“.

Неопределенные прилагательные местоимения произошли от приложения к наречиям **кызд** „как“ **сидз** „так“ послеположения **õм—эм** „есть“.

Кытшõм „какой“ (буквально „как есть“); **сэтшõм** „такой“ (буквально „так есть“). В обоих словах твердое ш обратилось от мягкого **дз**.

Указательные **сийõ** и **тайõ** произошли неправильно от множественного числа слов **сы** „он“ и **та** „тог“ с частицей **яс** или **йõс**.

Числительные количественные местоимения произошли от соединения слов **сы** и **та** „тог“ со словом **мын** или **мынд** „мера“, „пропорция“. **Тамда** „столько“—**та мында** (буквально „такая мера“).

Числительные порядочные местоимения произошли от прибавления послеположения **õд** „сквозь“, „через“ и вообще означающего переход к наречиям **кымын** „сколько“ и **сымын** „столько“, которые со своей стороны состоят из сокращенных **кызд** и **сидз** „как“ и „так“, и **мын** „мера“, „пропорция“.

§ 21. Общие замечания о всех существительных.
1. Если в грамматике необходим термин „вопросительное местоимение“, то все местоимения могут быть вопросительными местоимениями. Код „кто?“. Мый „что?“, Ме? — „Я?“, Тэ? — „Ты?“ Кытшөм? — „Какой?“ и пр.

2. Когда употреблено местоимение при глаголе в зависимости от последнего, то после себя принимает послеположения **öс**, которое переводится в таком случае предлогом „о, об“ Код**öс** висьталан? „О ком говоришь?“ Но если местоимение употреблено при безличном глаголе, то оно с послеположением **öс** переводится родительным падежем. Код**öс** колö? „Кого надобно?“⁹⁵

Раздел четвертый

ГЛАГОЛ

§ 22. Разделение глаголов. Зырянские глаголы разделяются на действительные, страдательные, возвратные, взаимные, средние и общие.

1. Действительный глагол показывает действие предмета на другой: **öл** „запрети“, **косьты** „высуши“.

2. Страдательный показывает состояние предмета под влиянием другого: **ыстöма вöлі** „был послан“.

3. Возвратный показывает действие предмета, обращенное на самого действующего: **мысья** „моюсь“, **ыстысья** „отношусь“.

4. Взаимный глагол показывает взаимное действие двух предметов друг на друга: **юксьö** „разделитесь“, **тöдмасьö** „познакомьтесь“.

5. Средний показывает или действие предмета, переходящее на другой: **пукал** „сиди“, **сулал** „стой“ или состояние предмета, независимое от действия другого: **раммы** „смирись“, **гажмы** „развеселись“, **дзордзал** „цвети“.

6. Общий показывает действие или состояние предмета, становящееся причиной действия или состояния другого. Общим он называется потому, что происходит от всех исчисленных глаголов через послеположение **öд** (означающее вообще переход). В сущности общий глагол есть действительный. **Öлöd** (от действительного **öл** „запрети“) „побуди запретить“; **раммöd** (от **раммы** „смирись“) „заставь смириться“; **тöдмасьöd** (от взаимного **тöдмась** „познакомься“) „представь случай познакомиться“; **гажмöd** (от среднего **гажмы** „развеселись“) „сделай что-нибудь, чтоб развеселить“.

Если несколько общих глаголов, которые прямо происходят от коренных слов: **пукöd** „заставь сидеть“ (от ко-

рен. пук.), велёд „учи“ (от корен. вел), букв. „сделай, чтоб учились“.

§ 23. Виды глаголов. Они суть:

1. **Начинательный**, показывающий начало действия: мёд „отправляйся“.

2. **Длительный**, показывающий продолжительность действия: сулёд „заставь продолжать стоять“:

3. **Окончательный**, показывающий конец действия: во „дойди“, султ „встань“.

4. **Ускорительный**, показывающий кратность действия: гижышт „напиши“ (простонарод. „писни“) и мгновенность его: гижёпты „черкни“, чашкёпты „разорви вдруг“.

5. **Однократный**, показывающий действие в один прием: гиж „пиши“, вёч „сделай“.

6. **Многократный**, показывающий повторение действия: а) в один прием: гижал „переписывай“, ваял „перенеси“ и б) в несколько приемов: гижлыллы „пиши часто“, вёчлыллы „делай часто“.

7. **Возвратительный**, показывающий, что: а) предмет действующий должен возвратиться в состояние, в котором было до действия: локыл „приходи с тем, чтобы возвратиться“, вёчлы „сделай для пробы“; б) предмет, на который действуют, должен притти в состояние, в котором он был до действия на него: вайлы „принеси с тем, чтобы отнести назад“, сетлы „отдай с тем, чтобы получить обратно“.

8. **Неопределенный**, показывающий действие, отвлеченно рассматриваемое, также способность и привычку к совершению действия: ветлыны „ходить“, лэбавны „летать“, гаралны „поминать“.

§ 24. Наклонения. Наклонений, показывающих образ выражения действия, три: 1. **Неопределенное**, не показывающее лиц, времен и чисел. Оно узнается по послеполагаемой частице **ны**. Когда неопределенное (наклонение) употребляется в смысле существительного имени, тогда оно имеет после себя аффикс. Велалін-ё лыддыны'д? „научился ли ты читать?“ (или „чтению“). Лыддыны'с Петыр велаліс „Петр научился читать“ (или „чтению“).

2. **Изъявительное**, показывающее лицо, число и время: гижя „я пишу“, гижин „ты писал“; гижасны „они пишут“.

3. **Повелительное**, имеющее одно второе лицо и оба числа, но не показывающее времени действия. Гиж „пиши“, гижё „пишите“. Все наклонения, времена, лица и числа образуются через прибавление известных частиц к повелительному наклонению. Первообразные глаголы, имеющие в конце две согласных буквы в повелительном наклонении 2 л. ед. ч. принимает вставочную **ы**. Эта буква обратно выпускается, когда для образования наклонений,

времен, лиц и чисел прилагаются к повелительному наклонению частицы (см. § 2 о вставочных буквах).

§ 25. **Времена.** Времен действия три: 1. Настоящее, имеющее три лица и два числа. Гижа „я пишу“, гижан „ты пишешь“, гижӧ „он пашет“, гижам или гижамӧ „мы пишем“ гижанныд „вы пишете“, гижӧны' или гижӧныс „они пишут“.

2. Прошедшее, также имеющее все лица и оба числа: гижн „я писал“, гижин „ты писал“ и пр.

3. Будущее, употребляемое также по всем числам и лицам. Оно бывает простое: гижас „напишет“, и сложное: пондас гижны „будет писать“.

§ 26. **Числа.** Чисел два: единственное: гижан „пишешь“, гижанныд „пишете“.

§ 27. **Лица.** Лиц три: 1-е гижа „пишу“, 2-е гижан „пишешь“, 3-е гижӧ „пашет“.

§ 28. **Причастия.** Причастия суть отглагольные имена прилагательные. Если причастие кончается на ысь, то оно на русский язык переводится причастиями, кончающимися на ший и ший, т. е. настоящим и прошедшим действительного залога. Когда же причастие зырянское кончается на ѓм, то оно переводится причастиями настоящим и прошедшим страдательного залога.

Причастия производятся от всех вышеозначенных глаголов.

§ 29. **Герундии.** Герундии зырянские также суть отглагольные имена прилагательные, производимые от всех вышеозначенных глаголов; они отличаются от причастий своей частицей ан и тем, что на русский язык не иначе переводятся как предлогом „для“ и существительным именем. Лыддян кад „время для чтения“, tempus legendi олан ин „место для житья“, locus vivendi. Герундий никогда не употребляется без существительных имен.

§ 30. **Деепричастия.** Деепричастия суть отглагольные наречия, переводимые на русский деепричастиями же.

§ 31. **Спряжения.** Спряжений зырянских два: утвердительное и отрицательное. Различие их основано на самом порядке вещей, бытии и небытии.

§ 32. **Замечание о вспомогательных частицах глагола.** Все выше означенные формы глагола производятся вспомогательными частицами. Частицы эти обыкновенно прилагаются к повелительному наклонению 2 лица единственного числа в утвердительном спряжении следующим образом.

Повелительное наклонение

Ед. ч.

Множ. ч.

2 л.—

Ӧ.

Неопределенное наклонение

ны

Изъявительное наклонение

Настоящее время

Един. ч.

1 л.—а
2 л.—ан
3 л.—ō

Множ. ч.

—ам или—амō
—анныд или—ад
—ōны или—ōныс.

Прошедшее время.

1 л.—і
2 л.—ін
3 л.—іс

—ім или—імō
—інныд или—ід
існы' или—існыс

Прошедшее время 2.

1 л.—ōм
2 л.—ōмыд
3 л.—ōм

—ōмаōсь
—ōмныд
—ōмн (ы).

Будущее время

1 л.—а
2 л.—ан
3 л.—ас

—ам или—амō
—анныд или—ад
—асны' или—асныс

Причастие

—ысь
—ōм или—ōма.

Герундий

—ан.

Деепричастие

Настоящее

—иг (іг) или—игōн (ігōн)

Прошедшее

—мысьт или—мысьтōн.

В отрицательном спряжении вспомогательные частицы расположены так: Повелительное наклонение ³⁶⁾

Ед. ч.	Множ. ч.
2 л. (не имеет частицы)	ö=

Изъявительное наклонение.

Ед. ч.	Множ. ч.
1 л. } 2 л. } не имеет 3 л. }	—ö —б —ны или ныс

Так частицы расположены во всех временах

Неопределенное наклонение.

—ны

Причастие

— тём

Деепричастие

— тög.

Герундия нет в отрицательном спряжении.

Значение и происхождение этих частиц можно объяснить так:

Частица 1 л. наст. врем. изъяв. наклон. утверд. спряжения а есть ничто иное как послеположение öн в сокращенном виде А, выражающее употребление чего-нибудь. Возьмем в пример слово бур „добрый“. В значении существительного оно значит „добро“. Бурöн „с добром“ или „добром“. Сократив послеположение получим бура или бура, которое имеет то же значение, что и бурöн. Итак, послеположение öн=а „с“ или „посредством“ выражает здесь употребление добра.

Теперь возьмем в пример коренной глагол пол „бойся“. С послеположением А=öн получим пола-полöн, что значит „будет с боязнью“, буквально „с бойся“. К слову пола прибавив местоимение личные ме „я“, получим в переводе „я с боязнью“. В первобытном зырянском языке вместо личного ме был аффикс, как можно заключить из

употребления аффиксов 2 л. и 3 л. ин. числа анныд и ѓныс.

Второе лицо того же времени ан. Это ан есть одно из видов того же послеположения ѓн. „с“ Его мы встречали в производных существительных (§ 11). В первобытном зырянском языке к этому ан прилагался аффикс 2 лица д.

Первое и второе лица множ. числа того же времени произошли через прибавление аффиксов множ. числа к окончаниям 1-го и 2-го лица един. числа. Во втором лице аффикс сохранился целый анныд, а в первом в сокращении м.

Справедливость нашего заключения, что а и ан в 1-м и 2-м лицах ед. чис. наст. (вр.) суть не что иное, как послеположение ѓн в разных видах, подтверждается тем, что этой частицы нет в отрицательном спряжении.

Частицы лиц будущего времени а, ан, ан, анныд нам уже понятно. Окончание 3-го лица ас есть не что иное, как а=ѓн, с=ыс, ас=ѓныс (послеположение с аффиксом 3-го лица).

Когда во 2-ом лице настоящего времени буква н утвердилась и стала формой этого лица, тогда она перешла во вторые лица и других времен. Вот почему мы ее встречаем и во 2-м лице ед. ч. прошедшего времени.

Третье лицо настоящего времени кончается на ѓ. Это ѓ есть не что иное, как междометие ѓй, означающее восклицание.

Зыряне говорят: вѓчѓй. Это восклицание буквально значит: о делай! Частое употребление этого послеполагаемого междометия было причиною слова вѓчѓй, т. е. буква ѓ, принадлежавшая междометию, перешла потом к глаголу. В нынешнем зырянском языке слово вѓчѓ значит „делайте“ и „делает“. В первом значении слово вѓчѓ есть повелительное накл. множественного числа, а во втором 3-е лицо настоящего времени. Так междометие восклицания ѓй утвердилось в обоих этих формах глагола. К третьему лицу наст. вр. един. числа впоследствии прибавили аффикс третьего лица множ. числа ныс и произошло вѓчѓныс или, как зыряне большею частью говорят ныне, вѓчѓны.

Любимое зырянами междометие ѓй употребляется весьма часто и приобрело место в составе многих слов. В § 7 в примечании в первом мы говорили, что это междометие ныне употребляется весьма часто вместо аффикса 1-го лица. Пи-йѓй вм. пиым. Оно же употребляется в конце 1-го лица множественного числа, по другому употреблению, вѓчамѓй, вѓчамѓ вм. вѓчам. Наконец оно же перешло в первые и вторые лица множественного числа отрица-

тельного спряжения. Третье лица множ. числа этого спряжения вместо междометия *õй* или *õ* сохранили гих времен. Потому что другие времена, настоящее и будущее имели уже букву или слово *а* или *а=õн*, слово осмысленное. Теперь и буква *й*, назначенная в форме прошедшего времени, была также осмыслена³⁷)

Мы уже говорили о том, как во втором лице ед. ч. прошедшего времени явилась буква *н*. К ней был прибавлен аффикс 2 л. множ. числа—и получено 2 лицо множественного числа прошедшего времени.

3-е лицо прошедшего времени кроме *и*, имеет еще букву *с*, которая есть аффикс третьего лица, *'с=ыс*³⁸.

Причастие кончается на *ысь* и *õм*. Первое есть послеположение *ысь* „из“. *Ваысь* „из воды“. Если *ысь* прибавим к глаголу (в повел. наклон. 2 л. ед. ч.), например: *сет* „дай“, то получим *сетысь* буквально „из дай“, „отдай“, из тех кто дает. *Сетысь* „дающий“. Второе окончание причастия *õм* есть тоже, что *эм* „есть“. *Сет эм* буквально „есть дай“ или то, что дано есть. *Сетõм* „данное, отданное“.

Герундий кончается на *ан*, все ту же частицу *õн*, значащую употребление чего-нибудь. *Олан=олõн ол* „живи“. *Олан* буквально „посредством живи“, „для жизни“. *Олан ии* место для житья.

Деепричастие кончается на частицу *иг* „при“. *Ветлиг* „при ходьбе“, „ходя“. На *иг* кончается деепричастие настоящего времени; в прошедшем времени оно кончается на *мысьт*, послеположение „после“. *Сымысьт* „после него“ *вõчмысьт* „после делай“ или „после дела“.

К тому и другому окончанию деепричастия иногда зыряне прибавляют *õн*. *Пыригõн* „входя“, *петмысьтõн* „вышедши“, буквально употребляя: „входя“ и „вышедши“.

Неопределенное наклонение кончается на *ны*. Это есть сокращение аффикса *ныд*, о котором мы говорили, что он употребляется в смысле неопределенном (§ 7, примеч. 2).

Причастие отрицательного спряжения имеет одно окончание *тõм*, послеположение, состоящее из отрицательной частицы *т* и *õм=эм*. *Тõм* значит „не есть“, „без“. *Синтõм* „безглазый“. *Пол* „бойся“; *полтõм* буквально „без бойся“, „бесстрашный“.

Деепричастие отрицательного спряжения кончается на *тõг* (=т—отрицательная частица и *иг* „при“), буквально „не при“. *Кужтõг* (куж „умей“) „не при умей“, „при неумении“.

§ 33. Утвердительный и отрицательный вспомогательные глаголы. Зырянские глаголы спрягаются при помощи вспомогательных глаголов: *понды*³⁹) „стань, будь, начини“ и *абы* (по вычегодскому наречию *абу*) „нет“, „несущий“.

1. Понды в значении начать спрягается как все обыкновенные глаголы (см.) но как вспомогательный глагол он спрягается неправильно:

Именно:

Повелительное наклонение

Ед. ч.

Множ. ч.

2. Понды „будь“

пондö „будете“.

Изъявительное наклонение

Настоящего времени не имеет.

Прошедшее

Ед. ч.

Множ. ч.

1 л. Вöлі был я	Вöлім мы	} были
2 л. Вöлін был ты	Вöлінныд вы	
3 л. Вöліс был он была она.	Вöлісны' они	

Будущее

1 л. Понда буду	Пондам будем
2 л. Пондан будешь	Понданнуд будете
3 л. Пондас будет	Пондасны будут.

Причастие

Эм „имеющийся“. Как прилагательные имена, служа определительным словом и сказуемым, он принимает во множественном числе öсь. Эмöсь „имеющиеся“. На русский язык эм надо переводить словом „есть“, а эмöсь „суть“, или „сущий“ и „сущие“. Ми эмöсь „мы есмы“ или „мы сущие“, имеющиеся (Эм происходит от э и м' „я“).

II. Отрицательный глагол зырянский—довольно странное явление. По звуку (и начертанию) своему он похож во многих случаях на эм (эн, эз и пр.): но по значению же положительно противоположен ему. Он спрягается так:

Повелительное наклонение ЭН

Изъявительное наклонение

Настоящее и будущее простое времена

Ед. ч.

Множ. ч.

1. Ог я не...

Ог или огõ мы не...

2. Он ты не...

Он или онõ вы не...

3. Оз он, оно не...

Оз они не...

Прошедшее

1. Эг (по удорски иг)

Эг (иг)

2. Эи (ин)

Эи (ин)

3. Эз (из)

Эз (из)

В переводе на русский язык должны быть личные местоимения в именительном падеже с наречием отрицания „не“ и с глаголами в прошедшем времени.⁴⁰⁾

*Материалы
для пермского
толкового словаря*

*Рецензия
на „Зырянскую грамматику“
Флерова*

О зырянских книгах

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПЕРМСКОГО ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ⁴¹⁾

А.

А. частица вопросительная, употребляемая вместо **МЫ** что. А? Что?

А. частица, придающая предмету другой предмет или то свойство, которые выражены словом, к коему она прибавлена.

А-а союз и. Ныл-а-зонм-а девица и молодец, ая-пи-а отец и сын, тэ-а-ме-а, ты и я, кб̄ин-а—ошк-а волк и медведь (на алтайском даа мен, дее сен, дее я и ты).

Абъя-чой название... (неясно).

Абу (правильнее чем абы) нет, 1-е—по вычегодски, 2—по визингски). Это слово перешло с дальнего востока. (У китайцев мантзов и у самых китайцев есть слово бу „не“, они говорят шань и шаньгау „хорошо“ бу шань и бу шаньгау „не хорошо“).

Авгыны кричать во все горло.

Авзыны тоже.

Агас борона.

Азым жадный (ср. тат. аш „пища“ венг. eszek „ем“ асра (алт.) корми).

Азь солод.

Ай—отец (у пермян по нижней вычегде), (у других) самец.

Ыджыд ай дед (у французов *grand père* и *aieul*).

Акпаш шалун (паштак алтайское или телеутско-калмыцкое—шалун).

Пашта начальствуй, начинай, распоряжайся. (Пашбаш голова).

Амны есть (на языке детей). **Амса** (алт.) отведай.

Ань хозяйка, женщина; у других пермян **инь**, у третьих **энь**. Вообще: женский пол. (**Ин** у китайцев женский элемент мира, мужской **йанг**), **кук-ань** телица.

Аняби пламя; **аня** может быть санскр. **агни**, **ани** (огонь) и **би** пермское тоже огонь. Это на языке взрослых; у детей **биби**—огонь-огонь. Язык детского возраста отличается словосоставлением таким, какое представляет..., т. е. повторением одних и тех же звуков,... составляет первый... от звукоподражания и звуковой мимики, из которых на пермском можно составить целый словарь (напр. **киль-киль**, **шурк-шарк**, **гонь-гонь**).

Аньны обжечь (у китайцев и японцев есть язык ученых и простых, и язык различных возрастов). У пермян кроме языка взрослых есть остатки языка самого младшего возраста. Сюда относится и слово **аньны**, т. е. оно употребляется только в разговоре с детьми.

Аньтуй (**ань** женщина и **туй** дорога) способности женщины. Способности мужчины **морттуй**.

Ар собственно осень. У многих народов осенью начинается год. Отсюда: **пиыслы куим ар** (у других **арбс**) его сыну три осени (три года) **ар**—нем. *Jahr*.

Арлыд летосчисление, счет годов людей. Нельзя сказать **сылы уна** во ему много годов, если речь идет о летах человека. Говорят: **сылон ыджыд арлыд** счет его годов велик (много). [Такой оборот в этом случае употребляется и у китайцев: **ни (ты) цзинь-нянь...** (ящий год) **до'да** (сколь велик) **суй-шу** (счет лет) **ляо...**]

Тэд таво ыджыд-õ арлыд лоис? Фраза **счет годов** применяется только к людям. **Арбс** весьма редко к людям; преимущественно же к животным. Когда речь идет о предметах не животных разрядов, тогда употребляется **во год**.

Арталны рассчитывать, думать [—**артыкта** (алт.) превзойди, употреби с избытком; **арт** (там же) оставь в избытке]. **Ар** осень **ар** мелкая рыбаца, урожай. **Расчислять (артал)** на осень. Или **притти** в осень, явиться в совершенном виде (**артмыны**).

Артмыны совершиться, родиться.

Астрапел неряха (о женщинах), противопоставляется **бурань** (**бур** и **ань**). Может быть это получилось из „**стряпала**“, при чем несвойственное в пермском **ря** обратилось в **ра**, в начале принята буква **а** для устранения нелюбимого у алтайцев двух согласных в начале слова (точно так из **стол** вышло венгерское *asztal* **остол**; алтайское **остол**—**стол**).

Ась частица вопросительная **ась?** что?

Атьны и **атьныны** молиться в разговоре с детьми), **поклаяться**.

Б.

Бабны лечь (на языке детей).

Баксыны мычать (одного корня с бык и даже араб. ее *васаг* (бык). Лат. *васса* корова и пр.)

Бан лицо (Удора); правая сторона (противоположное гуг левая сторона, изнанка), ин, открытый, ясный вид. **Петан вѳрысь** и **сэн вичкоыс банвидзѳ** как выйдешь из лесу, открывается церковь как на ладони. **Шонді-бан** ясное солнышко. [Банг (вотядкое) лицо].

Бергалѳм кружение; **бергалны** кружиться; **бергѳдчныны** сделать круг, назад обратиться.

Бива сумочка с кремнем, огнемом и трутом. Правильнее **биа** (сравни лыа и лыва песок; юал и ювал спроси; **кыа** и **кыва** заря).

Борд крыло, перышко. **Нырборд** ноздря.

Борлашыр летучая мышь.

Бѳб глупый, тупой, скудоумный.

Буз-баз (звукподр.) производя шум водою при вступлении в нее.

В.

Ван голый: **морѳс ван** грудь открыта; **ѳдзѳс ван** дверь настезь.

Вач и **нач** выражают ничтожность. **Абу вач** нем нет совершенно ничего. **Эз коль нач** не осталось совершенно ничего.

Вез всякая тончайшая нить.

Векныд узкий, **векняммыны** с'узиться.

Вел и **вер**—корви, дающие понятие о высоте и превосходстве. **Велавны** научиться, букв. делаться выше. **Велѳдны** учить или побуждать (**вел ѳд-ны**) возвышаться. **Велъялны** успеть ранее других, превзойти.

Велся (быть) одно над другим. **Вель** довольно (связь с славянским **вельми**). **Вермыны** обороть, взять верх (связь с словами **вершина**, **верх**). **Велт** крыша; покров. **Велттыны** покрывать. **Велтыртны** закрыть собой, превзойти. **Венны** оспаривать; **венсьыны** спорить.

Весь четверть. **Весьталны** (четвертить) мерять четвертями. **Весь** выражает безразличность, крайнюю маловажность. **Мем весь** мне все равно. **Весь** иногда то же, что **вач**, т. е. ничтожность. **Сылы веськодь**.

Веськыд прямой.

Весьѳпѳрны сойти с ума или уничтожиться (в смысле разумного существа).

Войтыр народ—отир (пермяц.) собств. народ, наполняющий север; соответствует слову **норманн**.

Вом рот у пермяков ом. (На телеутско-калмыцко-алтайском ам) связь с амны (см. это слово) и умны лишнее съедать, объедаться.

Вёл лошадь пожилая. Чань молодая. Чибь жеребенок. Пермский язык здесь обозначает возраст, но игнорирует полем. Названия кобылы нет у пермяк. Различие полов относительно животных на пермском вообще редко обозначается. В грамматике пермской нет родов. [По венгерски и вогульски лоу (у—в; перестановка букв). По китайски вуу срав. вёв и вёб, фин.]

Вурун шерсть. Не от санскр. ли (пракритского) var покрывать, varna покрывающий=древнеиндийское йгна, лит. vilna, славян. вльна, готское vulla вм. vulna].

Г.

Габыр горсть; габралны шупать, фиг. захватывать. Тоже кабыр.

Гаг насекомое.

Гаж веселье; гажмыны быть на веселе, гажтём не веселый, фиг. керкаыс гажтём дом, в котором живет чорт.

Гар крученный, гартны крутить, свертывать. Гарйыны копать; гарья окопы (так у пермян называются и населенные места, вероятно кривосцы бывшие). В другой форме кар город (сравни древнеирландское кар город).

Гашкё может быть (у визинцев), у других дашкё. Гашкё=гажкё (если весело, дашкё—дась=кё (если готово). То и другое имеет право на существование.

Гатш спиною вниз, противоположно кымынь брюхом вниз.

Гижны писать. Это слово произошло от гыж ногти, кои-ми начинают чертить. По вотячки гыж произносится гижы.

Гогын скобель.

Гоз пара. Гозья супруги.

Гор звук; гора звучный. Гор голос.

Гор каменка=горн.

Горань игра в жмурки; буквально искусство скрывать звук и тем поставлять субъекта, которому завязаны глаза, в полное замешательство, в полное незнание, где искать людей играющих.

Горт дом (имеет связь с град, город, garde, gerd персид).

Горт гроб. Гортё в дом; гортйё в гроб. В значении гроб слово принимает беглую й.

Гёгёр вокруг, гёгрёстны окружить, гёгралны кружиться. Гёгыль круг, гёг пуп.

Гён шерсть (у птиц пух).

Гётрал жени. Это слово то же, что гортал сделай с домом. У пермяков действительно есть слово ёртал жени

(сделай с юртой). [Подобное встречаем у турков. Ев дом. Евленмек жениться. т. е. обзавестись домом]

Гу яма; морт+гу могила. Гуясвил кладбище. Гуалны зарывать землю; гусясьны воровать, буквально (гу+сь или ысь „из“ асьны частица, присвояющая инициативу действия деятелю) из ямы извлекать; гуасьны в яму зарыться; гуся тайный, гусьон тайно, гусялом, гуом, ворованный; гуны украсть.

Гулю голубь (алт. кууле)

Гын кошма, войлок.

Гыр ступа.

Гырды кровь густая.

Гырысь крупный.

Д.

Дадны стать (на языке детей).

Дал.

Дар поварежка малая.

Дашкё см. гашкё.

Джагёдны давить. Джагыл весьма жесткий.

Джадж полка.

Джек стул (по венгерски szék).

Дженьыд короткий.

Джуджыд высокий, джудждыны возвышаться, расти.

Джёмдыны оступиться, прихрамливать.

Джыдж.

Джын половина. Джынъян половина круга.

Дзаз (звукоподражание, выражающее ходьбу по снегу).

Дзаялыны бегать по снегу босиком.

Дзал пластинка дерева.

Дзаткысьны лечь как попало и уснуть. Дзат звуковая мимика, бросаться, опускаться.

Дзеб схорони, спрячь.

Из этого корня: зеп карман, сепыс мешок [Звук этот сохранился на многих алтайских языках; так zsev (венгер.). карман. Последнее выговаривается жеб.

Дзёскыд тесный; дзескаммыны сделаться тесным, дзескалыны быть в тесноте.

Дзиж (звуковая мимика); дзизъялыны бегать подлявши хвост.

Дзик близко; дзигёдны обнять, принять в объятия, сплотить, придавить.

Дзир петля у дверей.

Дзирыд шаловливый, непоседка.

Дзож (звукоподражание) выражающее кипение масла на горячем металле).

Дзоль ягра в тонкие палочки, упоминаемая в сказках.
Тсарлѳн пиян дзоллясьѳны.

Дзоля маленький.

Дзор седой.

Дзугны путать.

Дзул дает повятие о мерцании. Дзулъявны мерцать.
Кодзул звезда, букв. то, что мерцает.

Дзуртны скрипеть.

Ді остров (*Div* или *dis* у Птолемея значит остров при названиях *Savadiv* * (Суматра) *Iavandiv* (ява) Истѳр. Земледев. Риттера).

Долыд веселый (от венг. *dall*=дол песня).

Дор поварежка большая.

Дор сторона, край; вадор берег, дор деревня (=нем *dorf*) *karđor* Архангельск (букв. край города; правильное было бы *доркар* крайний город). Дорйыны защищать; букв. брать сторону. Дорны ковать, букв. обвести по краям.

Дурмыны одуреть, дурман турун трава дурман.

Дурскыны ворчать.

Е.

Емдін село Вымское, где прежде было средоточие язычества и после была епископская кафедра.

Емва Вымь (река), в которой Стефан крестил пермян, им обращенных. Мне кажется, что *ем* и *ен* слова, которые переменились ролям ныне. *Ем* прежде значило бог (сравни *јумо* у черемес. *јumala* у финнов), а *ен* игла (сравни *вень* вотяцкое *иняс* татарское и *инье* кондомское-телеустское по р. Кондоме)—В Устьвымь и теперь ходят на поклонение. Это маленький Киев и маленькая Мекка зырян. Емдін „божье место“. Место, куда ходят молиться богу, у зырян и теперь носит название *ендін*. Этимология *Ем+дін* место иглы—была бы бессмысленна. Емва (божья река)=*Ёма ва* (см. слово *ёма*).

Ен бог (ср. древнегерманское *јептинн* мой бог, *иньмар* бог у вотяк). Здесь нет такой шутки, которая высказывалась в *ем* и *ен* (см. Емдін), т. е. *инь* не происходит от *иня* или подобн; потому что было бы тогда *веньмар* (*вень* вот. игла). (*Иньмар*=*Ильмер* или *имер* великан у скандинавов).

Енѳш (*ен+ѳш*) радуга (у пермьян *сысольских* и *визингских*, буквально божий бык. У *вычегодских* пермьян *ѳшка*=*мѳшка* (*ѳш+ка-мѳс+ка*) бык и корова. [В древнейшей мифологии индийцев лучи солнца называются *пасущимися* коровами. Сон Иосифа о тощих и жирных коровах ука-

* *Savadiv* (вероятно описка).

зывает на пагубное и благотворное действие африканского солнца]. На луне есть тóлысь ѓш, а на солнце шондї зов (сказка „руч и сѣмыр“).

Енул передняя часть избы около образов (ен).

Ж

Жеб дряхлый.

Жель спичка.

Жельнѓг терние; другие говорят лежнѓг т. е. первые три буквы перемешиваются.

Жеръяльны скалить зубы.

Жонь—кай.

Жуг

Жугѓдны изломать.

Жуллыны ломать стеклянную и фарфоровую посуду.

Жык более. Буржык лучше.

Жыр комната.

З.

Заптыны запасты, имеет связь с зеп и дзеб.

З аргыны вонзить.

Зарни золото (по венгер. *arany*).

Зэл очень (=зело=нем *sehr*). Зэлѓдны натянуть, усилить. Зэлыд натянутый, крепкий, твердый, строгий, скупой.

Зэр дождь (=зор, вотяцкое).

Зіль ревностный (франц. *zélé* однородно с зел).

Зон мальчик (=sohn) сын.

Зор жердь; зоръяльны колотить жердью.

Зѓр овес.

Зуймыны стать в нерешительности, притти в беспамяство; (О животных) уставиться лбом о землю и др.

Зумыштчыны задуматься, нахмуриться.

Зургыны ткнуть.

Зыб шест.

Зыбѓдны колебать=зыбкий.

Зыр лопата.

Зырны отодвигать.

И.

Ид ячень. Идзас солома ячменная, а потом и всякая.

Из камень. Биизз кремень.

Ик уменьшительная частица, собственно значащая один.

Ин место; инасьны найти место; фиг.—успокоиться; индыны указать (место), инмыны попасть (в место); фиг. удачно сделать выстрел, попасть в цель.

Инь женщина и самка. (По мнению китайских ученых мир держится двумя началами, мужским янг и женским ин).

На языках разных категорий это слово означает женщину и употребляется то в виде особого слова, то в виде частицы (kōpidin) Княгиня. Гусыня. Regipa (Напоминает *доу* (см. ань). По киргизски ана мать. Пермск. веж-ань крестная мать [Китайское ань тоже мать (см. энъ ср. чув. ания мать, ингге женщина).

Ис запах (по татарски также ис). Исалны обнюхивать, исьялны вонять. От ис происходит русское искомь.

Ичинь мачиха.

Ичѳт малый.

Й.

Йѳжа сырой (об овощах), недоваренный, но варенный. (Йаш телеутско-калмыцк. молодой, незрелый, сырой, свежий).

Йѳл молоко. На языке детей последняя буква становится впереди льѳ, и это новое слово произносится два раза: льѳльѳ (аналогия биби).

К.

Кад пѳра; благовремение.

Кай птичка (у черем. каик), возносящаяся.

Кай восходи.

Кась кошка [=katze (нем)]. У других пермян кань.

Кер делай=кар (удорское и нижневыхгодское) [саг савскрит.] делай.]

Кокныйд легкий.

Коми народ пермский, коми-войтыр букв. народ коми, наполняющий север ⁴²⁾

Кос промежуток. Косялны разорвать, сделать с промежутком.

Косясьны разорваться, рассориться, разодраться.

Кѳк кукушка—кык два (алт. кѳѳп).

Кѳтшас та часть избы, которая у дверей.

Куль водяной. В I в. уч. зап. Каз. ун. 1868, Шестаков говорит, что куль есть бог смерти и преисподней (кул-умри). У пермян нижн. Вычегды куль обнажен. Водяной как известно обнажен, тогда как вѳрса (леший) оброс листьями и хвоей, а на голове у него растет мох. Бубу (на языке детей), живущий в темных местах, мохнат. В бога смерти пермяне не верили. За эту жизнь у них была другая, точно такая же, за исключением большого изнурительного труда.

Купиѳтѳрны терпеть, воздерживаться, быть сдержанну. Букв. вмещаться в своей коже.

Курыд горький.

Кыл язык (мускул), **кыл(ны)** слышать и вообще чувствовать (**кылны** дойдём чувствовать боль). **Кылйён** языком. **Кыл** дар слова и слово; **кылён**, словом посредством дара слова. **Кылъялны** языковать (вынимать из глаз сор языком; к пористому мускулу сор, попавший в глаз, прилипает и пермячки—смельчаки впускают в такой глаз свой язык для вынудия сору). **Кылзыны** слушать и повиноваться.

Кылт та часть избы, в которой идет strapня и хранится посуда. Она отделяется иногда перегородкой.

Кылтны плыть по течению (как бы **гыёлтны** быть уносиму волной, от **гы** волна).

Кыр крутой берег, обрыв, (**Кыр** (алтайск.) берег и гора. **Кыркётшдорсё зыбйыштас**.

Кыскыны тянуть; **кыскёдлём** судороги, **кыскёдлө** тянут судороги, **кыскасьны** тянуться на палках; **кыскасьны** заниматься извозом; **кыскасьны** волочиться, шляться; **кыскёдлыны** волочить.

Кытш кольцо, окружность, **кытшовтны** окружить, обойти, **чунькытш** кольцо на пальце. **Кытшалны** кружить, плутать (см. **гөгөр** и **бергалём**).

Л.

Лаз одежда в роде длинного жилета, надеваемого сверх верхней одежды. (ее носят и китайцы, называя...)

Лань понятие о стране, (=Land).

Ласта дерн.

Латшкёдчыны усесться, как будто исполнивши всю работу (звуковая мимика).

Лэб корень, дающий понятие возношения. **Лэбавны** летать, **лэптыны** поднимать, **лөб** навес (**лөбул**), **лэбач** вообще летучее животное, птица. **Лыбны** оставаться на поверхности, не тонуть, не вязнуть (морд. лапа крыло имеет этот же корень; **ловані** летать по-венгерски и по-вотяцки).

Лэдзны выпустить, освободить, унизить. **Лэччы** спуститься вниз.

Лет приход Леткинский.

Лойны месить.

Лол (произносится почти у всех пермян **лов**) душа. **Ло** (будь)+**Л** (частица действия) **лол** будь и действуй вместе (**lélek** душа по-венгерски).

Ломалны гореть светлым огнем.

Лоны быть (=венгер. **leppi**).

Лоп широкое место у лопаты.

Лөг гнев.

Лөдны прибавлять, сполна накладывать.

Лөз синий, голубой.

Лөдз овод, паут, оса.

Лѳм струп.

Лѳсийны обтесывать, равнять, стружить.

Лудны свербеть, иметь чесотку.

Луз р. Луза.

Луз

Лун день. Лун—частица, выражающая временное состояние предмета. Долюдлун удовольствие (дольд веселый); майбырлун блаженство; бурлун доброта.

Лыа и лыва песок.

Лыд число, лыддыны, считать читать.

Лыйны.

Лыйысь солдат.

Лым снег (черем. Лум, фин. lumi, эст. lummi морд. лов).

Лыс хвоя; фиг. помело (из хвойных ветвей). Лыс веер для защиты от насекомых. Лыс затем дает понятие вообще о защите и убежище, а иногда является в виде лѳс; чуньлыс наперсток, синлыс ресница, юрлѳс изголовье.

Лямѳдны раздавить.

Ляпкыд низкий, ляпкѳдны унижить, пригнести.

Ляпѳдчыны колотить рукой по грязи, пачкаться фиг. говорить сущий вздор.

Ли древесный сок, лиасьны извлекать этот сок, фиг. лиалны обчистить, оградить.

Лимзыны вопить—плакать.

Личкыны пригнести; личѳдны ослабить, смягчить. Личыд свободный, слабо натянутый.

Льѳм черемуха.

М.

Ма мед (= madhu древнеиндийское).

Мазі пчела. Мазіпоз пчельник.

Майкны толоч.

Малалны гладить, ласкать.

Медводдза первый, букв. самый передний. Мѳд второй, букв. следующий (=мѳдны отправиться) Затем другие числительные производятся через прибавление ѳд к количественным. Оѳд выражает переход от одного предмета к другому: витѳд пятый, сизимѳд седьмой.

Мог обязанность, работа.

Моз подобно (когда говорится о действии). Ног когда говорится о состоянии. В 1-м случае употребляется действительный глагол, во 2-м средний глагол. Сы моз съыл; сы ног бур ло. Сравнение двух предметов выражается частицей кодъ: сы кодъ бур.

Мой бобр.

Морт человек (му+орт=земля дух).

Момот мямля, дурак.

Мудзны уставать.

Мунины уходить (в противоположность локны приходить).

Мус печень, муса милый, любезный, сердечный.

Мушкыны есть на обе скулы молча (о детях).

Мыг нижняя часть рубашек женских, юбка.

Мыж вина, преступление.

Мыждыны присуждать.

Мылкыд разум или ум, а также нрав. Умник и разумяк по русски обозначают смиренномудрого, тихого скромного человека. [По фински mieli—мылкыд. Венгер. mely (мель) значит грудь]. Зыр. мелі значит ласковый. Итак, мылкыд употребляется в смысле тихого нрава вернее, чем в смысле разума.

Но производство этого слова загадочно. Прилагательные на ыд выражают форму, температуру и вообще внешние свойства предмета, постигаемые пятью чувствами.

Мылкыд не должно исключаться. Что же такое мыл? Не то же ли, что корень мал? Малал осязать, гладить. Малкыд или мылкыд тот, кого удобно осязать, гладить, недикий, ласковый. В мылкыд буква к равняется т. (признак действительного залога: воль постилка, волькыд гладкий, то, что сделано гладким).

Мын прежде всего значит число в противоположность единице. Мый мында, Кымын? в каком числе? [На китайском языке это слово обозначает вообще множественное число: во я, во мынь мы, фантза дом, фантза мынь дом). Отсюда мын+ты+ны отчислить, заплатить, мын+т+дичы+ны отчислиться, освободиться.

Мынны освободиться (см. мын.).

Мыр пень.

Мырпом морошка—мыр+пом пень конец).

Мыш спина

Мытш кочка, мытшасьны оступиться запнуться.

Н.

Надз скупой

Намыр

Нарт своенравный, трусливый

Нач см. вач (зн. ничтожность).

Начкыны убить животное (у визинцев и человека) собств. уничтожить.

Нэм век

Нэр недозрелый

Ной сукно

Ноксьѡм суета

Ноп ноша

Нѡра уныло

Нѡб ноша, нѡбалны тащить на себе.

Нѡйтны бить, колотить.

Нѡк сметана

Нурьясьны поестъ немвого, нур эз сѡй ничего на ея.

Ны! (междометие понукания лошади).

Ны форма неопределенного наклонения; (венг. *ni: leppi* = лоны быть, *meppi* мунны уходить; *elbadpi* = велѡдны наставить).

Ны' вм. ныс они: мун+ис+ны, они ушли, вм. мунисныс (как говорят многие пермяне).

Ныж тупой

Ныл

Ныр нос

Нялда

Няльяльны блистать (о молнии)

Нямны есть (о детях)

Нянь хлеб (по киркызски нан)

Няр хилый

Нять, няйт грязь

Небыд мягкий, небзыны смягчиться

Нек молока у рыб. Няк (на вычегод. нар.) то же, что нѡнь (у других) груди, сосцы.

Нерны передразнивать

Несяыны чихнуть

Нестшкыны вырывать

Нѡбны купить

Нют.

О.

Олысь живущий. Олысь злой дух, живущий в пустых и недостроенных домах, а также сараях и других обширных строениях.

Орд внутренность, ордс внешность; орд также значит к, а ордс вне. Это слово есть корень слов орда, урда (как обыкновенно называются внутренние части азиатских городов, место пребывания ханов или беков)—ордлы: орд+лы (кость) ребро, кость, защищающая грудную полость (у чермис ёрдышлу).

Орт домовый, добряк. В каждом доме есть свой дух и у каждого человека свой.

Когда человеку предстоит смерть, тогда орт его кому-нибудь другому возвещает это бросанием в доме вещей, при чем ни кто еще не ушибался. То же делает он, давая знать домашним о смерти отсутствующего родственника.

Ортчыны встать на дыбы: **ортчасьны** встать в ряд.

Ош медведь, прежде боготворимый. Аткинсон уверяет, что остяки и теперь его почитают особенно.

Ошкыны хвалить или делать медведем. На крайнем севере назвать медведем значит так же похвально отнестись, как у индейцев назвать львом (Гайдер-Али— „лев-али“ бывший владетель мизора, отец Типо Саиба^а). Индейцы Кьява царя своего величают медвежьим зубом.

П.

Панны заткать, положить начало ткани.

Паныд напротив, **панолтны** и **панйыны** объехать. Все 4 слова происходят от **пан**, дающего понятие о перепутаньи.

Пань ложка. **Панясьны** хлебать. **Пань** соименная. Двум одноименным бабам или девкам подают одну ложку.

Парма гористое место. Вот происхождение слова **Перм**.

Пас знак. **Пасьял** обозначь. [**Пас** (алтайск.) итти, поирать, давить; чертить, писать на камне; тереть на камне].

Паськыд широкий, **паськалны** расширяться. **Усис пась** упал на землю, широко растянувшись.

Пидзёс колено (говорят и **пыдзёс**) **пыдзралны** выжимать. **Пыдз** то место, которое гнется и жметяся.

Пон собака, **понъясьны** собачиться, сквернословиться.

Пон начало, конец (оба конца) отсюда **пондыны** начать и **поналны** кончить. У вычегодцев в значении конец говорят **пом**. **Помалны** кончить, **пона** конец или кусок материи.

Порсь свинья [=porcus (латин), поросенок (русск.) parka- (индийское)].

Посньыд маленький.

Пõч старуха (пече, алт., по р. Кондоме, старшая сестра).

Пу дерево, **козпу** ель.

Пу фиг. 1) служебная часть чего либõ: **черпу** топище; 2) материал: **пызанпу** лес для стола; 3) кандидат: **поппу** кандидат на попа.

Пузчужõм кага ребенок в первую пору по рождении. [**Позу**, **пуза**, **пыза** (алт.), **бызау** (казанско-татарское) теле-нок в первую весну по рождении].

Пул брусника (пу+ул).

Пур плот; **пурõм** плотина (не отсюда ли паром?).

Пыдди пуктыны уважать, букв. ставить во что-нибудь.

Р.

Рака ворона

Ракпань раковина.

Рам смиренный

Рап

Роз гроздь, букет цветов.

Роч русский (китайцы русских зовут лоч)

Рёч кулак; рёчалны бить кулаком, собств. ребром кулака...

Ру туман; фиг. дух. (тур. ruh) Бур ру благонравие.

Руж нетвердый, сыпучий, слабый.

Руз-раз (звук. мимика) в разбросе, в беспорядке.

Рузум тряпка, корпия.

Рузь или розь дыра. Ныррозь ноздря.

Рудзалны выветриться, высушиться.

Рудзюг ржаной, (англо-сакс. ruge, литов. rugys).

С.

Са сажа.

Садь сознание, состояние трезвости, садьяялы притти в сознание, образумиться, вытрезвиться; садьямыны очнуться, проснуться; садьтём без сознания. У других вместо садь говорят сайд. У перм. саймыны пробудиться, об общего корня сайкалы прохладиться.

Сай по ту сторону; задняя сторона.

Сам у удильщиков приманка для рыбы.

Саридз

Сатшкыны вонзить, воткнуть

Си волосок, си волос. Бурси грива (букв. хороший волос).

Сидз так.

Сой верхняя часть руки.

Сюп желчь.

Став или стал весь, фиг. состав: поп-дяк став клир, состав клира, духовенство.

Стуч совсем. Колис стуч отстал совсем. Эз лбсяялы стуч совсем не сошлись.

Сыл жир тонкий, капельно-жидкий.

Сыл сажень. Происходит от сыл пространство между оконечностями пальцев, когда распростерты как возможно шире. Сылъяялы обнимать.

Сялъяялы (звуковая мимика) сиять—расхаживать (о пьяно одетых женщинах).

Сям умение, сяммыны уметь.

Сер характер, цвет.

Сералны насмехаться, характеризовать с комической стороны, просто смеяться. Слово это изобличает народ не хохочущий, но высказывающий иронию степенной речью.

Сидзны исполниться

Сё сто (=jos, jus, алтайск; juz тюрк.—перестановка букв).

Сёйны есть.

Сёр перекладина в потолках.

Сёр позднее время.

Сьёкыд тяжелый, беременная.

Сьёла

Сьёлаоз

Сьёлалны плевать.

Сьёлём сердце.

Сьёр присутствие при-ком либо.

Сьёрд ближающий лес, опушка леса.

Сюсь острый, догадливый, сметливый.

Т.

Таб наплавок у рыболовов, пробка.

Таг хмель.

Тадз так

Тай=λας (греч.) отчасти ибо (слав.).

Такодны утешить, настаивать.

Тар

Тас обруч. Эжватас, бассейн Вычегды; Изьватас бассейн Ижмы.

Татшкодны потихоньку стучать.

Тэ ты

Той

Тойны толоч. Тоин.

Том

Торкны мешать, от торк.

Тош борода. Пыштош, печкантош

Тобны пеленать.

Тодны (венг. tudni) знать.

Тождыны тужить.

Тёл зима. Тёл ветер. Тёлысь месяц (источник холода, по понятиям древних; оттого санскр. hīma месяц). Тёль-ялны зимовать, тёльзыны быть унесен ветром (венг. tél зима).

Төрны входить, вмещаться. Тёрсыны (насмешливо) есть.

Туг кисть.

Туй дорога. Туйны пригодиться; найти дорогу, ушотребление.

Тул гвоздь; тул (у вычегодцев) фунт.

Тун волшебник, знахарь. **Тунъялны** прочить, гадать, присуждать.

Тут вовсе, совсем.

Тыл сеть.

Тыр

Тыш тупой

Тявгыны лаять тонким голосом.

Тювгыны проскользнуть (о стреле, о рыбе).

Тюрк ргуть.

Тюркмуны легко пройти, проскользнуть (о шарообразных и других телах).

У.

Уалны кричать.

Уж жеребец.

Удж работа.

Уджйӧз долг, букв. тать обязательный пермяне занимали не а труд. А. работал у Б. один день, поэтому Б. обязан работать у А. столько же времени, при чем общественное мнение контролировало порядок и было весьма влиятельно в деле осуждения виновных. **Уджйӧз** оплачивался равной рабочей силой при одинаковых по возможности обстоятельствах. Работа в страду и зрелой силы не могла оплатиться работою в другую пору или силою неокрепшего. Впрочем, несколько меньших сил могли быть уравниены с одной большою и несколько дней работы в более досужее время отвечало одному дню в страду. Подробности определялись сторонами по доброй совести. Само собою заимствование труда всегда сопровождалось честностью трудившихся иначе подобного рода кредит не мог бы существовать. Развратные общества никогда не могут обойтись без денег, которые со своей стороны в значительной доле обуславливают разврат.

У . . . ны брести.

Ул низ.

Ул ветвь.

Умны пресытиться.

Ун сон, у других пермян он

Уны (на языке детей) поцеловать

Ур белка; фиг. копейка. Сто белок на жерди просто зовется жердь или палка: шать (шайт), фиг. шать рубль.

Утны лаять, у других правильнее **ултны** стоять под ветвями (ул ветвь) и заявлять о присутствии белки на дереве.

Ч.

Чинны умалиться.

Чорбм толокно с маслом, главное угощение на помочах.

Чорыд черствый, **чорзыны** очерстветь.

Чбд черниха (=сьбд черный).

Чбдлач голубика (=сьбдлбз).

Чуд (чудь). Так будто бы назывался народ, некогда населявший северные страны Европы и Азии. О чуде остались предания у всех народов северо-европейских и северо-азиатских. Но были-ли это древнейшие готы *gut Tinda* (готский календарь)?

Чукля согнутый, кривой извилистый. **Чукыль** сгиб в сторону.

Чукур сгиб в одежде, в бумаге и пр. **Чукрасьны** сгибаться, мяться. **Чукбр** толпа, стечение; **чукбртчыны** стекаться, **чуксалны** закликивать, приглашать к присоединению.

Ш.

Шензыны удивляться.

Шенны притти в изумление.

Шенбдны удивить, изумить.

Шер град.

Шой труп. **Шойчыны** или **шойтсьыны** отдыхать, уподобляться трупу.

Шоч редкий.

Шмонитны насмеяться, зубоскалить, ин. шутить незлобно.

Шмоньялны улыбаться.

Шмыньмунны улыбнуться.

Шыльыд гладкий, **шыльбдны** гладить, шлифовать.

Ы.

Ыб

Ыбдалны величаться, показывать пренебрежение, упираться, **ыббдлыны** величать. **Ыбжыд** большой. **Ыбжыд** наибольший. **Ыбждаммыны** расти.

Ышман шалун, букв. избалованный мечтою о своем величии.

Ышнясьны кичиться.

Э.

Эжны покрыть; **пась эжны** (покрыть шубу верхом). **Эжбд** покрыша. **Пась эжбд** (покрытие, верх шубы). **Эшкын** одеяло.

Эжбр зеленый. **Эжва** вычегда (зеленая вода?)

Эзысь (=венгер. *ezüst*) серебро. (Названия металлов перемешаны: аяс (древнеинд.) метал, по преимуществу железо, аес (лат.) медь, *iajn* (древнеирл.) и *cisajn* (готск.) железо, агапу венг. золото. *Ajasa-m* руда).

Эльтны обидеть слабейшего и визшего. **Обида** высшего

и сильного со стороны слабого для пермян не мыслима. Они говорят о сильном, обиженном низшим, сетчѣ поддается.

Эндыны отстать от других, замешаться; совсем пропасть. Ин. оставить занятие окончательно. **Эн** (не)+д (частица действительного глагола)+ы (для благозвучия)+ны (частица неопред. наклонения)=буквально обратить в нет, оставит втуне, уничтожить.

Энолтны оставить, покинуть, вывести из употребления. **Эн** (не)+олт заставь существовать; заставь не существовать.

Энь см инь. и ань. **Эня-пия** мать и сын.

Эрд голая земля (нем. Erde земля?).

Эскыны верить (по Лепехину и Савваитову).

Эшкын (эж-кын) одеяло, букв. в одежде (к здесь вставка, ср. ѓш-к-а).

Этш мера приличие; **этштѳм** неприличный.

Этша мало, **этша—этш** несколько.

Ю.

Ю пей; река (точно так у китайцев хе пей, река).

Юкмѳс колодец (у вычегодских пермян): ю+к+мѳс букв. шей-корова. Колодец у визингских пермян **ѳшмѳс** (бык-корова).

Я.

Ягморт сказочный герой (букв. боровой человек). Это великан доисторических времен, встречающийся у весьма многих народов. **Исполин** бе.

Ягель белый боровой мох.

Ягсер боровик (гриб).

Ямны убывать воде после разлива.

Ян дает понятие об изолированном состоянии, отвержение от кого-либо (турецко-татарское **ян** значит бок, сторона; телеутско-калмыцкое **ян**—тоже бок.) **Янал** отделись, **янсѳд** отдели, **янсѳдчы** расстанься. От **ян** происходит ряд слов о нравственном отчуждении от людей. **Яндысьны** отделяться от общества, быть застенчиву, стыдиться; **янзим** стыд, застенчивость. Последнее слово есть: **ян син** отведенное око (венг. szem (сем) глаз). На зырянском **Н** обратилось в **М**, как и в других случаях. Сравни **пон** (у сысольцев) и **пом** (у вычег). конец.

Яс—частица, выражающая множественное число. Звук **с** есть признак множественного числа на многих языках.

Е.

Ёма ведьма (у чуваш ёмзе). [Это у финских народов было одно из главных божеств. Jumala (финск.) **Йюмо** (черемис) бог. у остяков **Нума**. У эстов jummal. русские ёму называют золотой бабой].

Ён сильный, здоровый (имеет связь с junius и юный, хотя и мы не думаем, чтоб пермяне это слово взяли у славян или латинян. У тех и других, вероятно, взято с какогонибудь азиатского языка).

Ёрны клясть [Jogea=jugo (лат.) клянусь], фиг. божиться. **Ёрны** бранить, **ёрсыны** браниться, проклинаться, быть бранчиву; **ёртчыны** бранить друг друга. (В старину суд был основан исключительно на клятве, приносимой не только очевидцами-свидетелями, но и теми которые почему либо убеждены были в том или другом. Киргизы приносят клятву за других, в точности не зная о случившемся, но по убеждению, что это могло или не могло случиться. Также было у древнейших греков и римлян. Отсюда jugo сужу и клянусь).

Ёрны поражать зрение светом. Сокр.

Ё.

Ёд жар. **Ёдйён** скоро, быстро, букв. с жаром.

Ёжын долото.

Ёзйыны загореться.

Ёдз до (турецк. едже).

Ёдзёс+ёдз=ёс дверь, предел (сравни еджеис, от едж, дверь у телеутов)

Ёкмыны собираться, происходит от ёк один (санскр ёка один).

Ёлны запретить.

Ёлтны махать.

Ёні ныне, **ёнія** нынешний.

Ёс соответствует русскому винительному падежу. По-пермски ёс выражает зависимость от предмета, предыдущим словом выражаемого.

Ёш бык (=нем. Ochse)

РЕЦЕНЗИЯ НА „ЗЫРЯНСКУЮ ГРАММАТИКУ“ ФЛЕРОВА

Зырянская грамматика, изданная от главного правления училищ. Сочинил А. Флеров, Коллежский Ассесор, общества любителей словесности, наук и художеств, Член Медицинского Совета Министерства Народного просвещения Корреспондент. С.-Петербург, 1813 год. 517) ⁴²⁾

Покойный учитель истории и географии Устьысольского Уездного Училища П. З. Кокшаров между книгами какого-то дьячка нашел рукописную Зырянскую грамматику некого Филиппа Козлова, посвященную в 1808 году Преосвященному Евгению вологодскому и устюгскому, известному своею ученостью и ревностью к распространению просвещения, и написанную, вероятно, по предложению этого архипастыря. Г. Кокшаров предложил мне рассмотреть рукопись. Содержание ее напомнило мне Зырянскую Грамматику А. Флерова; я сличил Козловскую рукопись с Флеровскою Грамматикою и нашел, что правила, примеры, параграфы, слог и недостатки в той и другой одни и те же. У Флерова есть только два лишних параграфа, 3-й и 14-й, да длинное предисловие к Грамматике, из которого лингвист ничего не вычитает. Следовательно автор Козловской рукописи и Флеровской Грамматики один и тот же. Кто же он именно? В пользу Козлова говорят годы посвящения рукописи Преосвященному Евгению и издания Грамматики Флерова. И так Флеров есть автор только предисловия к Грамматике, изданной под его именем, да двух упомянутых параграфов. Это предисловие по объему равняется самой грамматике, по содержанию вовсе не идет к ней, потому что длинно-длинно говорит об обращении зырян в христианство и их великолепных нравах, и написано с явным расчетом увеличить толщину книжонки. Нельзя притом не заметить, что в шести строках одного из упомянутых параграфов, именно 16-го Флеров доста-

точно успел показать все свое незнание зырянского языка. В нем он находит три рода, мужской, женский и средний, произвольно относя к первому имена мужей, ко второму имена жен и названия отвлеченных предметов к третьему. Для названий предметов одушевленных, г. Флеров не мог уже придумать никакого рода и оставил их без всякого внимания. Известно, что зырянский язык, подобно всем монголо-финским языкам, не знает родов; для них не имеют форм ни существительные, ни прилагательные, ни местоимения, ни глаголы зырянские.

Впрочем и вся Грамматика Флерова или вернее Козлова ничего особенного не открывает в зырянском языке; автор ее что прежде всего открыл перед собою так это, вероятно, российскую Грамматику Ломоносова, потом перелисал некоторые правила ее, перевел на зырянский язык некоторые примеры, приведенные в ней, дал, своей копии другое название—и Зырянская Грамматика готова! Дешево и сердито. Слова ученого и лингвиста застрахована за наши автором... Отличительные черты Зырянского языка, суффиксы и послеположения, неизменяемость коренных слов и строго-логический синтаксис, по которому причина всегда предшествует следствию, время и место действию, и следовательно то, что зырянская речь имеет движение совершенно противоположное движению русской, все это (и кажется не мало) наш грамматист выпустил из виду. А между тем как искусно г. Флеров в своем предисловии о Зырянской Грамматике убеждает читателя, что он воспользовался всеми материалами для составления Зырянской Грамматики, и что он даже размышлял „о восстановлении древнего просвещения зырян“. Неизвестно, что воспрепятствовало г. Флерову в северных тундрах Европы и Азии открыть нечто вроде Греции и греческого образования...

Людам, занимающимся финскими языками и иногда делающим указания на Зырянскую Грамматику А. Флерова, может быть не мешает знать, что рукопись настоящего автора ее, Филиппа Козлова, находится в Устьсысольской общественной библиотеке.

О ЗЫРЯНСКИХ КНИГАХ

Неции скудни суще умом реша:
почто сотворени суть книги пермския
грамоты: и вирежь бо сего не было.
Епифаний.

Откуда зыряне взялись? Если этот вопрос обратить к зырянам, то они ответят: „от отцов да матерей“. Что было до их отцов да матерей, того они не знают точно так же, как их отцы да матери не знали, что было до их родителей, не только за 100, но и за 50 лет раньше. У зырян нет народной памяти. Да и помнить то им нечего; бедна, бедна событиями их история. У зырян летописей не водилось: „впрежь бо сего не было“, потому что они писать не умели или потому это причина важнее—что им записывать было нечего. Великие события создают летопись и летописцев; тайтяне до просвещения их христианством и до ознакомления их с письмом вели свою летопись, потому что книга не составляет единственной формы народной памяти. Курганы, рощи, пометки на тысячелетних деревьях, перемены властителей, сопровождавшиеся кровопролитиями, которых следы не смывались в века нескольких поколений, татуировка...,—вот их летопись. Что прикажете зырянам помнить? Проезды губернских чинов, полошащих и ставящих на ногу целые общества, загоняющих бедных зырянских кляч и пробующих крепость своих кулаков на рылах и зубах самих зырян... Но это так обыкновенно, что не стоит записывать. Проедет губернский юпитер и впродолжение полугода зыряне, оправляясь от страха произведенного им, опять продолжают жить так тихо, что водой не замутить. Прошедшее зырян—такая пустыня, где глаз не находит предметов, чтобы на них остановиться и по отношениям их определить обозреваемые пространства и свойства его. Зыряне шли по этой однообразной пустыне и так как ничего особенного в ней нельзя

было заметить, то и отказываются от всяких рассказов о своем путешествии. Они жили, но пережили так мало, что они находят не стоящим памяти не только общее течение своей жизни, но и какой-нибудь эпизод из нея. В пустыне зырянской истории как оазис являются только события последней четверти XIV столетия, времена св. Степана Великопермского и принятия зырянами христианства. Затем еще маломальски замечательна история зырян до епископа Филофея и до прибытия в Пермь первого царского наместника Василия Ковра в 1505 году; с Ковром гражданская жизнь зырян слилась с русской жизнью, но как капля с морем. Еще оставался один видный предмет истории зырянской—епископ и кафедра его в Устьвыми, но епископы Стефан, Питирим, Герасим и Иона уже отжили свой полезный век; после них и Филофея в Устьвыми не было ни одного замечательного епископа; иначе перевод епископской кафедры в Вологду был бы еще более достоин сожаления зырян, чем теперь. С этих пор жизнь зырян опять вступает во мрак неизвестности, впрочем такой же точно неизвестности, в какой пребывают жители Холмогорского уезда после своего Ломоносова, или обители Глазовского уезда после какого-нибудь дяди Пантелея. Указанные события были весьма важны в свое время; они нашли летописцев. Жизнь Стефана описал Епифан, один из премудрых своего времени в России мужей.

Но откуда взялись зыряне? Никто этого не знает, кроме лингвиста, для которого язык становится историей... Бальби, Кастрен, Чельгрэн и Юден, а за ним и другие ученые, сравнили финские языки, в числе которых находился и язык зырянский, с языками, употребляемыми около алтайских гор и нашли между теми и другими сходство. Из этого они заключили, что финны, а также и зыряне, пришли на настоящее местожительство свое от Алтая. Сходство финских языков с алтайскими не столько ономастическое, сколько грамматическое, не столько в самых словах, сколько в их оборотах. Но в обоих отношениях зырянский язык ближе к якутскому, бурятскому и турецкому, чем к русскому. Следовательно зыряне, якуты, буряты и турки прежде жили ближе друг к другу, чем теперь, когда они разлучены друг от друга на несколько тысяч верст. По нашему же личному мнению грамматика зырянского языка еще более приближается к грамматике языка китайского; оба языка если строго судить не имеют ни склонений, ни спряжений, ни различия родов. Татарско-турецкие языки правда не имеют же родов, но они организованы, как языки со склонениями и спряжениями. На этом основании прежде местожительство зырян и финнов надобно было бы подвинуть еще дальше Алтая, еще вос-

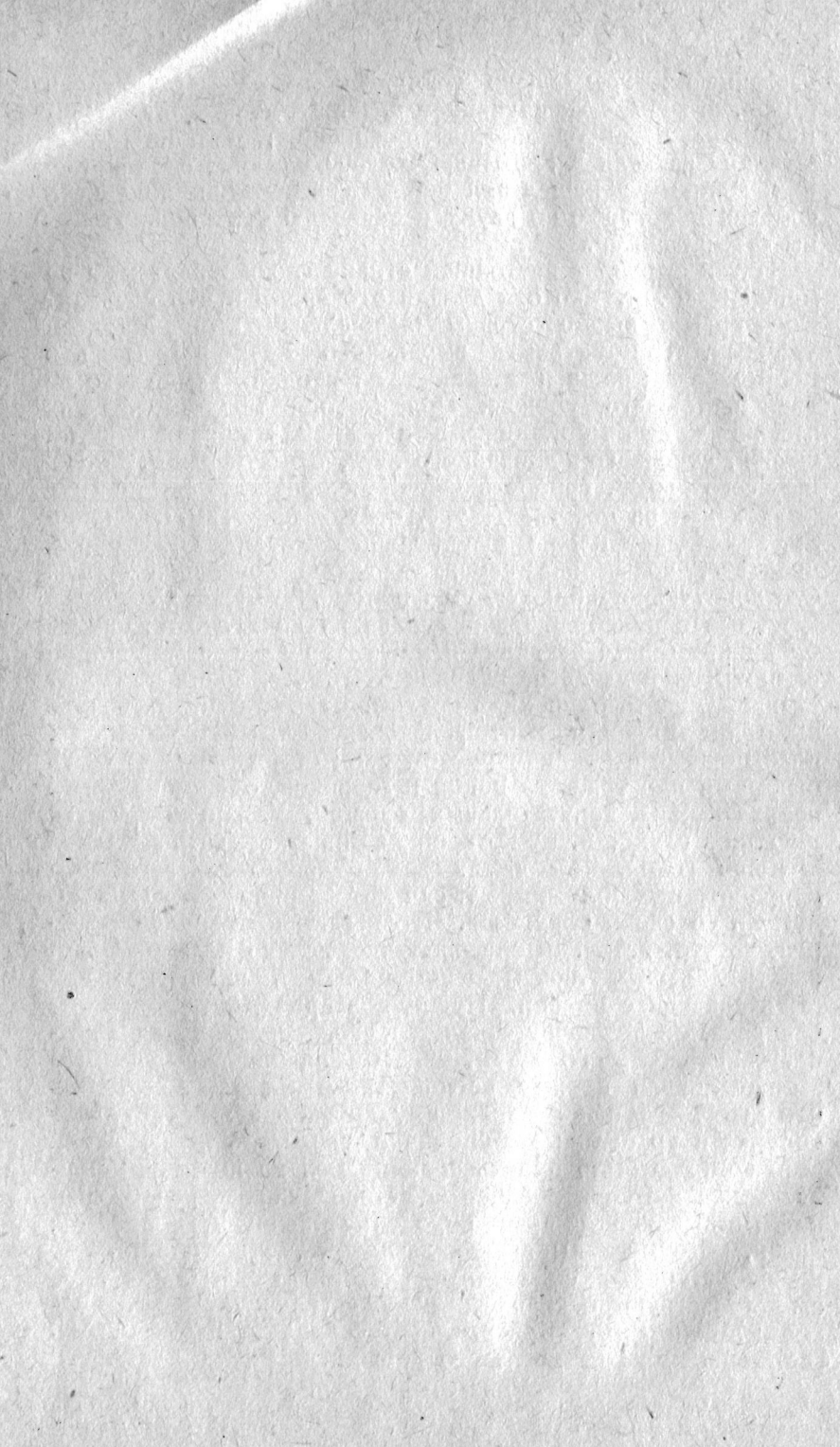
точнее, если бы мы больше надеялись на свои познания. Гумбольдт утверждал, что ему довольно было послушать разговор на каком-нибудь языке несколько минут, чтобы сказать в каком месте земного шара говорят на нем. Но если бы он послушал зырянский разговор в своей Германии, то он сказал бы вероятно, что по-зырянски должны говорить на р. Вычегде или в стране, находящейся под той изотермической линией, под которой протекает она. Так зырянский язык должен был измениться на севере, когда сюда перешли зыряне. Зыряне забыли здесь гортанную букву х, которая в таком частом употреблении у пламенных жителей Востока, как забыли они обычаи и нравы. Во всяком случае это верно: если вследствие голода зыряне нынче находят нужным переселяться в Сибирь, то они переходят ближе к своей давней отчизне.

Когда же зыряне перешли из Сибири на Вычегду, Сысолу, Вымь Лузу и Ижму? и с кем перешли? История упоминает о финнах, живущих в Европе раньше 9 столетия; след. они перешли в Европу раньше этого столетия. Но история раньше не знает переселение народов, кроме великого, которое было в IV ст. от северо-востока Европы на Югозапад ее. Переселение это народы сделали в таком множестве, что наполнили Европу, но откуда же им взяться, как не из Азии? Север европейской России никогда не имел следов густого населения. В числе этих-то народов, переселившихся из Азии в Европу под предводительством гуннов, были финны и зыряне. Китайские историки говорят что около этого времени императоры действительно гнали каких-то гуннов от Китая. Южные жители Сибири, вероятно, их отбивали от себя, и гунны со своими подчиненными толпами народов все подвигались далее и далее на север, пока перешли Уральский хребет и с новою силою устремились с севера Европы на юг и запад, нигде не встречая равного сопротивления. Но по длинной дороге они раскрошили своих многочисленных подвластных народов; Вогуличи (по зыр. Мавса) и остяки (йӧгра) остались еще на азиатской стороне Урала. Карелы и финны (Суоми), перешед Урал, не следовали за гуннами, а прямо пошли на запад и поселились перед Финским и Ботническим заливами. При каждой перемене направления пути гунны теряли часть людей, зыряне (коми) остались на Вычегде, пермяки (комму) поселились на Каме, вотяки (удмурты) в нынешней Вятской губернии, черемисы в нынешней Вятской и Казанской губерниях и пр. Все эти народы говорят на ономатически и грамматически и при том весьма близко сходных языков. Венгерцы говорят так же одним из финских языков; известно из летописей, что они переселились с Севера за Польшу уже в 986 году, прежде

название их **угры** близко к зырянскому названию **остяков-Йогра**, это вовсе не случайность. Нет сомнения, что гунны и гепиды были одвопленны с финнами; они по пути к Франции занесли в Германию же 500 или 600 слов немецких, которые я нашел при беглом пересмотре немецкого словаря и которые по звуку и значению совершенно сходны с зырянскими.

И так зыряне в настоящей стране своей живут уже не менее 1500 лет. Что они делали это время и что сделали? Во первых выбор страны был сделан ими не совсем удачный. Три четверти зырянского края находятся в полосе овса; рожь и пшеница ни в одном конце его не дают настоящего урожая. При выборе такой страны для заселения, вероятно, они имели в виду изобилие пушных зверей, строевого и дровянного леса, отчасти рыбы, и больше всего ягоды, грибов и кедровых орехов...

Так как на берегах Амура, откуда, положим, они пришли, земля дает плоды без больших усилий со стороны человека, то зыряне вероятно также понадеялись и на суглинистую с приближением глины почву берегов Вычегды т. е. вовсе не обращали внимания на почву. Там они не брали примера с китайцев и не удабривали земли хорошенько, да и здесь не научились этому. Зыряне не умеют также заменять один хлеб другим. Едва ли не выгоднее было бы зырянам картофелем засевать многие места, посвященные с крайним риском ржи; обычай их засеивать огромные пространства репой и галанкой, одними из самых неприятных и непитательных овощей, можно отнести к народной глупости, от которой не может отучить зырянина крайний голод. Так самая земля свидетельствует, что впродолжение полутора тысяч лет зыряне крайне мало думали со своей подушкой. Что касается до пушных зверей, то этот источник благополучия далеко не мог бы показаться умным людям неистощимым и никогда не мог быть сравнен с почвой. Пушной зверь бежит далеко от человека, он не любит соседства его, соревнования охотников истребить его и там, куда бы он ни скрылся. Его зыряне ловили прежде беспощадно и в таком множестве что уже и сами не знали ему никакой цены. **Ур** значит копейка и **ур** белка; это словечко свидетельствует, что у зырян можно было купить беличий мех на шубу за 2 рубля. Такое же соревнование в истреблении зверей уменьшило в зырянском крае поколение лисиц и горностаев; лосей, которых в зырянских лесах прежде много шаталось, нынче встречают со скупым счетом. Так и самые леса свидетельствуют о крайнем невежестве и бесхозяйственности зырян. Рыбу зырянин ловит снарядами первобытного состояния и она из котла его убежит.

Примечания

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Настоящая статья напечатана в „Вологодских губернских ведомостях“ за 1865—1866 гг. (№ 23, 27, 31, 37 и 18).
2. В „Ведомостях“ предложение не закончено.
3. Финны зырянками (syrgäläin en) называли бы Вогуличей (нерзб)... жители более крайние, чем (зыряне). Примеч. И. А. Куратова.
4. Повидимому, здесь имеется значительный пропуск.
5. В имени знаменитого царя их Атиллы и города **Атель** есть что-то напоминающее зырянское слово **атъб** „бог“ (у маленьких) и **атъины** „молиться“.
6. Это было в 896 году, см. летопись Нестора. Примечание Куратова.
7. См. Истор. Карамз. Примеч. к I-му тому. Примечание И. А. Куратова.
8. В данном случае видно влияние господствовавших в то время расистских буржуазных учений об азиатских народах.
9. Та роль, которую уготовал И. Куратов для финских народов, еще раз свидетельствует о том, что он в значительной степени находился в те годы в плену современных ему буржуазных теорий происхождения народов.
10. Из приведенного примера вовсе не вытекает такой вывод. Учение Марра о едином глоттогоническом (языкотворческом) процессе говорит, что наиболее развитые языки имеют законы развития общие с наименее развитыми.
11. Повидимому, Щ в Ч. Под первой буквой Ч, вновь написанной, можно догадываться о стертой букве, напоминающей Ц и Щ. В его рукописях мы читаем: сэчѳм, тачѳм, кача-рака и т. п. (вм. сэщѳм, ташѳм и т. д.).
12. Из всех произведений зырянского слова самое замечательное „Бѳрдан кылъяс“. Примечание Куратова.
13. Eaoieie (по бретонски) „он вышел из своего места“. Примечание Куратова.
14. Fecit., pomit, пишет. voit, avait и пр. Примечание Куратова.
15. Я говорил выше, что личные местоимения были первые слова человека (сначала человек говорил междометиями, выражающими желания его, но междометия—не слова); поэтому он присвоил им самые естественные и удобопроизносимые звуки m, t, s. Эти же звуки дитя употребляет в названиях тех предметов, с которыми прежде всего знакомится:
1-е мама mater mütter. мам и пр.
2-е тятя, patir, vater, батъѳ и пр.
3-е сестра, соч, soror, schwester, соер, sister и пр.

Вот три лица, с которыми дитя знакомится раньше: кормилица-мать, ласкатель-отец и няня-сестра (каждое дитя должно иметь няней свою старшую сестру? — спросит остряк. Я без ответа).

16. Издан Ак. наук. СССР в 1931 г. под назв. Г. С. Лыткин, русско-зырянский словарь (составлен по рукописному словарю Н. П. Попова).

17. Заглавие для данного параграфа взято нами, так как начальных листов в рукописи Куратова не было.

18. Под „мягкими“ и „твёрдыми“ Куратов понимает звонкие и глухие. Несоответствие между классификацией звуков и приведением примеров может быть объяснено опiskeй Куратова, не успевшего отредактировать текст.

19. В рукописи нет страницы.

20. Дальше Куратов приводит, как иллюстрацию производного слова, слово бурвисталбм (евангелие).

21. В другом варианте грамматики есть примечание: Эти вставочные буквы нечто вроде t между французскими словами a-t-il.

22. 67. Есть ряд слов, опровергающих эту формулировку: варт, сувт, курт.

23. Во втором варианте примечание: „§§ 3,4,5 и 6 до сих пор не были разработаны толком; оттого в „зырянские грамматики“ вкрались большие ошибки, как, например, страшный урожай в падежах и склонениях. Я думаю, что все „финские грамматики“ в общем и частном смысле имеют этот же недостаток. Означенные §§ довольно трудны для изучения; в них чорт ногу переломит; мне они пот прошибли“.

24. Понимание И. А. Куратовым аффиксов видно из приведенного ниже отрывка текста, озаглавленного „Об аффиксах“.

§ 1. Аффиксами вообще называются прибавления к тематическим буквам слов или корням их. Так, к теме русского слова зр прибавляют аффиксы, получаем: зреть, зрение, созерцание.

§ 2. Аффиксы называются префиксами, когда они прибавляются спереди корня (в слове созерцание слог со есть префикс), суффиксами, когда прибавляются сзади слова (в слове зрение слоги ение суть суффиксы), и инфиксами, когда вставляются между тематическими или коренными буквами слова (в слове созерцание буква Е, вставленная между З и Р, есть инфикс).

§ 3. Аффиксы в этих трёх формах суть не что иное, как развитие языков. Однако, если верить тому, что китайский язык состоит из одних коренных слов, то аффиксы не есть единственное условие развития языков. Аффиксы и в алтайских языках имеют слабую связь с корнями получая значение самостоятельных слов.

§ 4. Что касается зырянского языка, то аффиксы в нем имеют самую слабую связь с корнями, кроме изменений в личных местоимениях; из них префиксы употребительны только при местоименных частицах, суффиксы при именах и глаголах и при том так, что суффиксы можно рассмагривать, как особые коренные слова; инфиксов здесь вовсе нет, что весьма важно для изучаемого языка, потому что это-то яснее говорит в пользу того, что язык может обойтись без таких условий, в которых развились семитические и индоевропейские языки, без аффиксов, но только через присоединение коренных слов для выражения сложнейших понятий.

§ 5. При изучении зырянского языка надобно строго держаться представленного нами определения видов аффиксов. Так например в слове вилзбдны „смотреть“, составленном из видз-бд-ны, хотя слог бд стоит в середине слова, но не есть инфикс (см. определение инфикса); здесь видз—корень, а бд и ны суффиксы и даже особые слова.

§ 6. Исключительные явления аффиксов в этой книге будут показаны в своих местах. Исключения эти не противоречат общему понятию о зырянском языке, как языке без аффиксов, потому что ни один язык, подвергаясь влиянию условий места и времени, не может остаться всегда вполне верным своему первоначальному типу, главному предмету изучения языков

25. Во втором варианте приведены примеры на употребление суффикса с глаголами: suffix'ы при глаголах образуют формы лиц и числа.

Муніс в. муні ыс ушел.

Мунінынъд (муні ныд) вы ушли.

Муніс ныс они ушли.

Когда suffix'ы употребляются с неопределенным наклоном, то они сокращаются в обоих числах в м, д и с, т. е. остаются только основами их.

Сылынн'д тебе петь, ты петь...

Сылынн'с ему петь, он петь...

Сылынн'м мне петь, я петь...

(Примечание: неопределяемое местоимение 2 лица ыд с неопределенным наклоном и часто с существительным иногда выражает предмет и действие неопределенные. Например: Пиянынъд вундлбны аймамсб. „Дети забывают своих родителей“. Сёрнитн'д (тб)колб кужны „говорить-то надобно уметь“. Русская частица ТО (делать-то, красный-то) происходит вероятно от зырянского неотд. мест. 2 л. Не даром она употребительнее около Вологды, соседки зырянской страны“). (Неверное суждение о происхождении частицы ТО; встречается она и в южном наречии (та), а в болгарском языке представляет весьма жизненное явление (определение рода)—(Ред.)

Suffix'ы с послеположениями.

С послеположениями ОН, ОС, ЛЫСЬ, ЫСЬ, О, ЫН suffix'ы сокращаются, как мы видели“.

26. Приводим более полный перечень форм существительного из другого варианта на примере „морт“:

1. С суффиксами: морт'д „твой человек“; морт'ясыд „твои люди (человеки)“, морт'ясыд „ваши люди“; морт'ыс „его человек“, морт'ныс „их человек“, морт'ясыд (морт'ясыс—Ред.) „его люди“, морт'ясныс „их люди“. Морт'ным или морт'ой „мой человек“, морт'ным „наш человек“, морт'ясыбй „моя люди“, морт'ясным „наши люди“.

2. С послеположением.
Морт'лбн человека.

Морт'лы человеку.

Морт'ясыбс человек.

Морт'тбс человека.

Морт'тбн человеком.

Морт'ясыбн человеком.

3. С suffix'ами и послеположениями.
Морт'ыслбн его человека.

Морт'ыдлбн твоего человека.

Морт'ыслы его человеку. Морт'ыдлы твоему человеку. Морт'ойлы моему человеку.

Морт'яснымбс наших человек (вин. пад. русский). Морт'яснытб ваших человек. Морт'яснысб их человек.

Морт'тбс его человека. Морт'тб твоего человека.

Морт'нам моим человеком. Морт'над твоим человеком. Морт'нас его человеком.

Морт'яснам моим человеком. Морт'яснад твоим человеком, Морт'яснас его человеком. Морт'яснаным наших человеками. Морт'яснанынъ вашими человеками. Морт'яснаныс их человеками.

Мортъсь из человека.

Мортлысь у человека.

Мортсянь от человека.

Мортлань к человеку.

Мортъясла за человеком.

Мортдод через человека.
по человеку.

Мортдодз до человека.

Мортдодг без человека.

Мортын в человеке.

Мортд в человеке.

Мортдор в стороне человека.

Мортдти по человеку.

Морт понда для человека.

Морт кындзи*) кроме человека.

Мортъсьд из твоего человека,
Мортъясьсьд из твоих человек.
Мортъсьс из его человека. Мортъясьсьс из его людей. Мортъясьсьным из наших людей.

Мортддлысь у твоего человека.
Мортъясьслысь у его людей.

Мортсяньд от его человека. Мортсяньд от твоего человека.

Мортланьд к их человеку. Мортъясьланьным к нашим людям.

Мортъясьсла за людьми его. Мортддла за твоим человеком.

Мортдодд через твоего человека.
Мортдоддныс через их человека.

Мортдоддныс до наших людей

Мортдоддг без твоего человека.

Мортдоддгным без нашего человека.

Мортддм в моем (моего) человеке или человека.

Мортддм в моем (твоего) человеке или человека. Мортддм в его.

Мортддныс в их. Мортддныс в вашем (вашего) человеке или человека. Мортддныс в нашем (нашего) человеке (ка).

Мортддныс в наших людях.

Мортдордс за его человека.

Мортддстным по нашим людям.

Мортддм и мортддм понда для твоего человека.

Мортддм кындзи*) кроме твоего человека. Мортддм кындзи*) кроме его человека.

Здесь же примечание:

„Саввантов нашел 17 падежей, т. е. 17 послеположений (предлогов), в том числе ддз „до“, ддд „с“, ддг „без“ и другие. Странно почему он не причислил также к падежам ла „за“ (мортдла), а „в“ (ваа), ддсь „в“ (вадсь). Кажется, он все односложные послеположения хотел причислить к падежам“.

27. Во втором варианте имеется: „предложному (падежу соответствует послеположение) ддлысь; винительному, если говорится о предмете разумном, ддс; к названиям предметов разумных, следующим после действительного глагола и след. соответствующим винительному падежу, это ддс не прибавляется, если существительному не сопутствует suffix“.

28. Во втором варианте сказано следующее: „Всякое зырянское слово может быть употреблено в смысле существительного; через прибавление к нему ддс образуется его множественное число. Тан „здесь“ (наречие): танъястд эн висталь „здесь“ и-то не высказывай“!

29. Во втором варианте: „Наконец существительные имена часто принимают значение относительных прилагательных. Кдрт тул (железо гвоздь) „железный гвоздь“, clou de fer; пу чуманъяс (дерево корзины) „деревянные корзины“, panies de bois“.

30. Во второй тетради имеется примечание: „Саввантов и другие думали, что жык *) есть особая форма прилагательных; этот вздор опровергается тем, что жык употребляется и после глаголов: кужд-жык тэсь сийд сьлны „он поет лучше, чем ты“.

*) В рукописи кындза (Ред).

**) джык (Ред.).

31. Во втором варианте этот пункт сформирован яснее:

„Если прилагательные составляют сказуемое (с подразумеваемым глаголом эм „есть“), то во множественном числе принимают особенную частицу **о́сь***, (Примечание: „что яе и о́сь самостоятельные частицы, а не формы имен, то доказывает то обстоятельство, что они прилагаются ко всем частям речи: то-тай „вог“, то-тай-о́сь „вог они“... во множестве).

32. Во втором варианте параграф начинается так: уменьшительные прилагательные образуются через прибавление к коренным прилагательным окончаний йик, ник, иник, индзик, бндзик. Томыник „молоденький“ (от том „молодой“), ичбтик „маленький“ (от ичбт „малый“), йб-йыник „дикий“ (от йбй „дикий“), дэблиндзик „маленький“ (от дэбля „малый“).

33. На полях вставка: „Родство с йбс или яс под влиянием многих чего-нибудь“.

34. Здесь в рукописи недостает около 2-х листов.

35. Текст о числительных на отдельном листе: „... впрочем до сих пор говорят зыряне по р. Лузе) было неудобно в следствие двух к; поэтому одно обращено в т и получено бтик.

Числа кык „два“, нель „четыре“, вит „пять“, квайт „шесть“, дас „десять“, сё „сто“, сюрс „тысяча“ суть первообразные, как можно заключать из односложности их.

Прежде чем производить остальные числа надо знать, что зырянское мын или, по удорскому наречию, мыс означает пропорцию или меру. Как большая часть народов, зыряне числа меряли десятками, каждый десяток называя мын или мыс. Отсюда произошли: коймын (койм „3“, мын) „тридцать“, нелямын (нель „4“ а „с“, мын) „40“, ветымын (вит „5“, мын), квайтымын (квайт „6“ мын) „60“.

Окмыс „девять“ (т. е. бк „один“ и мыс „мера“) и кбкъямыс „во семь“ (кбк—кык, а „с“, мыс) дают знать, что к первому до полной меры или десятка недостает одной единицы, ко второму двух.

Куим и сизим (три и семь) в первобытном виде, вероятно были: койм и сизым. Первобытное койм осталось в порядочном числительном: коймбд „третий“. Слово сизым не слишком удобное для выговора принято между зь и м и соответственно слогу си. Число кызь „20“ вероятно есть сокращение кык—мыс: сизимдас „70“, кбкъямысдас „80“, бкмысдас „90“, от простого счета встреч числа десять. Числа, находящиеся между десятками, прилагались к последним без соединительных частей. Дасбтик „11“, даскык „12“ и пр. Кызь бтик „21“, кызь кык „22“ и пр.

Порядочные числительные произошли от количественных через прибавление к последним послеположения бд „через“, „сквозь“ (и вообще означающего в соединении с другими словами переход). Дасбд „десятый“ (от дас „десять“). Исключаются отсюда медводдза „первый“ (мед наречие, выражающее превосходную степень, водз „перед“ и а „с“), медббръя „последний“ (мед, ббр „зад“, а) и мбд „второй“, который есть первообразное слово.

От количественных же произошли: разделительные через прибавление к первым послеположения бн „посредством“, совокупительные через наң (нан-бн). про...“

36. Самую отрицательную частицу пока оставляем. Примечание И. А. Куратова.

37. Здесь в рукописи недостает около 2-х листов.

38. Второе и третье лица прошедшего времени множественного числа ныд и ны' или ныс суть аффиксы. Примечание А. И. Куратова.

39. Этот глагол служит вспомогательным только в первых двух значениях, нами показанных. Он происходит от пом „конец“, т. е. „первый“ или „начало“. Примечание И. А. Куратова.

40. На этом, рукопись обрывается. Но Куратов не хотел и не ограничился только этими материалами.

Известно, что имелась следующая важная пометка Куратова, бросающая свет на вопросы занятия Куратовым коми языком: „Односложность пермского языка есть главное его свойство, которое приближает его к китайскому и японскому. Это свойство в некоторой мере много объяснено в 1865 г. в статье „Зы р. язык“ (Вол. Губ. №№), статье весьма однакоже слабой, написанной наскоро, для наживы нескольких рублей в пору крайней нужды. Тщательнее этот предмет обработан в готовом сочинении моем:

„Синтаксис Пермского (зырянского) языка“, Пермский язык есть первообраз всех алтайских языков“.

Из этой заметки следует, что Куратовым был написан и „Синтаксис“ коми языка. К сожалению, этих его тетрадей обнаружить нигде не удалось, и не имеется никаких указаний, куда они могли попасть, или где они находятся.

41. В „Материалах для Пермского толкового словаря“ порядок слов приведен в соответствие с современным алфавитом коми языка.

42. Здесь редакцией пропущена характеристика Куратовым основных наречий языка коми, повторяющая характеристику, данную в первой статье.

43. Эта работа представляет рецензию на книжку „Зырянская грамматика“ А. Флерова, 1813 г., помещенную в „Вол. Губ. Вед.“ за 1864 год в № 43.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Зырянский язык

1) Место зырянского языка между другими языками	29
2) Наречия зырянского языка и их оттенки	31
3) Этимологические формы зырянского языка	33
4) О синтаксических формах зырянского языка	40
5) Зырянский язык в фонетическом отношении	42
6) Зырянский язык в логическом отношении	44
7) Зырянское звукоподражание и звуковая мимика	48
8) Замечание о зырянском счислении „мерах и весах“	49
9) Общий взгляд на зырянские слова явлений природы и умо- зрительных понятий	50
10) „Грамматика зырянского языка Н. Саввантова	53

Грамматика зырянского языка

1. Название зырян	61
2. История зырян	62
3. Зырянский язык в отношении к другим	64
4. Зырянский язык в отношении к русскому	67
5. Бедность зырянского языка	—
6. Зырянская фонетика	68
7. Особенности зырянского языка	—
8. О личных местоимениях	69
9. Зырянские буквы	70
10. Пособия для изучения зырянского языка и составление грамматики	71
11. Зырянские словари	—
12. Для чего нужно изучать зырянский язык	—

Зырянский алфавит	72
Главные свойства зырянских слов	73
Этимология	79

79	Аффиксы	79
81	Имена существительные	81
83	Имена прилагательные	83
86	Местоимения	86
90	Глагол	90
	Материалы для пермского толкового словаря	101
	Рецензия на „Зырянскую грамматику“ Флерова	120
	О зырянских книгах	122
	Примечания	129

Отв. по выпуску *А. А. Вежес.*

Техред. О. Размыслова.

Уполн. Главлита № 3805. Заказ № 2246. Издание № 155. Слано в производство 1/XI-39 г. Подписано в печати 20/XII-39. Стат. формат бумаги 60X92 1/16. Печ. листов 8,5. Уч. авт. листов 8. Тираж 5000 экз.

Типография НКМП Коми АССР, г. Сыктывкар, Дом печати.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
15	9 снизу	литературы идущей разрез	литературы, идущей в разрез
23	20 сверху	фрм	форм
35	1 сверху	ми	мы
47	22 сверху	выражают	выражать
47	23 сверху	утверждают	Утверждают
94	3 снизу	личные	личное
96	15 снизу	говорилы	говорили
114	22 снизу	сб	от
121	18 сверху	Слова	Слава
124	11 сверху	пламенных	племенных
134	6 сверху	много	мною